

МФФ

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

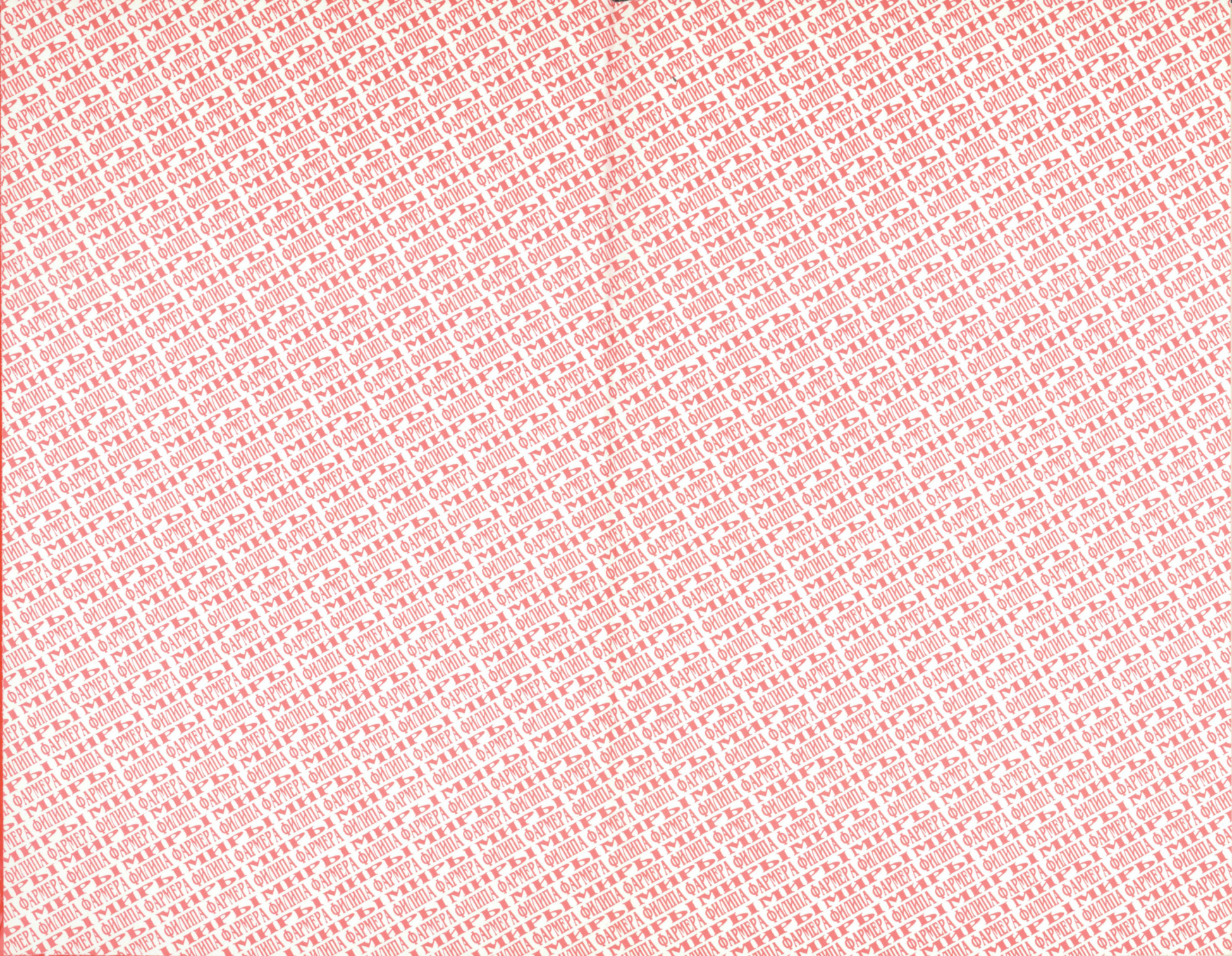
20

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

20

ФИЛИП ФАРМЕР

WORLDS OF PHILIP FARMER

JESUS ON MARS

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

ИИСУС НА МАРСЕ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Филипа Фармера. Т. 20 / Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 347 с.

Очередной том собрания сочинений знаменитого американского фантаста составил роман «Иисус на Марсе», посвященный теме религии и веры.

Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Jesus on Mars

Copyright © 1979 by Philip José Farmer

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1996

ISBN 5-88132-338-6

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В двадцатый том собрания сочинений одного из самых противоречивых, скандальных, странных фантастов Америки вошел написанный в 1979 году роман «Иисус на Марсе».

Уже не в первый раз обращается фантаст к одной из своих излюбленных тем — теме религии. Его карьера начиналась с рассказов об отце Кармоди; немалую роль играет религия в «Любовь зла» и «Конце времен», в «Мире наизнанку» и цикле романов о мире Реки. И даже образ Иешуа из Назарета возникает в его творчестве не впервые — достаточно вспомнить хотя бы повесть «Мир Реки» из одноименного сериала. Но «Иисус на Марсе» стоит в этом ряду особняком. Отчасти потому, что относится к куда более позднему периоду. Книга вышла в свет двумя годами позже «Темных замыслов» — третьей книги «Мира Реки», появившейся после довольно долгого периода творческого молчания. А отчасти...

Отчасти потому, что впервые Фармером была поднята тема не просто религии и ее связи с человеческой жизнью, но тех ее аспектов, которые большинство писателей стараются вежливо обходить, чтобы не задеть, как принято выражаться, «чувств верующих». На самом деле подобное замалчивание есть лишь рефлекс страуса, прячущего голову в песок. Реальность не исчезнет от того,

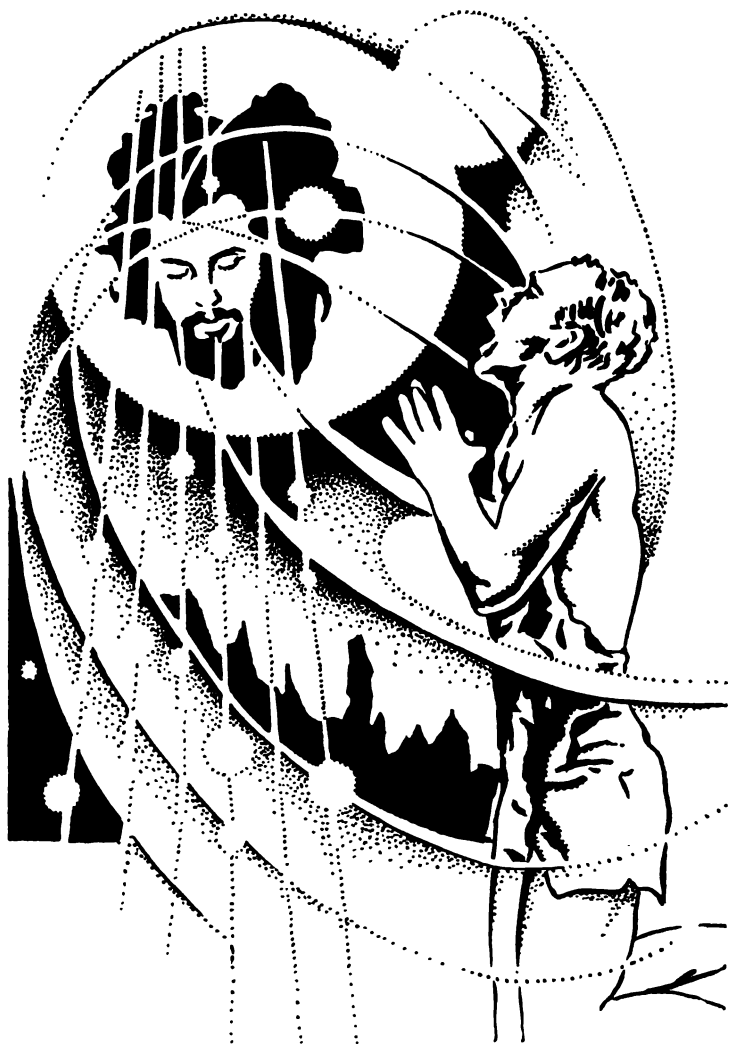

что на нее не обращают внимания. И особенно болезненным кажется вопрос: «а что было бы, если...»

Итак, первая экспедиция на Марс достигает поверхности красной планеты. И... оказывается в полном составе пленена обитателями подземных городов. Часть из них — застрявшие в Солнечной системе инопланетяне, часть — похищенные теми с Земли люди. И все — иудеи. А обратил крещийцев, строителей звездолетов, в веру Израилеву две тысячи лет назад человек по имени Иешуа — Иезус го-Христос, Мессия, чудотворец, сын Божий.

Такова завязка романа. За прошедшие два тысячелетия смешанное общество марсиан искоренило преступность, болезни, и прочие малоприятные черты земной цивилизации. Теперь оно готово принести блага мессианского иудаизма землянам... если те будут готовы принять Иисуса. Но остается вопрос — а кто называет себя этим именем? Действительно ли он сын Божий? Или это наделенное странными силами существо (чего стоит хотя бы настоятельная потребность «Иисуса» проводить большую часть времени в атомном реакторе?) принадлежит нашей Вселенной? И какие цели оно преследует?..

Ответ на эти вопросы Ричард Орм должен получить, пока флагман марсианского космического флота движется к Земле...

ИИСУС НА МАРСЕ

ГЛАВА I

Система ущелий Валлис Маринерис темнела на красном теле раной. На три тысячи миль тянулась она вдоль экватора Марса, достигая в самом широком месте пятидесяти миль и уходя на несколько миль в глубину. Она была похожа не только на глубокий разрез на трупe, но и на колоссальную тысяченожку — ее ногами были каналы, выющиеся по горам к широкому разлому, а щеточками на ногах — их притоки.

Как с невероятно высокой горы, смотрел Ричард Орм с «Ареса», находящегося на стационарной орбите. На юге задували резкие ветры, несущие высокие ледяные облака и низкие тучи красной пыли, затягивающие часть системы ущелий, которая была целью экспедиции. Ричард отвернулся от иллюминатора и подплыл к Мадлен Дантон. Она сидела возле обзорного экрана, пристегнутая за пояс к привинченному

к палубе креслу. За ней плавали Надир Ширази и Аврам Бронски, вцепившись руками в спинку ее кресла и глядя на экран из-за ее спины.

Орм схватился за плечо Ширази, развернулся и замедлил движение. На экране был туннель, который спутник сфотографировал пять лет назад. Кровля его — когда-то тонкий слой скалы — провалилась, и открылся проход шириной десять футов, двадцать футов в высоту и восемьдесят футов в длину.

Пыльная буря из иллюминатора казалась сплошной стеной, но на снимках, передаваемых на борт высаженным два года назад роботом-вездеходом, видимость была футов на пятьдесят. Дальше все скрывалось в красной дымке.

Пол туннеля тоже медленно покрывался пылью. С одной стороны туннель уходил в темноту под еще не рухнувшую кровлю, с другой, еле различимая сквозь пыль, виднелась дверь. Она была сделана из чего-то темного, что могло оказаться металлом или камнем. Судя по гладкости, дверь была предметом промышленного производства.

На черной поверхности выделялись два больших оранжевых знака: греческие буквы, прописные тау и омега.

На овальном лице Дантон не отражалось ничего. В ястребиных же чертах лица Ширази было такое напряжение, что Орму представилась хищная птица, заметившая на земле кролика.

На темном симпатичном лице Бронски застыла улыбка.

На его собственном черном лице, предположил Орм, можно прочесть какой-то намек на экстаз.

Сердце у Орма застучало сильнее, и если бы к нему были присоединены датчики, то через одиннадцать с половиной минут центр в Хьюстоне зафиксировал бы учащение пульса. Но Орм уже был одет в прыжковый костюм. Через два часа — запуск. К тому времени ветер внизу должен был, согласно прогнозу, перейти в легкий бриз.

— Давайте посмотрим на корабль, — предложил Орм.

Дантон отстучала приказ на лежащей перед ней миниатюрной консоли. Камера поднялась вверх, показав темные контуры, неясно видимые сквозь пыль, уходящие на миль вверх стены разлома, и наконец — что-то массивное. Даже не корабль, а лишь намек на него, призрак.

К нему полз вездеход. Прошли минуты, и закругленные обводы предмета стали яснее. Дантон остановила робота устным приказом. Теперь стал виден тот округлый предмет, что привлек шесть лет назад внимание спутника, вызвав на земле ошеломление и возбуждение, из-за которого и была послана на красную планету первая экспедиция с участием людей.

— Сотни раз смотрел я на это с Земли, — сказал Орм. — И все равно не верю. Космический корабль!

Никто ему не ответил. Было понятно, что он говорит, просто чтобы сбросить напряжение.

Давно ли приземлился или упал здесь этот корабль? Сто лет назад? Тысячу? Сколько лет прошло, пока не скрыл его оползень выветренного камня? И сколько еще лет прошло, пока часть скалы не разрушилась, обнажив лишь малую часть колосса? Или корабль был намеренно скрыт своим экипажем под слоем камней?

Если бы не любопытство одного австралийского ученого, его подозрение, что темный предмет на фотографиях выглядит неестественно, и не его настойчивость, корабль могли бы так и не заметить. Его могли бы никогда не найти. Но потом обнаружили вскрывшийся туннель, и через три года на Марсе приземлился робот для осмотра на месте. И мир встрепнулся.

Ричарду Орму, родившемуся в Торонто, Канада, в 1979 году, было тридцать лет, когда ИАСА неохотно признала, что закругленный предмет имеет несомненно искусственное происхождение. Ричард смог понять, что за этим последует, и сделал все от него зависящее, чтобы стать членом экспедиции. Кто будет четвертым членом команды и ее капитаном — он или австралийский астронавт — было решено броском монеты. Проигравший улыбнулся и поздра-

вил победителя, но в тот же вечер напился и был сильно изувечен в автомобильной катастрофе. Орм понимал, что его вины здесь нет, но от неприятного чувства отделаться не мог. Частично это чувство было связано с радостью, которую он ощутил из-за своей победы.

Орм взглянул на хронометр и объявил:

— Пора начинать следующую фазу.

Дантон осталась у консоли, Бронски и Ширази стали помогать Орму натягивать скафандр. Тем временем Дантон с легким французским акцентом передавала на Землю поток данных о внешней среде и ходе подготовки к высадке. Это было не просто, потому что из-за временной задержки все вопросы с Земли приходили позже передачи той информации, к которой они относились. И Мадлен приходилось помнить, что она говорила двадцать минут назад.

Их слушал весь мир. И будет слушать и дальше при каждой возможности. Операция должна была пройти гладко — все действия отработаны в многочасовых тренировках на Луне, — но тем не менее всегда существует возможность неполадки электромеханики.

Наконец Орм и Бронски перешли через люк в посадочный модуль — «Барсум». Глава ИАСА в детстве читался Эдгара Райса Берроуза. И звали его Джон Картер — как героя ранних книг Берроуза о Марсе, который вымышленные туземцы называли Барсум. Именно Картер

первым предложил это название и предпринял необходимые политические шаги, чтобы его приняли. Те, кто хотел назвать модуль «Тау омега» — по двум символам на двери туннеля, — проиграли при голосовании еле заметным меньшинством.

После получасовой проверки Орм дал команду на запуск. На слабой реактивной тяге «Барсум» отделился от корабля-носителя. Орм ощутил тепло где-то в районе пупка, будто перерезали нить, связывавшую его с родной планетой. Однако на переживания не оставалось времени. Надо было сосредоточиться на выполнении задачи — ориентировать модуль относительно поверхности и постоянно отслеживать характеристики полета. Ричард должен был стать безупречной машиной, а благоговение и изумление вместе с экстазом достижения цели надо отложить. На это еще будет время после приземления. И то если все будет в порядке.

Команда тренировалась на Земле на куда более мощной машине, которая могла справляться с большей гравитацией и более плотной атмосферой. И на Луне они тоже тренировались; там притяжение было куда слабее земного, а атмосфера практически отсутствовала. Здесь же атмосфера, хотя намного менее плотная, чем земная, была существенным фактором. Но теория посадки на Марс была разработана так тщательно, а экипаж был настолько тренирован в ими-

тируемых условиях, что на практике проблем не должно было возникнуть.

Четыре дня экипаж «Ареса» ждал, пока уляжется ветер. Теперь наконец высокие ледяные и низкие пылевые тучи стали оседать, и лишь отдельные перистые облака висели между кораблем и планетой, а состояние атмосферы на поверхности не должно было создать трудностей.

Красный шар быстро рос. Исчезла из виду вершина Олимпа — вулкана высотой в пятнадцать с половиной миль и площадью со штат Нью-Мексико. Расширился и ушел за горизонт хребет Тарсис, похожий на колоссального динозавра с роговыми пластинами на спине. Перед космонавтами ширилась пропасть Титония глубиной в несколько миль и шириной в сорок шесть миль, часть системы ущелий Валлис Маринерис.

На двадцать секунд, пока корабль проваливался в ледяное облако, их окружила белизна. На востоке лежала тень, марсианская ночь, надвигавшаяся почти с той же скоростью, что и на Земле. Нос корабля погрузился во тьму и страшный холод. Но и его поверхность тоже была не особенно раскаленной: после приземления температура обшивки составляла всего плюс двадцать по Цельсию.

Орм развернул посадочный модуль носом на запад, и разреженный, хотя и сильный ветер

понес их на восток. Капитан подрегулировал двигателя, чтобы уравновесить напор. «Барсум» спустился, и воздух, как заметил Орм, становился плотнее, хотя скорость ветра была уже не та, что в высоких слоях. Он уменьшил тягу двигателя, и индикатор показал, что «Барсум» выдерживает заданный угол движения. Прямая, проведенная под этим углом от корабля, упиралась в дно пропасти Титония — точку посадки.

Время шло. Орм загружал данные в передатчик, и они отправлялись на Землю вместе с фотографиями приближающейся поверхности Марса и двух космонавтов в этом материнском чреве из облученного пластика.

Под ними, как пасть, открывался разлом. Широкие склоны вулканов ушли за горизонт, и модуль уже находился ниже величественно вздымающихся утесов. На них еще падал слабый, но яркий солнечный свет красной планеты. И лишь когда солнце снизится, космонавты окажутся в тени западной стены.

Орм, глядя время от времени в иллюминатор, видел металлические изгибы другого корабля, погребенного под слоем почвы. Красноватые камешки и более тонкая субстанция — пыль — смешались с выветренным материалом стен каньона. Здесь ветер был слабее, что облегчало задачу Орма.

В порыве чувств Бронски забыл английский и заговорил по-польски. Это был когда-то его

родной язык — французский он выучил только в десять лет, когда его родители сбежали в Швецию и оттуда — в Париж. Он тут же спохватился и перевел свои слова:

— Это и в самом деле искусственный предмет! Это корабль!

Орм хотел сказать, что еще предстоит узнать, корабль или нет, но не было времени комментировать. И к тому же он чувствовал, что Бронски прав.

Модуль твердо встал на все шесть ног, чуть присел, когда телескопические стояки самортизировали удар, и снова приподнялся, когда они выпрямились. Орм отключил тягу и минуту сидел, ощущая слабое притяжение Марса и слушая тишину. Потом радостно крикнул:

— Эй, марсиане! Мы здесь!

Было у него заготовлено много всяких изречений, некоторые весьма поэтичные, но он решил пока послать их к черту и сказал первое, что пришло на ум.

В тишине раздался голос Дантон:

— Поздравляю, командир!

Орм даже удивился, когда вдруг руки Бронски обхватили его сзади и голос рывкнул в уши:

— Мы это сделали, о Господи!

— И Он тоже здесь, — ответил Орм, имея в виду именно то, что сказал. — Хотя местность тут и похожа на мастерскую дьявола.

ГЛАВА 2

Орм отстегнулся и медленно встал, помня, что гравитация здесь слабее земной. Выглянув в иллюминатор, он передал краткое описание картины. Модуль стоял в трехстах футах от края склона в зоне, изученной с «Ареса». Тут было не слишком много каменных обломков по сравнению с дном каньона, и ноги посадочного модуля не попали ни на один из них, а встали на очищенную недавними ветрами от пыли скальную поверхность. В верхнем иллюминаторе было видно небо, светло-синее, испещренное хвостами перистых облаков. К модулю приближался исследовательский робот «РЕД-2» — тот самый, который первым обнаружил две греческие буквы на двери туннеля. Дантон дала ему команду подойти к «Барсуму» поближе и передать изображения космонавтов, когда они выйдут из модуля. С «Ареса» эти изображения

отправятся на спутник ИАСА и с него — на Землю.

В восьмистах футах за роботом находился невидимый теперь туннель. Бронски с Ормом взяли за работу. Застегнув и проверив скафандры и шлемы, они втиснулись в тесную декомпрессионную камеру и закрыли внутренний люк. Орм включил манометр и нажал кнопку. За три минуты давление в шлюзе снизилось до уровня внешнего. Тогда Орм открыл наружный люк и развернул металлический трап. При такой тяжести можно было свободно прыгнуть на почву в четырнадцать футах вниз, но это было запрещено. Никаких случайностей.

Спустившись по трапу спиной вперед, Орм ступил на скальное основание и повернулся. У него кружилась голова, и не от пониженной гравитации. Он, Ричард Орм, чернокожий канадец, — первый человек, ступивший на поверхность красной планеты. Что бы ни произошло потом, он навсегда останется в истории как первый человек на Марсе.

Вездеход — похожая на металлическое насекомое машина — уже транслировал кадры уникального события. Как он, Ричард Орм, первый из землян, ступает на древние скалы чужой планеты.

— Эх, Колумб, был бы ты здесь! — произнес Орм, четко осознавая, что ровно через одиннадцать с половиной минут это услышат

миллиарды. И потому следующую мысль вслух не произнес:

«Ты наложил бы полные штаны от страха».

Старому мореплавателю такое даже и присниться не могло.

— Далеко же мы ушли за пятьсот двадцать три года! — добавил он.

Но развивать мысль не стал. На Земле многие поймут, что он хотел сказать, и объяснят остальным.

По трапу спустился Бронски, огляделся. Орм подозвал его, и они занялись разгрузкой. Из трюма в днище корабля достали трос, бур и сонар. С помощью последнего проверили, что место посадки представляет собой твердую скалу, вполне способную удержать якорь. Бронски пробурил базальт и отсоединил бур от источника питания. Трос закрепили на торчащем из скалы конце бура, Орм приготовил цементный раствор и влил его в зазор между буром и стенами скважины.

Ожидая, пока схватится быстро затвердевающая масса, Орм и Бронски подошли к серебристому металлическому закруглению, выдающемуся из груды камней. Стоя под огромной дугой и глядя на нее, Орм ощутил нечто вроде благоговения. Если это был корабль — а это несомненно было так, — то он должен был быть размером с древний пассажирский лайнер, вроде «Куин Мэри», или с дирижабль «Гинденбург».

Кто бы ни был его строителем, он обладал источниками такой энергии, которых не было на Земле. Чтобы поднять этого монстра с планеты в космос, провести через межзвездное пространство и посадить здесь, нужна была такая мощь, что даже при мысли о ней голова кружилась.

Сколько же пролежал он на дне этого необъятного каньона? Долго, должно быть, чтобы успела выветриться стена и похоронить его под обломками камней. И еще дольше, чтобы другая сила — может быть, долгие и сильные ветры — смела обломки с этой части корабля.

Но, может быть, именно эта секция корабля никогда и не была скрыта. Спутник наблюдения много раз ее фотографировал, но не заметил ее никто, пока не обратил внимание Лэкли — тот самый австралиец.

А может быть, кто-то начал раскапывать корабль, и что-то ему помешало.

При этой мысли по спине Орма пробежал холодок. Он непроизвольно обернулся. Группы марсиан, подкрадывающихся к нему сзади, он не обнаружил. И засмеялся.

— Чему смеешься? — спросил Бронски.

— Ничего конкретного. Просто... Неважно. Может, от радости. Вытащи-ка этот прибор, — он повернулся к Бронски спиной, и тот вытащил коробку из цилиндра на спине его скафандра.

Это была миниатюрная лаборатория для физико-химических исследований. Поставив ее на землю, Бронски открыл крышку и начал вместе с Ормом выполнять анализы с быстротой, приобретенной долгими тренировками. Закончив, Орм доложил о результатах:

— Дверь с виду металлическая. Как показал аудиометр — вы это слышали, — внутренность полая. При ударе стальным молотком звенит. На поверхности не оставляет царапин даже алмаз. Азотная кислота не оставляет следа. Использовать лазерный луч мне не хочется, чтобы воздух не повредил содержимое — если оно там есть. Материал корпуса, чем бы он ни был, земной науке неизвестен.

Бронски вернул коробку в цилиндр, и космонавты пошли обратно к «Барсуму». Цемент уже схватился. В разреженном воздухе при давлении, эквивалентном давлению земной атмосферы на высоте десяти миль, вода испарялась быстро. Поднимающийся пар в сумеречном свете был невидим.

Орм выбрал слабинку и натянул трос. Теперь даже ветер со скоростью двести пятьдесят миль в час — не слишком вероятный на дне каньона — не сможет сдвинуть модуль с места.

Надир Ширази, сменивший у микрофона Дантон, спросил:

— Как самочувствие? Желаете отдохнуть перед походом в туннель?

— Слишком я завелся, чтобы сейчас останавливаться, — ответил Бронски. — Я бы предпочел продолжать.

Из трюма, откуда они доставали материалы для якоря, вынули еще складную алюминиевую лестницу и ящик с взрывчаткой. Орм взвалил ящик на плечо и вместе с Бронски направился к отверстию туннеля. Робот-вездеход шел за ними, держа их под наблюдением главного сканера и передавая изображение экипажу «Ареса» и миллиардам жителей Земли. Орм снял с плеча ящик и открыл крышку. Вынув оттуда мощный фонарь, он осветил стены туннеля. Держась сзади и слева от людей, вездеход следил за лучом света своими камерами.

Раньше Орм уже много раз видел показанный роботом провал туннеля. Но теперь он видел его не на экране, а воочию и ощутил тот же легкий озноб, что и в первый раз, когда увидел туннель в лаборатории в Хьюстоне. В дальнем конце громоздилась куча камней — обломков обвалившейся кровли. Предполагалось, что за ней находится еще одна дверь. Пол был усыпан каменными осколками, большими и малыми. На другом конце виднелась дверь, нижняя четверть которой тоже была завалена обломками. Камни покрывала красная пыль, но слой ее был тонок — кровля обвалилась не слишком давно.

Что вызвало обвал? Не было ни одной теории, выдерживавшей критику. Туннель был

слишком далеко от скальных стен, с которых могли бы сорваться большие глыбы, и при этом ни в самом туннеле, ни рядом с ним таких крупных обломков не оказалось. К западу лежало несколько больших валунов, но они были принесены бегущей по каньону водой в очень уж отдаленном прошлом.

Один ученый предположил, что кровлю мог пробить небольшой метеорит. Но нигде вокруг не было и следов кратеров от удара — ни малых, ни больших. Да и очень уж невероятно было, что какой-то шальной метеорит попал в такой узкий разрез и обнажил туннель, который иначе никогда не открыли бы.

Орм направил луч фонаря на оранжевые буквы на тускло-черном фоне двери. Огромные литеры — тау и омега. Но знал ли греческий тот, кто их здесь написал? Возможно, эти буквы настолько просты по начертаниям, что другие разумные существа тоже их используют? В конце концов, значки T и Ω могут прийти на ум всякому, кто решит создать алфавит. Если, конечно, это символы какого-то алфавита. Они могут быть элементами слоговой азбуки или иероглифами, вроде китайских. Может быть, это математические символы.

Орм махнул рукой Бронски, пропуская его вперед. Пусть он не был первым человеком, ступившим на Марс, зато будет первым, кто коснулся двери туннеля.

Вездеход теперь стоял у самого провала, напавив одну камеру на Орма, а другую — на француза. Когда Бронски спустился, Орм бросил ему ящик. Тот легко его поймал, и Орм спустился следом.

Бронски вскарабкался на кучку камней и теперь рассматривал дверь. Орм подошел, поднял камень размером с голову и выбросил его сквозь дыру в кровле, убедившись предварительно, что не заденет вездеход. Бронски спустился ему на помощь. За пять минут они расчистили дверь. В свете установленной на треножнике лампы Бронски снова достал коробку из цилиндра за спиной у Орма. Анализ показал, что дверь сделана из стального сплава.

— Она очень плотно пригнана к проему, — сказал Орм. — Очевидно, она герметична и предназначена как раз на такой случай — повреждение секции туннеля.

Дверь, в отличие от оболочки предполагаемого космического корабля, была толстой. При ударе молотком пустота за дверью не обнаруживалась.

— Можем попробовать выбить ее взрывом, — сказал Орм. — Но мне представляется, проще пройти на кровлю следующей секции и прокопаться внутрь.

Они вышли из туннеля и вернулись к посадочному модулю. Орм начал уставать, а это значило, что Бронски выдохся еще сильнее. Орм

был ростом всего пять футов восемь дюймов, но зато весил сто девяносто фунтов при земном тяготении, и все это были мышцы без лишнего жира. Тощий Бронски двигался быстро, но за капитаном все же не успевал.

Орм предложил во время отдыха поест и даже вздремнуть, но француз отказался.

— Никак не могу оторваться.

Но Картер со своего командного пункта в Хьюстоне приказал им подключиться к мониторам, а посмотрев на показания, заявил:

— Вам, ребята, надо подзарядить аккумуляторы. Вы и в самом деле выдохлись.

Когда эта команда пришла, они уже поели. Час отдохнули в откинутых креслах. Орм для засыпания воспользовался альфа-волновой техникой, но даже при этом, как показали мониторы, заснул только через двадцать минут. Сам же Орм мог бы поклясться, что не сомкнул глаз.

Через двадцать минут они вернулись к туннелю. В восемнадцати дюймах за дверью Орм с помощью бура с лазерной насадкой прорезал отверстие в кровле. Когда лазер пробурил камень, инструмент выбило и отбросило давлением сжатого воздуха. Ожидавший этого Орм заранее отступил в сторону. И все равно бур чуть не вывало у него из рук.

Он тут же стал сверлить еще пять отверстий, расположенных по окружности диаметром три фута. Можно было соединить отверстия лазерным

резаком и дать вырезанному куску упасть вниз, но надо было экономить энергию, и потому Орм заложил в отверстия гелигнитовые заряды и подорвал их издали от аккумуляторного устройства. Вверх взлетели обломки скалы и дым. Они поднялись выше, чем это было бы на Земле, но дым рассеялся быстрее, и быстрее осела пыль.

— Если система герметизации автоматическая и все еще работает, то туннель снова будет перекрыт, — заметил Орм. — И дверь открывать все равно придется. А тогда будет загерметизирована следующая секция, и у нас не хватит материалов пройти через столько дверей.

Если туннель шел по прямой, то он уходил под стену каньона. Орма с Бронски накрыло тенью западной стены, и стало холоднее. В скафандрах это не ощущалось, но они были громоздки и неуклюжи из-за прикрепленных к ним приспособлений. Внутри каждого скафандра имелаась емкость с водой, из которой можно было пить через трубку, склонив голову набок внутри шлема. У каждого из космонавтов эта емкость еще оставалась полна до половины. Имелся также прикрепленный к ноге пузырь, в который можно было мочиться.

И все же после того как сонар подтвердил, что туннель уходит под скалы, Картер приказал им вернуться на ночь в модуль.

— Поэкономите энергию в фонарях, работая при свете дня. И мы вас будем лучше видеть.

Орму не хотелось соглашаться, но пришлось. Подтвердив еще раз, что туннель уходит под стену каньона, он велел Бронски возвращаться.

— Завтра будем работать полный день. Отдохнем. Посадка много сил отняла. Хотя мы и тренировались в полете на «Аресе», все равно сейчас не в лучшей форме. Нулевая гравитация — вещь коварная и за долгое время сильно ослабляет.

— Да, — согласился Бронски.

По тону его было ясно, что он это знает, и Орм знает, что он это знает. Но уж лучше повторять банальности, чем слушать тишину. Уже показались звезды, сияя ярче, чем в плотной атмосфере Земли. Смотреть на них со дна каньона было как стоять на дне колодца. У здешних звезд был зловещий вид, будто им не нравилось присутствие двоих непрошенных гостей.

Орм знал, что это ощущение вызвано усталостью, чувством собственной незначительности перед величием нависшей стены, невероятностью всей ситуации, а еще — чувством, что есть здесь какие-то существа, представляющие угрозу. А какую именно — он не знал, потому что люди Земли не представляли для марсиан — если они существуют — никакой опасности, и потому нельзя было придумать причины, по ко-

торой бы марсиане решили, что эти двое чужаков могут быть опасны.

Закопанный корабль указывал на очень высокий уровень развития технологии, а туннель, по-видимому, означал, что приземлившиеся космонавты закопались под поверхность Марса. Если они смогли выжить под поверхностью, и по всему судя, очень долго, почему они не вышли, чтобы отремонтировать корабль? Это если, конечно, корабль был поврежден.

Но не имело смысла ломать себе голову. Завтра, или послезавтра, или через неделю будут ответы.

И все же хорошо было вернуться в модуль. Он не был самым комфортабельным или просторным из домов, но все же это была часть Земли. На этот раз Орм уснул без всяких усилий, но в середине ночи вдруг внезапно проснулся. Ему показалось, что по двойной обшивке корпуса проскрежетало что-то твердое. Поднявшись, он поглядел в иллюминаторы, но ничего не увидел, кроме темноты повсюду, лишь в прорези неба над каньоном медленно двигались звезды. Темной неясной массой стоял невдалеке вездеход — Орм принял бы его за валун, если бы не знал, что это такое.

Пока он смотрел, из вездехода вырвалась вспышка света — луч спустился к туннелю, а затем поднялся и описал полный круг. Через две минуты свет погас. Раз в час, как запро-

граммировала Дантон, вездеход сканировал местность в видимом, инфракрасном и радиодиапазонах. Если бы в пределах нескольких миль показалось что-то движущееся, робот поднял бы тревогу в посадочном модуле и на «Аресе».

Больше сон Орма ничто не прерывало. И разбудил его будильник, запущенный по радио с «Ареса». Снаружи было еще темно, но небо над каньоном побледнело. После необходимых докладов, проверки оборудования и завтрака Орм с Бронски вышли из модуля. По дороге к подножию стены Орм поглядывал на серую закругленную поверхность, выступающую из скал. Если работа с туннелем зайдет в тупик, они начнут откапывать корабль. А если и тогда после дней работы они не найдут иллюминатора или чего-то, что позволит легко проникнуть внутрь, придется пытаться резать корпус лазером.

На Земле снятие скальных обломков, среди которых попадались довольно крупные, потребовало бы подъемного крана или приличного количества взрывчатки. Здесь же двое мужчин могли бы поднять любой камень — из тех, что были видны. К тому же им на помощь всегда могут спуститься Ширази и Дантон.

Проходя мимо вездехода, Орм помахал рукой. Робот был похож на марсианина из научной фантастики, но он был знакомым, а потому — дружественным. Еще одно напоминание о доме.

Через секунду Орм оглянулся. Вездеход шел за ним, как собака за хозяином. Так приказала ему заступившая на вахту Дантон. Когда Орм и Бронски спустились в проделанное ими накануне отверстие, робот вытянул гибкую руку с прожектором и камерой на конце. Он будет все время за ними следить, и двое на «Аресе» вместе с целым миром смогут наблюдать за их успехами — или отсутствием таковых.

Орм покачал головой. Такие пессимистические мысли были не в его стиле. Он был настолько оптимист, насколько это возможно для человека в здравом уме. Однако в каждом человеке есть глубинный темный слой, который не обнаруживается никаким психологическим тестированием. О нем не знает даже сам владелец, пока не сложится ситуация, в которой этот слой выйдет к поверхности. И сейчас ситуация как раз такая. Но Орм не поддастся ей. Надо только чем-то заняться, и все пройдет.

Он уже почти подошел к двери, которая должна была вести в следующую секцию туннеля. Будь он на шаг ближе, его могло сбить с ног, покалечить или даже убить, когда дверь распахнулась наружу.

Будто в секции за ней взорвали заряд тротила. Орма подняло и перевернуло воздушной волной из туннеля. Оттуда ударил свет, мелькнуло

что-то вроде куполообразной машины, и тут Орма ударило об землю.

Оглушенный ударом, он беспомощно лежал минуту или две, не очень понимая, где находится и кто он такой. Раньше чем Орм смог прийти в себя, его схватили какие-то существа в скафандрах, чьи лица были скрыты темным стеклом шлемов. Они были размером с человека и имели по две руки, две ноги и по пять пальцев на руках. Двое из них подхватили Орма и поволокли к большой машине с колесами. В ушах у него звенел голос Дантон:

— Ричард, что происходит? Ричард! Ричард, ты меня слышишь?

Приходя в себя, он подумал: «Ты же меня видишь, разве не так?» — но не отвечал примерно минуту. Потом ему удалось произнести:

— Я жив. И не ранен. Здесь люди... нет... вроде людей...

Орма втолкнули в открытую дверь машины и решительно усадили в кресло. Что-то скользнуло по его груди. Он сообразил, что это металлическая полоса, обхватившая руки.

В машину втащили отбивающегося Бронски и посадили в кресло впереди Орма. За несколькими рядами сидений находились два кресла перед приборным щитком. Место для водителя и еще для кого-то. Закругленный экран давал обзор в сто пятьдесят градусов, и Орм видел, что делают захватившие их существа.

— Мадлен! — крикнул он. — Они накладывают полосы на дверь — шесть вертикальных поперек шести горизонтальных. Кажется, на каком-то клею. Теперь они на них закрепили какой-то экран.

Рука робота все еще свисала в проем кровли, но была видна как сквозь туман — от Орма ее отделяла мелкаячеистая сетка.

— Теперь они что-то напыляют на экран. Они, кажется, ставят какую-то временную дверь, чтобы снова накачать воздух в секцию. Ты слышишь меня, Мадлен?

Ответа не было. Барьер блокировал радиоволны.

Рабочие подошли к машине сзади, где, как думал Орм, должны были храниться инструменты. Потом они залезли внутрь и разместились по сиденьям, дверь скользнула по пазам и закрылась, а машина развернулась к противоположной двери. Там она простояла минут десять, и дверь распахнулась. Машина вкатилась в другую секцию, точно такую же, но с освещением в потолке.

Орм подумал, что Надир с Мадлен сейчас с ума сходят. А на Земле, получив от робота первые фотографии и запись его голоса, люди остолбенели. Он произнес:

— О Боже, да будут эти люди к нам дружелюбны. Да будут они, о Господи, Твоими людьми.

ГЛАВА 3

— Это не иначе как самая роскошная тюремная камера во всей Солнечной системе, — сказал Аврам Бронски.

Они находились в четырехкомнатных апартаментах, вырубленных в скальной стене огромной пещеры. По стенам тянулись красновато-коричневые панели из материала, похожего на дерево. Потолок был каменный, но расписанный фресками с изображением, очевидно, ферм и домашних животных. «Марсиан» не было ни на этих фресках, ни на картинах, висящих в рамах по стенам. Это была либо абстрактная живопись, либо натюрморты, либо изображения каких-то строений и существ — то ли живущих здесь, то ли мифологических. Были среди них похожие на драконов, и был китообразный зверь с семью рогами, всплывающий из моря.

Бронски, который успел поразмыслить над увиденным, объяснил, что закон, запрещающий изображать любое живое существо в живописи, скульптуре или любой иной форме, был, очевидно, модифицирован. Но если он правильно понял, изображение разумных существ по-прежнему запрещено.

— Хотя и не при голографической связи, — добавил он. — И к тому же, поскольку у них медицина очень далеко продвинулась, должны быть изображения человеческого тела в учебниках, муляжи органов и прочее — то есть учебные пособия. Понятия не имею, анатомируют ли они трупы.

Панель голографического телевизора в апартаментах давала возможность узнавать — видеть и слышать — правильное время. После трех дней заключения Орм и Бронски научились читать цифры и понимать показания часов. Бронски, который был на Земле не только ведущим археологом, но и известным лингвистом, расшифровал слова, связанные с этими символами. Свои хронометры космонавты поставили по местному времени, но, поскольку им явно в ближайшее время не предстояло срочных поездок, время не было особо важным.

К тем немногим вещам, которые они узнали наверняка, относилось негреческое происхождение символов тау и омега. Здесь кое-кто говорил по-гречески, но арифметические символы,

показываемые телевизором, зародились далеко от Земли.

Орм встал со стула и подошел к Бронски. Они стали глядеть на картину, ставшую к этому времени хорошо знакомой, но не потерявшей способности захватывать. Их камера находилась на высоте ста футов в стене обширной полусферы, вырубленной в сплошном базальте. Противоположная стена находилась примерно в тридцати пяти милях, а вершина купола виднелась на высоте в полторы мили.

Оттуда, где стояли космонавты, были видны семь огромных подковообразных отверстий и двадцать пять отверстий поменьше. Они, очевидно, означали проходы, ведущие к другим полостям. Орм и Бронски считали, что эта полость лишь часть огромного подземного комплекса.

Повсюду, кроме дна купола, камень был небесно-голубого цвета. Естественный цвет базальта не таков, и эта окраска была либо результатом напыления, либо как-то еще нанесена на камень. Каков бы ни был метод, а купол выглядел, словно небо над Землей в безоблачный день.

В сотне футов ниже потолка полусферы висел яркий, как солнце, шар. За полчаса до восемнадцати ноль-ноль, «вечером», он тускнел, будто солнце превращалось в луну. И до шести ноль-ноль это был единственный свет, если не

считать падающего из окон домов, а потом снова зажигалось «солнце».

Этот осветительный прибор ни на чем не висел — впрочем, может быть, подвеску трудно было разглядеть против света. Но если он висел без опоры, это означало наличие какого-то антигравитационного устройства. До сих пор и Орм, и Бронски были уверены, что антигравитационные машины бывают только в фантастических романах — то есть если не считать такими машинами лестницы, лифты, аэростаты, самолеты и ракеты.

Этот светильник был единственным виденным ими здесь предметом без опоры. Люди, которых они видели, передвигались пешком или ездили на лошадях, в телегах и фургонах с конной тягой или на велосипедах.

Пол гигантской каверны не был ровным и не понижался к горизонту. Он, наоборот, плавно поднимался от центра во всех направлениях. Из отверстий в основании стены вытекала вода, образуя извилистые ручейки, ручьи побольше и две реки шириной примерно в три четверти мили. Реки впадали в расположенное в центре озеро, напоминавшее формой песочные часы. Оно было шириной в милю в самой узкой части и длиной в две мили.

Всюду виднелись деревья и фермы, парки и рощи, кое-где — деревни. Выше двух этажей строились только амбары. Каждое жилое с виду

здание было окружено большим двором и за ним — садом. Имелись дома, похожие на школы. Возле каждой деревни находился открытый стадион, где соревновались в беге и играх и проводились скачки. Была игра, похожая на футбол, и еще одна, напоминавшая баскетбол. Еще виднелось много общественных плавательных бассейнов, но возле частных домов бассейнов не было.

В бинокль, полученный от Хфатона, одного из тюремщиков, Орм и Бронски видели много такого, что ускользнуло бы от невооруженного взгляда. Если бы здесь были высокие дома, то в бинокль их можно было бы обнаружить. Почва поднималась вверх к краям, и за горизонтом ничего не скрывалось.

Города и фермы соединялись двухполосными мощеными дорогами. Грузовиков на них не было, зато много попадалось конных фургонов, нагруженных продукцией ферм.

Возле центрального озера стояло длинное одноэтажное здание, куда каждый день в восемь часов утра устремлялись большие массы людей. Выходили они оттуда в полдень, располагались на пикник на траве, либо плавали в озере, либо катались на лодке. Через час они устремлялись обратно, в два часа дня выходили наружу. Большинство расходилось по домам в радиусе мили, но были и такие, кто на лоша-

дях или на велосипедах, некоторые даже трусцой, отправлялись к более дальнему жилью.

Бронски предположил, что это может быть главное административное здание для местного правительства.

— Ведь неизвестно, сколько там этажей под землей.

По другую сторону озера находилось нечто, весьма напоминающее университетский городок. Другие здания, судя по количеству людей, устремлявшихся к ним в шаббат, были местами отправления религиозного культа.

Все здания были под крышами. Орм сначала недоумевал, зачем это нужно, если во всей полости, должно быть, кондиционированный воздух. На четвертый день он понял. С потолка дождем лилась вода, и это длилось полчаса.

— Так вот почему на фермах нет системы орошения!

Пленники закончили полдневную трапезу и сложили грязную посуду на подносы в стенной нише. Теперь они смотрели в окно, как на двух автомобилях к ним приближаются марсиане. Они скрылись за портиком, а потом вновь показались головы ехавших в переднем экипаже. Вдоль тюрьмы шла дорога, хотя местные жители, кажется, предпочитали всюду, где можно, ходить пешком.

Пока что ни Орм, ни Бронски не могли пожаловаться на плохое обращение. Их подвергли

тщательному физическому и медицинскому осмотру и допросили, зато дали отличное помещение, хорошо кормили и не нарушали их уединение.

Шесть марсиан остановились перед входом, и передняя стена комнаты, сделанная из ударопрочного стекла, поднялась вверх. Орм знал, что эта прозрачная субстанция не разбивается — он проверил это с помощью стульев, каблучков и тяжелой бронзовой вазы.

Трое тюремщиков принадлежали к виду *Ното Сариенс* — очень высокие, широкоплечие, одетые в просторные одежды. У двоих из них были длинные темные волосы, нестриженные бороды и темная кожа, третий оказался светлокожим, с темно-синими глазами и золотистой бородой. Все носили длинные локоны на висках.

Остальные трое были гуманоидами, но любой землянин с первого взгляда мог понять, что они не с его планеты. Они были роста почти семь футов — что, впрочем, не удивило бы землян в 2015 году от Рождества Христова. Такой рост в сочетании с изящной фигурой, длинными руками и ногами, а также быстротой движений сделал бы их находкой для лучшей баскетбольной команды Земли. У них были пальцы с длинными ногтями на руках и ногах, и во всем, кроме лиц, эти существа очень походили на людей. Кожа у них была светло-бронзовая, глаза почти пурпурные, волосы похожи на перья. У од-

ного они были желтые, у другого — темно-рыжие, у третьего — черные. Ни у женщины, ни у обоих мужчин не было волос на лице. То ли так было от природы, то ли они брились, земляне пока не знали. Как и у их спутников-людей, у инопланетян были длинные локоны на висках.

Уши были существенно больше человеческих и, с точки зрения землян, излишне изогнуты и извиты. Массивные подбородки напоминали Орму фотографии людей, больных акромегалией. Очень большие носы весьма напоминали орлиные клювы, а отверстия ноздрей были иссиня-черными. Губы были бы похожи на человеческие, если бы не черно-зеленая окраска. Всем остальным, даже формой зубов, чужаки были очень близки к *Homo Sapiens*.

Все пришедшие оказались одеты в хитоны — цельнокроеную одежду из легкого тонкого материала. У кого-то эти хитоны были без рукавов, у других — с низкими воротниками, у третьих — с открытым воротом. Цвет их менялся от гладкого черного, оранжевого и зеленого до многоцветно-полосатого. Один из мужчин был одет в плащ, украшенный четырьмя кисточками на каждом углу. На ногах у пришельцев были сандалии или мокасины, все с открытыми пальцами. Платье женщины было сплошь расшито абстрактными узорами, и не только она, но и мужчины носили множество колец с

камнями, золотые и серебряные браслеты и серьги. Серьги крепились крохотными болтами.

Все пришедшие были в шляпах разного размера и фасона: одна походила на ковбойскую десятигалонную, другие — на треуголки восемнадцатого века, украшенные огромными перьями.

От женщины пахло отдающими мускусом духами, верхние веки ее были покрыты голубой краской, а на правой ноздре нарисован желтый полукруг.

Хфатон, главный из гуманоидов — они назывались крешийцы — вошел первым. Сразу за ним, как второй по рангу, вошел Йа'акоб Бар-Аббас, человек. У него был большой орлиный нос, бычья шея и невероятно широкие плечи. Выглядел он на сорок пять земных лет. Но если то, что слышал от него Бронски, было правдой, ему было уже сто тридцать.

Других гуманоидов звали Хммидрон — мужчину и Жкииш — женщину. Потом вошли Бен-Йоханан и Ша'ул Бен-Хеббель — люди.

Хфатон приветствовал пленников жестом поднятой правой руки, раздвинув пальцы буквой V и отставив большой палец под прямым углом. Улыбнулся, показав зубы, черные от чего-то вроде жевательной резинки. Потом обратился к Йа'акобу, который что-то сказал Бронски по-гречески. Орм не понял ни слова. Бронски, будучи лингвистом, обнаружил, что ни арамейский, ни койне — новогреческий — не являют-

ся здесь общепринятыми языками, но ученые их изучают и умеют бегло говорить на обоих. Бронски умел читать на койне — греческом Нового Завета — с легкостью, но разговорной практики не имел совсем. Однако, если вопрос задавали медленно, он мог понять почти все из сказанного.

В этом языке было много заемных крешийских слов, поскольку греческих слов для обозначения научных и философских понятий не существовало. Их приходилось специально объяснять по-гречески.

Орм радовался, что нашелся язык, понятный хоть кому-то в обеих группах. Иначе прошли бы месяцы, прежде чем пленники смогли бы связаться с кем-то, кроме своих тюремщиков. А тем временем Дантон и Ширази оставались на корабле, и если бы они не получили никаких известий от своих товарищей, им пришлось бы вернуться на Землю.

По крайней мере так он думал. Если, конечно, марсиане не послали один из своих кораблей или не подняли посадочный модуль и не захватили двоих оставшихся. Бронски задавал этот вопрос тюремщикам, но в ответ получал лишь вежливые улыбки.

Расспросы продолжались, и время от времени Бронски переводил Орму отдельные предложения.

В первые два дня спрашивающих и отвечающих разделяла прозрачная стена. Но сегодня марсиане решили зайти внутрь. Это означало, что космонавты на основании тщательного обследования признаны здоровыми. По крайней мере физически. Судя по тому что сообщил Орму Бронски, хозяева не были стопроцентно уверены в умственном здоровье своих пленников. Или, точнее говоря, в их теологическом состоянии.

Заговорил Йа'акоб:

— Итак, на Земле Иезуса го-Христоса почитают как сына Всеблагого? И при этом он сам и есть Всеблагой? Все ли в это верят, или есть отколовшиеся?

У Орма при взгляде на сузившиеся глаза говорившего создалось впечатление, что тому было неприятно даже произносить последние фразы.

Ответил Аврам Бронски:

— Я уже говорил, что на Земле примерно четыре миллиарда христиан. Но они разделены на множество групп, и у каждой свои взгляды на природу го-Христоса. Представители основных групп верят, что Иезус го-Христос был по воле Бога зачат непорочной девой по имени Мариам. Более того, зачатие самой Мариам также было непорочным. Это значит, что ее мать родила ее свободной от греха. Так что ее мать в определенном смысле — бабушка Бога.

Хозяева закатили глаза и произнесли слово, которое, как понял даже Орм, было не греческим.

Бронски продолжал:

— По этому вопросу я должен посоветоваться с капитаном Ормом. Хотя я и много читал о христианстве, сам я не христианин, а еврей. Капитан — христианин, из секты, называемой баптистами. Он человек набожный и может высказаться по поводу этой конкретной догмы намного более квалифицированно.

Потом француз перевел Орму все предыдущее. Тот возразил:

— Это же не так! Ты им скажи, что в сравнительном религиоведении понимаешь куда больше меня! А если ты ошибешься насчет баптистов, я тебя поправлю.

Йа'акоб заговорил по-гречески с пулеметной скоростью, Бронски переспросил, и Йа'акоб повторил.

— Капитан, — перевел Бронски, — он спрашивает, как я могу называть себя евреем, если не верю, что Иезус есть Мессия. И к тому же, говорит он, еврей не может быть бритым. У него должна быть нетронутая борода. И пейсы.

Орм ощутил смущение и досаду одновременно.

— Ты им скажи, что религиозные вопросы мы можем обсудить позже. А сейчас есть более важные вещи. Черт побери, мы даже не знаем,

откуда прибыли Хфатон и весь его род! И нам абсолютно необходимо связаться с Дантон и Ширази!

— Это для нас, — ответил Бронски. — Но для них, по-моему, религиозные вопросы важнее всего на свете. И я не могу заставить их говорить о том, что интересно нам.

Бронски выглядел таким же встревоженным, как и Орм.

Ричард вскинул руки:

— Кто бы мог в такое поверить?

Хфатон что-то сказал.

Бронски перевел:

— Он хочет знать, что беспокоит коричневого человека.

— Ты ему скажи, что я не коричневый, а черный.

Хфатон что-то пробормотал, и остальные засмеялись.

Бронски пояснил:

— Он хочет знать, как мог быть отобран для космической экспедиции человек дальтоник.

— Объясни ему, что «черный» — это фигура речи. Человек с курчавыми волосами, вывернутыми губами и темно-коричневой кожей называется черным. Это — э-э... вопрос семантики. Политический вопрос. Можно иметь прямые волосы, белую кожу, голубые глаза и тонкие губы, и все равно быть черным... А, черт побери!

Орм в отчаянии вскинул руки. Подумать только, первые люди на Марсе — по крайней мере, так они раньше думали — и им приходится обсуждать вопросы религии и семантики.

— Этого, я думаю, переводить не стоит, — сказал Бронски. — Мы и без того достаточно запутались.

Снова заговорил Хфатон. Бронски перевел:

— Он говорит, что его кожа одного цвета с твоей, а он определенно коричневый.

Что-то резко сказал Йа'акоб, и Орму стало ясно, что тот тоже заметил: допрос все больше уходит в сторону. На последующий вопрос ответил Бронски:

— Объяснение, почему я называю себя евреем, займет еще больше времени, чем то, почему Орм считает себя чернокожим. Не могли бы мы обсудить более злободневные вопросы? Не согласитесь ли вы рассказать о себе? Если мы поймем, откуда вы пришли и почему остались здесь, хотя, по моему представлению, вы имели возможность покинуть эту планету — тогда, быть может, мы поймем смысл ваших вопросов. И поймем, почему вы так сильно интересуетесь теологией. Точнее, теологиями — на Земле их тысячи.

Шестерка марсиан стала совещаться на языке, который Хфатон назвал крешийским. Потом Йа'акоб обратился к пленникам по-гречески:

— Возможно, вы правы. Извините нас за то, что могло показаться вам излишним любопытством по отношению к определенным вопросам. Для нас оно не излишне. Но если мы хотим чего-то добиться, следует идти от простого к сложному, и тогда мы сможем понять друг друга. И у меня есть несколько вопросов, которые могут показаться вам не относящимися к делу. Но все же если черный человек является учеником Христа, следовательно, евреем, то разве он не еврей? Разве может быть обрезан не иудей?

— В западном мире давно принят обычай обрезания для младенцев мужского пола, — ответил Бронски. — Не по религиозным, а по гигиеническим соображениям. А мусульманская религия, отпочковавшаяся когда-то от иудейской, также требует обрезания. И древние египтяне, державшие в рабстве наших отцов, тоже были обрезаны.

Лицо Йа'акоба приняло озадаченное выражение.

— Мусульмане?.. Ладно, вы правы. Каждый вопрос порождает сотни других. Но все же еще один по этому поводу.

Он дал знак светловолосому Ша'улу, и тот открыл коробку и вытащил стопку рационов из посадочного модуля. Значит, марсиане проникли на корабль. Дантон и Ширази не могли этого не увидеть, и вся Земля, соответственно, то-

же. Да, можно представить себе их внимание, удивление, разочарование. Может быть, двое космонавтов пытались связаться с пришельцами, но они не могли знать, что понят будет лишь греческий Нового Завета. Да и это бы им не помогло — они на нем не говорили.

Рукой в перчатке Ша'ул достал банку мясных консервов. Она была вскрыта. Вообще-то оболочка банки была сделана из подвергшихся термообработке углеводов и при варке в воде давала питательный бульон.

— Что это за мясо? — сурово спросил Ша'ул.

— Свинина, — ответил Бронски.

С видимым отвращением Ша'ул бросил банку на стол.

— По крайней мере вы сказали правду.

Бронски предположил, что мясо подвергли анализу. И такую реакцию предвидел.

Услышав перевод, Орм спросил:

— А что за важность?

— Марсиане — ортодоксальные евреи, — объяснил Бронски.

ГЛАВА 4

За четверть часа до «полудня» пятеро из пришельцев ушли. Ша'ул покинул камеру сразу же, как только подтвердилось, что в банке нечистое мясо. Хотя он и не коснулся свинины рукой, ему предстояло ритуальное очищение.

Как всегда в двенадцать ноль-ноль завывли сирены. Из домов выплеснулись люди, уставившись на горящий шар. Через три минуты звук сирен стих. Еще минута — и из репродукторов полился гимн, сразу же подхваченный толпой. Он был коротким — строчек пятнадцать, а потом толпа рассеялась, служащие разошлись по домам или к парковым столикам на обед, жители — в свои дома.

Бронски покачал головой:

— Впечатление такое, будто они поклоняются солнцу. То есть его эквиваленту. Но этого не может быть. Ни один иудей и помыслить не может о почитании идола.

— Пойдем в свое время, — ответил Оорм. Он подсел к столу и начал резать оставленную Ша'улом ветчину.

— За тобой наблюдают, — предупредил Бронски. — Они, наверное, оставили банку специально, чтобы посмотреть, станешь ли ты есть свинину.

Оорм энергично жевал.

— А знаешь, отличный вкус! Я вообще обожаю ветчину, бекон, колбасу и прочее. Любую свинину, даже свиные ножки.

— Копыта, что ли?

— Мы говорим «свиные ножки».

Бронски раздраженно махнул рукой:

— И все равно не надо было. Это может сказаться на их отношении к нам.

Оорм удивленно поднял глаза:

— Почему? Какое им дело до того, что ем я?

— Древние евреи не стали бы есть за одним столом с язычником. И мои родители тоже не стали бы.

Оорм подцепил на вилку очередной кусок.

— Это как во времена моих дедов, когда белые не стали бы есть с черными?

— Не совсем так. Язычники ели ритуально нечистую еду, запретную. И чтобы не оскверниться самому, еврей не ел с язычником. Он мог оскверниться, даже приблизившись.

— Они ведь считали язычников ниже себя, так? Ибо язычники не были избранным народом Бога.

— Теоретически — нет. Все люди равны перед Богом. Но на практике, думаю, древние евреи не могли не исполниться чувства морального превосходства.

Прозвучала серия коротких гудков, означающая, что обед подан. Бронски вынул из ниши два появившихся в ней подноса, поставил один на стол, другой же водрузил на кресло.

Орм усмехнулся:

— Так ты не сядешь со мной за один стол?

— Я с тобой за одним столом с самого старта. Даже когда ты ешь мясо свиньи. И не относись к этому легкомысленно, Ричард. Тебе на это наплевать, но для этих людей вопрос очень серьезен. И я не собираюсь подвергаться риску... хм... оказаться нечистым. Один из нас должен приобрести какое-то их доверие. То есть чтобы к нему относились с уважением. Вдруг они не захотят иметь дело с тобой...

— Ты забыл, что я капитан?

— Для меня — да. Для них — не знаю. Пока что ты — просто пленник, оскорбляющий их своими диетическими предпочтениями.

— Ну а ты их оскорбил и удивил, поскольку ты не есть последователь Иезуса го-Христоса. Или Иисуса Христа. И как ты согласишься их еврейство с утверждениями насчет Иисуса?

— Не знаю. Надо разобраться, как здесь все устроено..

Орм съел хлеб (масла не было), бобы, горох и яблоко. Бронски пообедал салатом, бараниной, хлебом и яблоком.

Пригубив вино, Бронски облизнул губы.

— Отличное.

Капитан снова усмехнулся:

— Может быть, удастся нам получить монополию на марсианское вино. На Земле оно пойдет на ура.

Он поднялся и вышел во внутреннюю комнату. До Бронски донесся плеск воды, а потом Орм вернулся.

— Я внимательно за ними смотрел, но ни разу не видел, чтобы они открывали дверь словом или действием.

— Это делает монитор, — отозвался француз. — А что бы ты сделал, если бы смог выйти наружу?

— Задал бы деру, как выпоротая обезьяна.

— Ну и глупо. Успеешь пройти несколько шагов — и все.

— Пусть так. Но я бы попробовал. А ты пойдешь со мной?

— Только если прикажешь, — ответил Бронски, — и то я бы возразил. Ведь в поведении этих людей нет ничего угрожающего.

— Или ты их просто не знаешь. Но пока мы в тюрьме, наш долг — пытаться бежать.

Бронски нетерпеливо махнул рукой:

— Они должны выдержать нас в карантине. Приземлись они на Земле, мы бы поступили так же.

— Ты же слышал, как Хфатон заявил, что нас признали здоровыми. Так чего нас теперь не выпустить?

— Мы не сможем выучить язык, если будем вести себя как туристы.

— Как раз это лучший способ, — возразил Орм. — Просто говорить с людьми. А они пока даже не начали еще нас обучать.

Через десять минут ему пришлось признать свою неправоту — по крайней мере в отношении намерений марсиан.

Войдя, Хфатон прежде всего убедился, что контейнера со свининой в помещении больше нет. Тогда он сел, держа на коленях коробку с различными предметами. Вынув из нее вилку с тремя очень длинными зубцами, Хфатон произнес, выговаривая медленно и тщательно:

— Шнешдит.

Бронски, лингвист, смог повторить это слово лишь со второй попытки. Орм пытался четыре раза и преуспел лишь тогда, когда Бронски объяснил, что «д» произносится при прикосновении кончика языка к краю десен, а «т» — когда кончик языка поднят к нёбу.

Но все равно оставалось непонятно, что же сказал Хфатон: «вилка», «эта вилка» или «это — вилка». Бронски попросил Ша'ула объяснить по-

гречески, предвидя трудности, поскольку в койне такого слова быть не могло: этот инструмент изобрели намного позже первого столетия от Рождества Христова.

Йа'акоб выразил протест, сказав, что Бронски должен был обратиться к нему, поскольку он главный в допросе людей, и потому именно ему надлежит вести этот урок. Бронски улыбнулся и сказал по-английски:

— Капитан, какие бы эти марсиане ни были, но интриги среди служащих у них точь-в-точь как у нас. Очень ревнивы к своей власти.

— Можно увезти землянина от Земли, но нельзя удалить Землю из землянина, — ответил Орм.

Йа'акоб спросил у Бронски, что тот сказал. Бронски ответил, что только перевел Орму сказанное. Йа'акоб возразил: он сомневается в этом. Собеседники улыбались, однако ничего забавного в этом препирательстве не было.

Бронски пожал плечами.

Хфатон довольно сердито заговорил по-гречески. Смысл был тот, что, если его будут так прерывать, уроки сильно отстанут от графика. С этого момента, если Бронски хочет узнать греческий эквивалент, он может обратиться прямо к нему. Он, Хфатон, говорит на этом языке не хуже любого из своей группы.

— Тогда мы, остальные, с тем же успехом можем вернуться в университет, — ответил

Йа'акоб. — Мы — комитет, а не взвод. Хотя вы и председатель, но каждый имеет право говорить, если он хочет.

— Или если она хочет, —插入了 Жкииш.

Йа'акоб ухмыльнулся.

Бронски перевел Орму разговор.

— Это ученые, без сомнения, — закончил он.

— Так это что, «вилка», что ли? — нетерпеливо перебил Орм.

— «Шнешдит» означает просто «вилка». В греческом это заимствованное слово и произносится несколько по-другому.

— Слушай, ну тебя с твоим греческим, — отмахнулся Орм. — Я хочу выучить крешийский. По крайней мере на данный момент.

Дальше урок пошел быстрее, хотя Бронски раза два встречал с вопросом, когда же их с Ормом выпустят. На это Хфатон ответил, что в свое время они это узнают.

У обоих космонавтов память была отличной. За три часа они овладели названиями двадцати предметов и выучили также название частей тела человека и крешийца.

Еще они выучили несколько падежных оборотов. Из четырех вилок, лежащих на столе, ближайшая называлась шнеш-ам-дит. Следующая — шнеш-айм-дит. Третья называлась шнеш-ту-дит. Две ближайшие к ним вилки назывались шнеш-ам-гр-дит. И так далее.

Орму трудно было произносить «гр» без гласной между «г» и «р», особенно если учесть, что «р» произносилось с прижатием кончика языка к нёбу. Он совершенно не мог произнести две горловые согласные подряд, что для него звучало как треск разрываемой парусины.

— У этих звуков в арабском есть почти полные эквиваленты, — сказал ему Бронски. — Ты в конце концов научишься.

— Если раньше не помру от катара горла. И все равно разницы не слышу.

— Ухо тоже привыкнет.

Сеанс обучения окончился. Орм устал и истек потом. Единственным утешением было то, что Бронски тоже выдохся.

Учителя покинули их перед ужином, но через час появились снова. Орм отключил телевизор, где передавали что-то вроде пьесы. Это напоминало ему марсианский вариант мыльной оперы, хотя он не был в этом уверен. Но, глядя на экран, Орм узнал четыре фразы, услышанные ранее. Правда, попытки воспроизвести их вслух не удались.

— Скажи им, что хватит с меня на сегодня Берлица*, — попросил он.

Но им все же пришлось выдержать еще один изнурительный сеанс. Разговор шел исключительно по-гречески, если не считать того, что

---

* Автор известного курса английского языка для иностранцев. (Здесь и далее примеч. пер.).

Бронски переводил Орму. Вопрос за вопросом сыпался на них по истории Земли после пятидесятого года от Рождества Христова. Иногда Бронски не хватало его знаний греческого — не было нужного слова или фразы. За две тысячи лет появилось очень много новых предметов, социальных и психологических понятий. Иногда удавалось их объяснить с помощью рисунков или чертежей на электронном экране, принесенном Ша'улом.

Часто Хфатон перебивал Бронски словами:
— Оставим этот частный вопрос на потом. Он слишком усложнен и только нас запутает. Излагайте основные этапы истории Земли.

Но при попытке это сделать Бронски приходилось углубляться в детали.

— Итак, вы пока дошли до того, что называете одиннадцатым веком новой эры. Если я вас правильно понял, это соответствует 4961 году по древнееврейскому летоисчислению. К концу сегодняшнего занятия мы попробуем добраться до настоящего времени. Потом нам придется вернуться, снова начать с начала, чтобы вы могли просветить нас в тех вопросах, которые для правильного понимания требуют подробностей.

Услышав от француза перевод, Орм попросил:

— Слушай, скажи им, что мы лопаемся от любопытства. Нельзя ли нам узнать, как они

попали на Марс и зачем? А если нет, то почему?

Хфатон ответил:

— У нас есть свои причины придерживаться выбранной нами процедуры. Вам придется с этим примириться. В конце концов, вы же явились без приглашения, так что вряд ли можете рассчитывать на статус почетных гостей. И все же мы привечаем чужестранцев в нашей земле, ибо и сами были когда-то чужестранцами в Земле Египетской. Поэтому, чтобы облегчить ваше беспокойство, скажу, что у нас нет дурных намерений. Все, что делается, делается к лучшему. Шолом, гости мои.

— Но я вам говорил, — возразил Бронски, — что наши друзья на корабле не могут остаться на орбите более трех недель. Они должны вернуться на Землю. Наше заключение нестерпимо — с нашей точки зрения. Нельзя ли...

Он остановился. Шестерка марсиан вышла, и прозрачная стена скользнула на место.

Орм плеснул себе остатки вина из бутылки, принесенной Ша'улом.

— Черт всех побери! Я готов от досады ногти грызть — или горло марсианам. Как ты считаешь, Аврам, что они задумали?

Бронски пожал плечами. На тощем ястребином лице явственно читалось сомнение.

— Не знаю. Но нам ничего не остается, как идти по их дороге и в ногу с ними.

— Я тебе кое-что скажу. Все эти вопросы по истории — колоссальная кастрюля лапши нам на уши. Они притворяются, что не знают истории после пятидесятого года новой эры. Но ведь они не держат головы под панцирем. По крайней мере, их ничто к этому не вынуждает. Посмотри, какая у них развитая техническая культура. Так что им мешало построить другой корабль и слетать на Землю? А если они этого не сделали, хотя я не знаю, почему бы и нет, они все эти годы могли принимать радиоволны. Это было бы только логично. А тогда — не должны ли они знать о нас немного больше, чем показывают?

— Правдоподобно, — согласился Бронски. — Но, может быть, у них была причина не слушать.

— Стали бы люди Земли при таких обстоятельствах намеренно сохранять неосведомленность?

— Тоже не знаю. Но, в конце концов, потомки людей Земли — это только половина марсиан.

Орм минуту помолчал, расхаживая по комнате и размахивая руками. Он любил упражнения с нагрузкой и нуждался в них. В заключении он ощущал себя, как тигр в клетке. Отжиманий и приседаний не хватало. Ему нужны были упражнения еще и развлекающие: баскетбол, теннис, плавание. А вот аскет Бронски вполне был способен целые дни сидеть или ле-

жать, пока не появлялось что-нибудь, требующее изучения.

— Вот что я понял, — внезапно сказал Орм. — Они интересуются историей после пятидесятого года потому, что — если они не врут — более ранняя история им известна. Это значит, что они улетели с Земли именно в это время и с тех пор не возвращались. Или возвращались, но всего лишь наблюдали с корабля и потому не могли разобраться подробно. Нужные детали они могут получить от нас. Сначала, чтобы задурить нам головы и притвориться, будто ничего не знают обо всем периоде, они заставляют нас излагать историю вообще. А потом наведут нас на нужные темы.

— Совершенно ясно, что люди — потомки тех, кого подобрали крешийцы в первом веке новой эры, — ответил Бронски. — Кроме того, с нашей стороны такое рассуждение чисто спекулятивно. Но если тебе так проще, продолжай так и думать.

Орм ничего не сказал, и Бронски через несколько минут включил голографический телевизор. Судя по всему, передавали новости. Орму это было интересно, потому что показывали другие места, помимо той полости, где их держали пленниками. Репортаж касался двух мероприятий на открытом воздухе: одно было похоже на какой-то фестиваль, а второе — на соревнование. Показанное мельком окружение

было иным: и входы в туннели отличались от виденных ими, и освещение там исходило от множества мелких шариков, свисающих с потолка. Еще одна сцена происходила в туннеле, очевидно, соединяющем две полости. Там лошадь убила человека. Хотя слова диктора были непонятны, изображение было достаточно очевидным.

— Одна картинка стоит десяти тысяч слов, — буркнул Орм себе под нос.

— А? — переспросил Бронски.

Орм начал было повторять, но остановился посреди фразы.

— Смотри, это мы!

Телевизор показывал, как они отвечают на вопросы шестерых.

Изображение мелькнуло и сразу пропало. Диктор, покрасневший толстый старый крешиец, что-то сказал.

Появилось другое изображение. Орм и Бронски подскочили в креслах.

Это были Мадлен Дантон и Надир Ширази, вышедшие из такой же машины, как та, что привезла их самих из туннеля в тюрьму. На землянах были шлемы, и лица рассмотреть оказалось невозможно. Но это должны были быть они.

Орм застонал:

— Они до них добрались! Но как?

ГЛАВА 5

Орм и Бронски ожидали, что новых пленников привезут к ним, но потом сообразили, что Ширази и Дантон должны пройти карантин, и потому их поместят в другое место. Как только явились вчерашние марсиане, Бронски рассказал им, что видел захват по телевизору.

— Да, конечно, — ответил Хфатон.

Ша'ул открыл коробку и стал доставать из нее новые предметы. Бронски побагровел, а Орм зарычал сквозь зубы.

Хфатон спросил:

— Что вам не нравится?

— Очевидно, вы намерены продолжать уроки, не удовлетворив нашего любопытства, — ответил Бронски. — Неужели вам чуждо сочувствие, понимание? Люди вы или нет? Вы должны видеть, что мы лопаемся от желания узнать, что с нашими товарищами. Они невредимы? Как

вы их заполучили? Что собираетесь с ними делать?

Длинное худое лицо Хфатона осталось бесстрастным.

— Нет, я не человек — в строгом смысле слова. Тем не менее я вас понял. Да, я предвидел вашу эмоциональную реакцию. На вашем месте я бы тоже сгорал от нетерпения. Однако наша комиссия получила от Совета четкие инструкции ничего вам не сообщать. Почему — не знаю, наверное, требования безопасности. Совет сообщит нам о причине таких ограничений, когда — и если — найдет необходимым.

— Господа Всемиловейшего ради! — воскликнул Бронски. — Вы что, совсем ничего не можете нам сказать?

— Нам было велено учить вас языку как можно быстрее. Очевидно, Совет считает сроки жизненно важным вопросом. Итак, продолжим.

Во время перевода Орм покусывал нижнюю губу, а потом сказал:

— Аврам, скажи этим гиенам, что мы отказываемся от сотрудничества, пока они нам не объяснят, что происходит. До тех пор мы не скажем ни слова.

Бронски заговорил по-гречески. Шестерка стала серьезной, и Хфатон ответил:

— У нас есть средства заставить вас сотрудничать. Но мы слишком гуманны, чтобы их применять. Ладно. Ваши товарищи невредимы и в

добром здравии. У них помещение не хуже вашего и недалеко отсюда. Женщина не говорит ни на одном из известных нам языков, но мужчина кое-как знает иврит. Это не тот язык, который используется у нас на богослужении, но достаточно к нему близкий для некоторого взаимопонимания. Мужчине о вас сообщили.

— Спроси, как их сняли с «Ареса», — попросил Орм.

Бронски перевел слова Хфатона о том, что посадочный модуль был осмотрен крешийскими учеными. Поняв его работу, двое из них отправились на орбитальный корабль. Их впустили, а когда двое землян отказались его покидать, тех усыпили.

Орм покачал головой:

— Ты можешь себе вообразить, что творилось на Земле, когда транслировалась эта сцена?

Бронски обратился к Хфатону:

— Вы учли, что этот захват может быть расценен как враждебный акт? Вы пытаетесь начать войну?

— В войне нет необходимости, — ответил Йа'акоб. — Все, что нами сделано, сделано для вашего блага. В свое время это все будет разъяснено к полному удовлетворению вашего народа. Теперь займемся уроком.

Быстрый темп урока не оставлял времени подумать ни о чем другом. И все же Орм не мог отвлечься от возникающих мыслей: как

отреагировали на Земле? Что думают правительства стран Конфедерации Северной Америки о насильственном захвате своих граждан? Как отреагировали другие страны — члены ИАСА, вложившие средства в эту экспедицию?

Йа'акобу пришлось даже один раз резко ему заметить, что следует быть внимательнее. Орм было огрызнулся, но потом решил не настраивать своих тюремщиков против себя. После этого он стал чаще улыбаться, хотя это требовало усилий, и даже вызвал смех у учителей, пошутив по-крешийски. Особенно это понравилось Ша'улу. Орм даже отметил его как того, с кем следует поддерживать контакт и при случае — использовать. Этот блондин казался более открытым и сочувствующим, чем остальные. Если из него удастся вытащить больше, чем ему позволено открыть, это может оказаться ключом к побегу.

Вернуться на посадочный модуль казалось невозможным, но все же Орм не оставил эту идею. Если бы его легко было обескуражить, он никогда не стал бы первым астронавтом КСА.

Во время перерыва на ужин Орм включил телевизор. В середине программы, посвященной медицинским исследованиям, вдруг исчезло изображение. Потом на экране появился Хфатон за письменным столом на фоне украшенной абстрактной росписью стены. Он заговорил по-

гречески и сказал несколько фраз. Бронски широко улыбнулся:

— Они хотят нам дать поговорить с Надиrom и Мадлен.

Тут же Хфатон исчез, и они увидели своих товарищей — те сидели в креслах и смотрели на них.

— Эй, вы! — крикнул Орм. — Как вы там?

Следующие несколько секунд все четверо горланили одновременно. Орм положил этому конец.

— Мы не знаем, сколько времени нам дадут на разговор, так что давайте сначала о важном. Прежде всего: когда вас взяли, были включены передатчики?

Дантон и Ширази заговорили одновременно. Орм резко свистнул и сказал:

— Ты первый, Надир. Ты старше по званию.

— ИАСА видела все с момента выхода марсиан в туннель, — ответил Надир. — По крайней мере я так думаю. Они точно все принимали до того момента, когда мы впустили в корабль двоих. Возможно, после этого передача стала глушиться.

— Почему вы решили их впустить, когда увидели, как они садятся в модуль? Почему не увели «Арес» с орбиты и не вернулись на Землю?

— Такое решение принять нелегко. Стартовать — значит бросить вас. Мы понятия не имели, как с вами обращаются — хорошо или плохо.

Когда марсиане вошли в модуль, мы установили с ними радиоконтакт, и они ответили на совершенно незнакомом языке. Мы доложили в Центр, и даже при запаздывании радиоволн у Картера было достаточно времени, чтобы принять решение. Он заявил, что никак невозможно судить о враждебности людей в модуле или отсутствии таковой, пока они не взойдут на борт «Ареса». Если они дружественны, а мы их оттолкнем, это может быть понято как враждебность с нашей стороны. Таким образом, мы предадим вас двоих.

С другой стороны, он не хотел приказывать нам остаться и подвергать себя опасности. В конце концов он возложил принятие решения на нас.

— И таким образом, — перебила Мадлен, — снял с себя ответственность. Администратор он хороший, но прежде всего — политик.

Ширази улыбнулся и добавил:

— Прикажи он нам возвращаться — не знаю, что бы я стал делать. Я не хотел стартовать. Прежде всего это значило бы бросить вас в беде. Следующий корабль ранее чем через три года прислать невозможно. Но сильнее всего меня удерживало любопытство. Я не мог вынести неизвестности: что с вами случилось и вообще что тут творится.

— А если бы он решил возвращаться, — сказала Дантон, — я бы протестовала изо всех сил.

— А Картер что-нибудь говорил о посылке спасательной экспедиции? — спросил Орм.

— Это да. Он клялся, что следующий корабль пошлют, как только станет возможно. Конечно, определенно сказать он не мог, надо сначала собрать средства...

— Разве вы допускаете хоть на секунду, что все это не поставит на уши мировое сообщество? Они деньги найдут, можно пари держать!..

Орм остановился и после паузы добавил:

— О'кей. Теперь — что случилось с нами.

Когда он закончил, наступило молчание. Потом Ширази спросил:

— Так эти люди — иудеи? И крешийцы тоже?

— Да, — ответил Бронски.

— Но они упоминали Иезуса го-Христоса, то есть Иисуса Христа. И они объявляли себя, пусть и неявно, христианами?

Ирано-шотландец побледнел. И не удивительно, подумал Орм. Он же мусульманин. Не настолько правоверный, как требуют большинство его соотечественников, но все же воспитанный ревностными родителями. Он убежден, что Мухаммед — последний и величайший из пророков, даже если и не воспринимает Коран буквально.

Но если все это было ударом для Ширази, то не меньшее потрясение переживал и Орм, который был единственным верующим христианином

из всех четырех. И Бронски, хоть и не был правоверным евреем, тоже забеспокоился.

А как же Дантон, воспитанная в набожной римско-католической семье, пусть теперь она и стала атеисткой? Она сидела совершенно спокойно, вытянув ноги и положив руки на колени. Из-под темно-красного платья, выданного ей тюремщиками, выглядывали чуть толстоватые лодыжки и широкие ступни в сандалиях. Ее наряд скрадывал широкие бедра и очень тонкую талию, но не мог скрыть наличие потрясающе большой груди. У нее было запоминающееся широкое лицо с резкими чертами, высокими скулами, большим ртом и огромными глазами. Нос был чуть-чуть слишком удлинен и закруглен, но он не выделялся сам по себе, а лишь подчеркивал своеобразие лица. Она сменила двух мужей, а сотрудники ее говорили, что с этой ведьмой лучше в одной лаборатории не работать. Но ее блестящие достижения в биохимии в сочетании с общим психологическим портретом вывели ее в число основных кандидатов на полет. Конечно, во время тренировок и долгого полета она была совершенно лояльна к остальным. Личных конфликтов у нее ни с кем не было, и она была вполне контактна, пока разговор не касался религии. Здесь она замолкала, хотя ясно было, что на эту тему она как раз с удовольствием бы поспорила. В других обстоятельствах она бы так и поступила.

Потому-то она и выглядела сейчас такой... такой безмятежной: теперь найдутся наконец доказательства, которые ясно покажут: основатель религии ее отцов был всего лишь человеком. Стало очевидно, что привезенные крещийцами на Марс люди были подобраны где-то около пятидесятого года от Рождества Христова, и не менее очевидно, что кто-то из них был знаком с Иисусом.

По крайней мере так считал Орм. У этих существ могли найтись записи, свидетельства очевидцев, даже звукозаписи и съемки интервью с людьми, близко знавшими Иисуса.

Сердце его забилося, и он часто задышал.

Вдруг на экране появилось изображение Хфатона, меньшее, чем изображение землян, и парящее над ними. Он что-то сказал Бронски и исчез.

Француз объяснил:

— Нас разъединяют. Будьте здоровы, ребята. Даст Бог, скоро поговорим лично.

Экран опустел. И Орм, и Бронски минуту молчали.

— Вот интересно, — медленно произнес Бронски, — почему это марсиане допускают изображение животных и людей на экранах приборов, но запрещают в искусстве? Теоретически закон Моисеев должен применяться и к телевизионному изображению. Значит, они не настолько ортодоксальны, как я думал.

Орм слегка разозлился:

— Господи Боже, Аврам, тебе больше думать не о чем? У нас слишком много реальных неприятностей и жизненно важных вопросов без ответов, чтобы еще и над этим ломать голову.

Бронски пожал плечами:

— А о чем еще думать? Мы ничего не можем, кроме как следовать курсом наших... гм... хозяев. И вообще меня интересуют подобные вопросы.

— Да? Меня тоже, только когда у меня время есть!

Бронски огляделся и криво усмехнулся. Орм рассмеялся:

— Понял, что ты хочешь сказать! Что у нас еще есть, кроме времени, да? Ладно, давай я тебя спрошу. Может ли правоверный еврей смотреть телевизор?

— Есть в Израиле ультраортодоксальная группа — «Нетурай Карта». Ее члены отказываются иметь телевизор или смотреть его, а также слушать радио, кстати. Они утверждают, что истинными евреями остались в мире лишь они, и даже не признают Израиль как государство. Но такие фанатики почти исчезнувший вид, и просто ортодоксы смотрят на них с ужасом — или с жалостью. Да, ортодоксальные евреи смотрят телевизор, хотя и не в шаббат. Но вот как бы марсианские евреи не оказались аналогом

земных из «Нетурай Карта», хотя это и сомнительно.

— Эти люди живут здесь уже около двух тысяч лет, — заметил Орм. — Они же не могли не измениться за это время. Ведь даже твои суперортодоксальные евреи не побивают камнями пойманную на прелюбодеянии женщину и не выкалывают глаза человеку, который кого-нибудь ослепил?

— Да, я бы не ожидал такого. Моисеевы законы строго применялись, когда древние евреи были кочевыми племенами — вроде диких бедуинов. Законы эти были по-варварски жестоки, но необходимы для поддержания порядка и сохранения веры. Сейчас они нам кажутся дикарскими, но по сравнению с другими современными им были даже гуманными. Когда же евреи осели в Палестине и стали цивилизованными, то смягчили букву закона духом гуманности в соответствии с требованиями среды и времени. Еще за сто лет до рождения Иисуса побивание камнями за прелюбодеяние было отменено.

— Но Иоанн говорит — помнишь? — что, когда Иисус был во храме, книжники и фарисеи привели к нему женщину, уличенную в прелюбодеянии. Они сказали, что по закону Моисея эту женщину надлежит побить камнями, и спросили, что он по этому поводу думает. Они хотели поймать его в ловушку и обвинить в

нарушении Закона. А теперь ты говоришь, что это неправда?

— Такое могло быть на самом деле, — ответил Бронски, — только не в Иерусалиме. Наверное, этот случай произошел в Галилее, где жители были более консервативны в вопросах религии — по крайней мере в определенных ее аспектах — и могли побивать камнями прелюбодеев, если это делалось без привлечения внимания властей. Закон же гласил, что прелюбодейка должна быть доставлена в Иерусалим на суд. Там она должна была пройти испытание горькой водой, и если не выдерживала его, то подвергалась наказанию, но уж никак не побиванию камнями и вообще не смертной казни. Скорее всего ее ждал принудительный развод и позорное возвращение в родительскую семью.

Правда, еврейская культура Марса развивалась без чуждого влияния две тысячи лет. И нельзя ожидать, что ее развитие шло параллельно земной.

— Без чуждого влияния? — переспросил Орм. — Ты что, голову мне морочишь? А крещийцы? Придумай что-нибудь более чуждое — они ведь даже не люди!

— В смысле физиологии — нет. В других отношениях, насколько я могу судить по нашему короткому знакомству, они куда больше люди, чем многие на Земле.

Бронски, не вставая с кресла, наклонился в сторону Орма и сцепил руки.

— Мне вот что с ними непонятно. У них две тысячи лет назад была куда более развитая технология, чем у подобранных ими людей. На самом деле они были более развиты, чем мы сейчас. То есть они были превосходящей расой. Людям крешийцы должны были казаться богами. В крайнем случае — ангелами. И потрясение для людей должно было быть огромным. Они просто онеметь должны были от шока.

Любое влияние могло идти только в одну сторону — от крешийцев к людям. В самом деле, что могли земляне предложить крешийцам? Мы знаем, что крешийский стал общим языком для крешийцев и людей. Греческий и арамейский сохранились, но лишь в научной среде, а иврит — язык богослужений. Этого можно было ожидать.

Бронски откинулся на спинку кресла, но руки не разжал.

— Следовало бы также ожидать, что религия низшей расы — не морщись, я говорю лишь в том смысле, что люди сильно отставали в технике и в знании, — так вот, эти низшие должны были подпасть под мощное влияние высших. Как это случалось в истории: любая примитивная культура либо исчезала, либо коренным образом изменялась при встрече с технологически развитой цивилизацией Запада. Это не

совсем точно, поскольку восточная цивилизация также вынуждала менее развитые общества бежать, погибать или меняться. И люди Востока не были ни на волос менее жестокими, корыстолюбивыми или невежественными, чем люди Запада...

— Не читай мне лекций, — попросил Орм.

— Извини. Я говорил, что люди должны были бы полностью ассимилироваться. Но этого не случилось. Почему? Не потому ли, что крещийцы имели дело с правоверными евреями, которые в вопросах религии страшно консервативны и крайне упрямы? Ведь это случайность, что крещийцы подобрали людей этой группы. Я, конечно, не говорю, что евреи — единственные, кто упрямо цепляется за свою религию. Вот парсы, например. Они...

— Тебя опять занесло, Аврам. Слушай, все это интересно, но давай держаться сути дела.

— Хорошо. С другой стороны, даже если евреи должны были отказаться принять религию крещийцев, буде таковая у тех имелась, зачем крещийцам, не принадлежащим даже к виду *Homo Sapiens*, опережающим в своем развитии евреев на тысячи лет в науке и Бог еще знает в чем — зачем было крещийцам принимать иудаизм?

— Христианство.

— Это еще надо доказать. Эти люди — иудеи, верующие, что Иисус есть Мессия. И термин «христианство» в данном случае не подходит.

По крайней мере, я так думаю. И все же невероятно, чтобы крешийцы обратились в веру, которая для них то же самое, что для нас какая-нибудь религия древнекаменного века. Да и в иудаизме того времени было много элементов, действительно взятых из палеолита. Кремневые ножи при обрезании, пищевые табу, восходящие к дописьменным и древним культурам...

Орм покачал головой:

— Тебе бы быть ученым раввином.

— Мой отец был.

— Хорошо, на счет чего ты относишь обращение крешийцев?

— Вот это и надо узнать.

Из телевизора раздался голос. Орм повернулся и увидел на экране Хфатона. Он обратился к Авраму, и тот, не в силах скрыть удивления, что-то быстро ответил — за последнее время он лучше стал говорить по-гречески.

Аврам сообщил:

— Он спросил меня, женаты ли Мадлен и Надир. Я ответил, что у Надира есть жена, но у Мадлен супруга нет. Он, кажется, расстроился, но почему — не сказал.

— А какая им разница?

Бронски скривил рот.

— Могу только догадываться, но не хочу. — Он встряхнул головой. — Нет, даже думать не хочу!

ГЛАВА 6

На следующий день Орм заговорил, едва только учителя успели войти:

— Почему вы спрашивали, женаты ли Ширази и Дантон?

Шестерка удивилась — пленник говорил по-гречески.

Хфатон ответил на том же языке, и Орм ничего не понял. Он узнал у Бронски, как произнести по-гречески его вопрос, но теперь снова должен был обратиться к французу. Но задать вопрос он хотел сам, чтобы произвести впечатление и показать, что вопрос важен.

Крешиец обменялся с Бронски несколькими фразами, и Бронски сообщил по-английски:

— Они предположили, что Дантон и Ширази женаты, найдя их в корабле наедине. Но в первую ночь в своих апартаментах они спали в разных комнатах. Было предположено, что у

женщины менструация, и потому она нечиста. Однако следующую ночь они спали вместе, и не было свидетельств, что у женщины кровотечение.

Прислали женщин ее осмотреть, и они установили, что прошлой ночью она имела сношение. Стали спрашивать мужчину, но он слишком слабо знает иврит и, по-видимому, ничего не понял. Или, говорит Хфатон, нарочно притворился непонимающим.

Как бы там ни было, а вчера вечером Хфатон вызвал нас и спросил о них. Я сказал им правду, но, если бы заподозрил, что им нужно, я бы соврал. Хотя это все равно не помогло бы — они бы в конце концов разобрались.

Орм рассмеялся бы, если бы не понял по выражению лица Бронски, что положение серьезно.

— Мадлен и Надир? Но они же никакого интереса — в этом смысле — друг к другу не проявляли! Просто не верю!

Бронски нетерпеливо отмахнулся:

— У тебя после столь долгого воздержания нет возбуждения? А если ты брошен в тюрьму, напуган и одинок, ты не потянешься к женщине? Или к мужчине, если ты женщина?

— Могло бы быть, — ответил Орм. — Только знаешь, я никогда не изменял жене — бывшей жене, я хочу сказать, хотя можешь мне поверить — случаев представлялось множество.

Но если бы такое вынужденное целомудрие продлилось еще дольше, тогда, боюсь...

— Вот-вот, а ты ведь набожный христианин. Ладно, что могли бы сделать ты или я, к делу отношения не имеет.

— Ладно, но Мадлен! Она не уродливая женщина, но такая холодная и отстраненная!

— Чем дольше молчит вулкан, тем сильнее в нем давление. Но весь вопрос в том, действует ли все еще закон Моисеев насчет прелюбодеяния?

— Так спроси его!

Бронски задал вопрос, выслушал ответ Хфатона и сказал:

— Если Надир истинно сожалеет, то есть раскаивается, и даст обет не совершать впредь этого греха, и жена простит его, то наказания ему не будет.

— А что за наказание?

— Приговор к тяжелым работам — расширять полость в камне — на шесть месяцев. И, возможно, публичный позор.

— А Мадлен?

— То же самое. Как бы там ни было, а сейчас дело рассматривают судьи. Есть шанс, что никто приговорен не будет, поскольку дело не имеет прецедентов. До сих пор они ни разу не имели дела с преступниками-гоями.

— Ты им скажи, что они чертовски самоуверенны и много на себя берут! Их законы к нам

неприменимы. А по нашим законам эти двое преступления не совершали!

Через минуту Бронски доложил:

— Он говорит, что они никому, даже чужакам, не могут позволить нарушать свои законы. Тот, кто попал сюда, подпадает под юрисдикцию данной страны.

Еще он говорит, что Надира переведут в другую тюрьму, дабы не было искушения впасть в тот же грех снова. Кстати, Надир до вечера нечист. Каждый мужчина, имевший истечение семени, нечист, пока не кончится день.

Орм взметнул руки вверх:

— Что дальше? Ты ему скажи...

— Нет, — перебил Бронски. — Я ему ничего не скажу. Мы в их власти полностью. И не следует становиться в непримиримую оппозицию.

Хфатон что-то проворчал.

— Он говорит, что пора начинать урок и прекратить эту чушь.

— «Чушь» — это его слово или твое?

— Остынь, Ричард. Теряя голову, ничего не выиграешь.

— Я ее пока не потерял. Но действительно вскипел.

Когда сеанс обучения прервался на обед, Орм попросил Бронски спросить Хфатона, когда в последний раз в суде разбиралось дело о прелюбодеянии.

— Он говорит, два года назад.

Орм хмыкнул:

— И это, по-твоему, люди?

Хфатон что-то сказал Бронски, и шестеро учителей вышли.

— Сегодня больше уроков не будет. У них есть другие дела, а сегодня вечером начинается шаббат. Завтра мы их тоже не увидим.

Наступил «рассвет», но люди не устремились из домов на работу. Не было видно ни одного живого существа — только вдали виднелись многочисленные животные с ферм.

— Все остаются дома для размышлений и молитв, — пояснил Бронски. — Потом пойдут в синагоги. Поблизости, конечно, от своего дома. В шаббат запрещено удаляться от дома более чем на определенное расстояние. И ходить можно только пешком — нельзя ехать ни верхом, ни в экипажах.

Орм включил телевизор, но экран остался пуст.

— Похоже, что телевизор тоже нельзя смотреть. Хм. Интересно, а за нами они наблюдают?

— Не знаю. Если строго придерживаются закона, то нет.

— Знаешь что, — медленно проговорил Орм, — если в шаббат все закрыто, то это именно тот день, когда мы должны бежать.

— Прежде всего ты еще не узнал, как поднимать стену.

— Думаю, что это делает внешний оператор или автоматика. Ты заметил, что перед подъемом стены Йа'акоб всегда засовывает руку себе под полу? Я думаю, у него там выключатель.

— И как ты собираешься у него его взять?

Орм не ответил. Он представил себе, как лезет в чужой карман. Если удастся положить туда что-то, напоминающее на ощупь выключатель, то Йа'акоб не заметит пропажи... Только такую подмену нужно сделать сразу, как только Йа'акоб нажмет кнопку. Для этого надо отвлечь его внимание и внимание его спутников. Если Бронски поможет устроить сцену, может получиться.

Но устройство нужно снова включить, чтобы опустить стену, и тогда Йа'акоб сразу обнаружит фальшивку. Если только стена не становится на место сама через определенное время без повторного сигнала. Нет, на это нельзя надеяться. Вообще учителя выходили сразу, как только стена достаточно высоко поднималась, но был случай, когда они задержались для разговора секунд на девяносто, не меньше.

Вот если бы оказалось, что у остальных пятерых тоже есть выключатели, или хотя бы у одного, можно было бы сделать два муляжа. Но тогда надо лезть в два кармана. И тогда надо будет дать стене команду на спуск одновременно с тем, как Йа'акоб нажмет кнопку — или что он там делает.

А как изготовить подделки? Материалов нет, и ножа тоже. К тому же за ними все время наблюдают по телевизору, значит, надо укрыться от глаз монитора во время кражи устройств, и делать муляжи тоже придется в спальне, где — можно допустить — за ним не следят.

А если даже такой сложный план увенчается успехом, все равно неизвестно, куда идти и что делать на свободе. Орм понятия не имеет, где туннели, ведущие к модулю. Да и вход в них должен охраняться. Эти ребята не дураки.

Да, а в шаббат? Разве часовые не должны в этот день быть дома? Возможно. Но даже если так, автоматика поднимет тревогу.

Обдумывая все эти трудности, Орм должен был признать, что Бронски прав. Бежать невозможно. Но если им позволят покинуть тюрьму, то даже под охраной у них будет больше шансов.

Ни слова за все это время не сказавший Бронски вдруг подпрыгнул:

— Понял!

— Что случилось?

— Я высчитывал. Сегодня шаббат и в Израиле. Это может быть совпадением, но я так не думаю.

Бронски сиял, как должен был сиять Моисей, услышав донесение своих шпионов о том, что Палестина, страна, текущая молоком и медом, созрела для жатвы.

— Очень интересно, — отозвался Орм. — Но я был бы тебе признателен, если бы ты свой могучий интеллект применил к поискам выхода отсюда.

— Интересное было бы умственное упражнение, но практически бесплодное. И если хочешь знать правду, Ричард, я не уверен, что сбежал бы, если бы и мог. Здесь многое нужно изучить.

— А если бы я тебе приказал?

— Ты капитан, — пожал плечами Бронски. Он медленно поднялся и подошел к стене-окну.

— Вот они выходят на церемонию встречи солнца.

После ритуала, или общей молитвы, или что там это было, толпа разбилась на группы поменьше, и каждая из групп направилась к широкому зданию на вершине невысокого каменного холма, поднимаясь по двенадцати широким ступеням, вырубленным в камне.

— Это синагоги, — сказал Бронски. — Интересная архитектура. Двенадцать стен, а внутренние части крыши складываются или убираются для допуска солнечного света внутрь. Углы крыши подняты. Резьба на стенах напоминает стилизованные руки. Не реалистическое изображение, но похоже на сложенные в молитве руки.

Остаток дня Бронски провел у стены, как часовой, с той лишь разницей, что подтащил к себе стул и смотрел сидя, комментируя вслух.

Орм подходил к стене, когда Бронски показывал на что-нибудь интересное — вроде играющих на улице после обеда детей. Но мысли его крутились вокруг побега. Вот если бы ночью захватить одну из наземных машин, можно было бы мигом домчать до входа в туннель. Машины были повсюду. Наблюдая, как уезжала шестерка, Орм увидел, что ключей у машин нет. Очевидно, возможность кражи марсиан не волновала.

Ужин обычно бывал сытным и разнообразным, и подавалась говядина, запеченная рыба, фасоль, салат, лук, подлива и фруктовые салаты в изобилии. Что их удивило — это жареные початки кукурузы прямо в волокнистой оболочке.

— Кукуруза явно не входила в меню древних евреев Старого Света, — заметил Бронски. — Очевидно, крешийцы до отлета успели собрать образцы растений со всей Земли.

— Отсюда видны пшеничные и ячменные поля, — сказал Орм, — но не кукурузные. Наверное, ее выращивают в других полостях.

— Или в далеких полях, которые отсюда не видны.

Следующий день было воскресенье, или, как его называли здесь, йом-шамах. Бронски ожидал, что это будет нормальный рабочий день. Но, как и в шаббат, никто не спешил на работу, кроме фермеров, да и те лишь покормили

животных и птиц. Были три службы в синагоге, но между службами на улице играли дети. Наибольшая разница была в длительности богослужения под открытым небом. Предыдущие церемонии продолжались десять минут. Сегодняшняя — двадцать четыре. Из них двенадцать минут толпа молчала, слушая пение кантора. Пленникам было все отлично видно и слышно. Телевизор был включен. Бронски высказал догадку, что это для больных и старых, которые не могут присутствовать. Весь ритуал велся на иврите.

— Если бы это не было совершенно невозможно, я бы решил, что они поклоняются солнцу, — сказал он. — Придется подождать объяснения. Кстати, у секты иесеев был гимн солнцу. Может быть, и здесь что-то похожее.

Орм подумал, почему это Хфатон не сообщил им, что сегодня тоже не будет уроков. Но через полчаса после того как толпа стала расходиться, приехали Хфатон и Жкииш.

Войдя, Хфатон после обычного «Шолом алейхем» сказал:

— Мои коллеги сегодня дома с семьями. Наши же дети уже выросли и проводят день со своими детьми. Сегодня, правда, у нас дома сбор всей большой семьи во главе с моим прадедом.

— Бог благословил вас, — ответил Бронски. — Надеюсь, ваш прадед в добром здравии и сохранном уме.

— Вполне приличном для человека двухсот сорока лет, — сказал Хфатон.

Бронски приподнял брови, и после перевода так же поступил Орм.

— Ваша медицина далеко обогнала нашу, — признал Бронски. — Вы говорите о земных годах, а не марсианских?

— Разумеется.

Услышав это, Орм сказал:

— Если бы марсианских — то сейчас ему было бы четыреста восемьдесят земных. Подумай, что будет, когда это услышат на Земле.

Бронски представил себе такое и вздрогнул.

— Можно ли спросить вас о вашем возрасте, Хфатон?

— Мне сто шестьдесят девять.

Орм присвистнул:

— Он не выглядит старше пятидесяти. Правда, он крешиец, и мне трудно судить. Для меня они все на одно лицо.

Бронски спросил:

— Ша'ул с виду лет тридцати. Сколько ему на самом деле?

— Восемьдесят два.

— Такая продолжительность жизни — не естественная? Я имею в виду, вы применяете химические препараты и физические методы для замедления старения?

— А вы разве нет?

Бронски хотел было соврать, но передумал. Все равно раньше или позже марсиане узнают правду.

— Нет. Мы до определенной степени умеем замедлять старение лабораторных животных, но ничего подобного вашим достижениям у нас нет. Для людей пока мы ничего сделать не можем.

И Хфатон, и Жкииш сделали судорожный вздох.

— Так вы по-прежнему умираете, как звери? Как было две тысячи лет назад?

Бронски ничего не ответил. Эти двое крешийцев должны понять, что эти новости значат для обитателей Земли. Как только они узнают, немедленно начнется гвалт с требованием эликсира или что бы это такое ни было. Если, конечно, правительства Земли обнародуют новости. Хотя на Земле с начала шестидесятых рождаемость падала, перенаселение все еще составляло серьезную проблему.

— Начнем урок, — сказал Хфатон. — Но сначала, будьте добры, примите вот это.

Из внутреннего кармана одежды он вытащил две большие зеленые таблетки.

— Выпейте это. Они безвредны. Стимуляторы памяти. Вы сможете быстрее воспринимать и запоминать сто процентов услышанного. Скорость обучения удвоится.

Бронски зажал пилюлю в пальцах.

— Почему нам их не давали с самого начала?

— Давали. В минимальных количествах в еде и питье. Каждый день увеличивая дозу. У вас возник иммунитет против побочных эффектов — они могли быть неприятными.

Бронски объяснил Орму назначение таблеток.

— Чем быстрее выучим язык, тем быстрее выйдем из этой тюрьмы, — сказал Орм.

Они приняли таблетки и запили водой.

Орм поморгал, потом сказал:

— Я ничего не чувствую.

— А чего ты ожидал? Озарения? Резкого скачка IQ*?

— Я не чувствую себя умнее.

Но таблетки подействовали. Орм и Бронски освоили шестьдесят новых слов, ни одного не забыли и поняли в крешийском синтаксисе куда больше, чем на предыдущих сеансах. Более того, у Орма стало намного меньше трудностей с воспроизведением звуков.

— А эти таблетки — как вы их зовете?

— Гбредут.

— Эти гбредут — они могут помочь человеку с низким интеллектом?

— Меньше, чем человеку с высоким.

— Слушай, — мечтательно сказал Орм, — какой эффект это произведет на Земле! Если бы я мог получить на них монополию...

---

* Коэффициент интеллекта.

— Ты можешь думать о чем-нибудь, кроме как стать богатым?

— О тысяче вещей, но почему я должен упустить такую возможность?

Хфатон резко напомнил им, что надо вернуться к работе, но Орм не мог отвлечься от мысли, сколько денег мог бы он заработать на продаже этих таблеток на Земле. Он назвал их про себя таблетками Очкеуа — по имени гигантского насекомого страны Оз, которое давало ученикам таблетки для моментального обучения, и они могли проводить все время в играх. Эти таблетки принесут такой доход! Даже не надо запрашивать высокую цену — все равно окупятся стоицей.

А если марсиане просто отдадут Земле свои гбредут? Или вообще не разрешат Земле ими пользоваться? В конце концов, ими ведь владеют марсиане.

Но если они настолько этичны, как сами о себе говорят, они смогут отказать в этом благе не больше, чем в продлении жизни. Или смогут?

Урок закончился, и Хфатон был доволен тем, как он прошел. Крешийцы ушли, и Орм сказал Бронски:

— А как ты думаешь, мы завтра сможем не глотать таблетки? Спрятать в ладони. Только надо будет заставить их поверить, что мы все

понимаем. Трудно, конечно, но попробовать можно.

— Ты хочешь на Земле отдать их на анализ?

— Ты правильно понял.

— И стать плутократом?

— А что тут такого? Кто-то все равно это сделает. Так почему не я? Кому от этого плохо?

— А почему тебе не попросить у них образец? Или формулу? Они вполне могли бы дать.

— А если откажут? Тогда они будут знать, что я что-то задумал, и будут за мной следить, как кот за мышинной норкой.

В этот вечер им дали поговорить с Ширази и Дантон. Действительно, они были в разных тюрьмах. Никого из них не смутило, что их застали в одной постели, хотя последствия им не нравились.

— Насколько я понял своего следователя — человека по имени Иййохб, — сказал Надир, — у нас есть выбор. Можем отправиться на тяжелую работу, а после освобождения еще год носить на одежде клеймо прелюбодеев. Лучше, чем по старому закону Моисея, когда нас забили бы насмерть камнями. Второй вариант — брак.

— Но ты ведь уже женат!

— Да, но я им сказал — и это правда, — что я мусульманин. Им пришлось объяснить, что это значит, но они посчитали это отколовшейся ветвью иудаизма. Короче, я им объяснил, что

мусульманин может иметь более одной жены — таковы законы моей страны.

Иййохб сказал, что здесь в обычае моногамия, хотя раньше, при недостатке населения, многоженство разрешалось. Если я его правильно понял, крещийцы умеют задавать пол нерожденного младенца и потому рожают мальчиков и девочек в соотношении один к трем. Таким образом мужчина может иметь трех жен и гораздо больше детей.

— А они их не клонируют?

— Не знаю. Думаю, что религия это запрещает. Или слишком сильное было бы генетическое сходство. В общем, они решили, что мы с Мадлен либо должны пожениться, либо понести наказание.

— Я бы ни секунды не думал, — сказал Орм.

— Так я и сделала, — ответил Мадлен. — Мы не влюблены, но в постели отлично совместимы и нам не придется страдать от сексуального напряжения. Единственное огорчительное обстоятельство — у меня через полгода кончатся контрацептивы. Надир никакой обработки не проходил и способен к оплодотворению. И через шесть месяцев придется оставить обычный секс, поскольку я не хочу рисковать беременностью.

Все это она произнесла спокойным деловым тоном.

— Повезло вам, — вздохнул Орм. — А у нас с Аврамом есть только мы двое, и он все симпатичнее с каждым днем.

Бронски был слегка шокирован, а Орм заржал.

— Ты слишком вольно говоришь для набожного баптиста, — заметила Мадлен.

— От разговоров никто еще не умирал, зато напряжение снять помогают. И вообще, это между мной и Богом. Как ваши уроки?

Надир ответил, что они делают успехи, насколько этого можно ожидать. Орм сказал ему, что можно ожидать ускорения обучения в самом ближайшем будущем, и сообщил им про «таблетки Очкеуа». Они заинтересовались, но известие о долгой жизни марсиан заинтересовало их куда больше.

— Если они не дадут Земле формулу, будет война, — сказал иранец.

— Может быть, — ответил Орм. — Но я не уверен, что они вообще сообщат об этом Земле. Одна из причин, почему они так спешат с обучением языку — они хотят узнать, что мы за народ. И когда узнают, могут решить сохранять полную изоляцию. Верно, Аврам?

— У нас недостаточно данных для подобных заключений.

Прошла еще неделя. Надир вернулся в помещение Мадлен, и они поженились. Обряд не был исполнен раввином, поскольку они были

язычниками. Но Надир объяснил, что по закону своей страны ему достаточно лишь публично объявить, что он берет в жены эту женщину перед лицом Бога. Это не было правдой, но так как марсиане этого не знали, то они и не возражали. Все были довольны, и только Надир беспокоился, что будет, когда он вернется в Шотландию.

— Там ведь двоеженство не разрешено!

— Да ты не волнуйся, — успокоил его Бронски. — По законам Шотландии вы не будете женаты. Зато ты дашь адвокатам, о чем поспорить: законен ли брак, заключенный на Марсе.

— К тому же, — добавил Орм, — еще неизвестно, вернешься ли ты на Землю.

Это была отрезвляющая мысль.

На тридцатый день заключения всех четверых освободили, ничего заранее не объявив. Улыбающийся Хфатон информировал их, что свобода имеет свои границы.

— Вам отведут дома возле правительственного здания. Ваш дом будет напротив дома Ширази. Но если вы куда-нибудь направитесь, с вами будут два проводника — по крайней мере первое время.

— Мы благодарны, — ответил Орм. — Но можно ли нам теперь связаться с Землей?

— В свое время. Мы считаем, что будет лучше для всех, если вы больше о нас узнаете, чтобы ваш доклад правительству был поточнее.

Мы хотим избежать непонимания. Кроме того, нам нужно собрать побольше данных о вашем народе. Ваших народах, точнее, поскольку вы очень разные. И вы пока начнете учить нас вашим основным языкам.

— Видите ли, очень важно довести до сведения Земли, что мы не пленники.

— Но ведь вы — именно пленники! — И Хфатон добавил странные слова: — Необходима осторожность, когда имеешь дело с Сынами Тьмы.

— Что вы хотите этим сказать? — ошетинился Орм.

— Вам это объяснят. А пока что пойдемте в ваш новый дом.

По дороге, пока ехали в машине, Орм сказал:

— В одном из ранних разговоров вы упомянули Иисуса Христа. Вы расскажете нам о нем? Вы поклоняетесь ему или вы истинные евреи?

— Мы — евреи, знающие, что Иисус есть Мессия. Нет, мы не поклоняемся Иисусу. Он — человек, а мы поклоняемся лишь Единому. Но Иисус пребывает с нами.

Хфатон показал на яркий шар, висящий под куполом полости:

— Он живет там.

ГЛАВА 7

Иногда после завтрака Хфатон приходил один для разговоров. В другие разы приходили поодиночке Йа'акоб и Ша'ул. Бывало, что с ними приходил кто-нибудь из правительственных чиновников или университетских ученых. Они всегда просили разрешения войти — очевидно, чтобы показать землянам, что те у себя дома и могут чувствовать себя спокойно.

Во второй половине дня землянам разрешалось ходить или ездить куда угодно в указанных пределах. Иногда Хфатон или Ша'ул вывозили их сквозь туннели в другие каверны. Всего их было сорок, и строилась еще одна для растущего населения. Однажды они съездили посмотреть на работы. Гигантские лазеры резали гранит и базальт, как ацетиленовая горелка — бумагу.

— У вас, наверное, точно такие же лазеры, — сказал Хфатон.

Орм подтвердил.

— Когда свяжетесь со своим народом, сообщите, что, если они решат послать сюда корабль, на нем не должно быть подобных горелок. И нейтронных бомб, и вообще никаких делящихся материалов. Никаких вообще средств ведения войны. Иначе мы это будем рассматривать как враждебный акт. — Хфатон улыбнулся, как бы желая смягчить суровость своих слов. — Мы вынесли на поверхность оружие и средства обнаружения. Мера чисто оборонительная, но могу вас заверить, что ни один вооруженный враждебный корабль или ракета не смогут подойти ближе чем на пятьдесят тысяч миль — их немедленно уничтожат.

Орм спросил, как марсиане могут перехватить корабль в космосе для проверки. Ведь у них же нет своего корабля.

— Не было.

Больше крешиец ничего не сказал, но Орм решил, что они починили разбитый корабль. Но если это так, то спутники-наблюдатели сообщили об этом на Землю. А может быть, разбитый корабль не трогали, а построили под поверхностью планеты другой? А если эти марсиане могут в любой момент построить космический корабль, зачем они ждали до сих пор?

Он не стал спрашивать Хфатона, но решил узнать, почему магнитометры на спутниках зем-

лян не показали таких обширных полостей под поверхностью.

— У нас есть средства повлиять на их показания, — ответил Хфатон.

На обратном пути они остановились у ресторана. Как всегда, четверым землянам был отведен отдельный стол.

— Прямо нечистым себя чувствуешь, — тихо сказал Орм.

— Каковыми мы и являемся в ритуальном смысле, — ответил Бронски. — А какая тебе разница? Нам подают ту же еду, что и другим, и она хороша. А к тому же можем поговорить без подслушивания.

— В этом я не уверен, — возразил Орм. — Откуда ты знаешь, что на нас нет «жучков»?

— Мы же говорим по-английски, — отозвалась Мадлен. — А они английским не владеют.

— Это они так говорят, — не уступал Орм. — Откуда ты знаешь? Только с их слов? А может быть, это чтобы мы говорили свободно, а они будут знать, не замышляем ли мы чего-нибудь.

— Ты узнал, какие туннели ведут наружу? — спросил Ширази.

— Нет, и никакого толку бы не было, если бы и узнал. Теперь, когда у них есть корабль, они легко нас перехватят, даже если мы доберемся до «Ареса».

— Ты в этом уверен? — спросил Бронски.

— Этот корабль должен быть черт-те насколько быстрее нашего.

— А может быть, — предположила женщина, — они нарочно так сказали, чтобы мы оставили всякую надежду на побег.

— Вряд ли. Их лазеры могут нас спалить в небе без труда. Это если они их вынесли на поверхность. Может быть, они и про это врут. Но следует ли мне — нам то есть — на это рассчитывать?

Когда они вернулись в «свою» каверну, Орм показал на световой шар:

— Он должен появиться оттуда примерно через месяц. Как вы думаете, имеется в виду нечто символическое или нас разыгрывают?

— Они нам скажут, когда сочтут нужным, — ответил Бронски. — Или подождут до события и дадут нам увидеть самим.

Они миновали рынок, где несколько сот человек покупали и продавали коров, овец, коз, лошадей, кур, уток, фазанов, индеек, попугаев и еще каких-то мелких птиц с оранжевыми, коричневыми и черными полосками, певших так, как космонавты никогда в жизни не слышали. Они были специально выведены из комнатных птичек, привезенных крешийцами с родной планеты, Трриллкрвиллутаута. Орм когда-то восхищался их красотой, и на следующий день Хфатон подарил ему пару. Клетка была не нужна — птички были домашними.

Торговали тут и плодами сельского хозяйства, и предметами искусства, и домашней утварью. За все платили — если брали не в обмен — толстыми пластиковыми деньгами разного размера, формы и цвета. Толпа была шумной, но добродушной. Все казались счастливыми.

Судя по тому что Орм видел, это общество было куда более благоприятным для человека и свободным от преступления и порока, чем любое земное. Если Хфатон говорил правду, то последний случай воровства был десять лет назад, а последнее убийство — шесть лет назад.

— Какое еще миллионное население могло бы похвастаться подобным? — воскликнул Бронски.

— Да, не слабо, — сказал Орм. — А откуда ты об этом столько знаешь?

— Я говорил с нашими учителями и с прохожими на улицах — людьми и крешийцами.

— Они могли тебе лапши на уши навешать. Может быть, конечно, они были искренни. Но ты же знаешь, как далека всегда реальность от идеала, а люди невольно стараются описывать идеал.

— У меня было чувство, что эти люди говорят правду, — ответил Бронски, — не так, как они ее видят, а так, как она есть. Как бы там ни было, а здесь существуют обширные и тесные семейные связи, очень полезные. Хотя и в

этом должны быть отрицательные стороны — как и во всем. Но преимущества перевешивают недостатки.

Вот, например, старое ивритское слово, обозначающее «двоюродный брат», перешло в крещийский и стало означать «гражданин». Все между собой родственники. Видел бы ты, какие тут хранятся генеалогические деревья с самого момента высадки! Кстати, с генетическими картами.

Но я отвлекся. Здесь нет сиротских приютов — сирота сразу усыновляется ближайшими родственниками. Конечно, сирот здесь очень мало, поскольку почти никто не умирает преждевременно. Короче, члены семьи, а также тетки и дяди очень тесно друг с другом связаны, внимательно следят друг за другом, но лишь для того, чтобы убедиться: никто не обделен любовью.

— Класс! — перебил Орм. — Только скажи мне: что здесь значит это слово? На Земле его понимают на сотню ладов и выворачивают на тысячу.

Бронски пожал плечами:

— Они — люди, и ты знаешь, что они собой представляют. И к тому же находятся под влиянием крещийцев — что бы это ни значило.

Бронски считал, что марсиане живут почти в утопии благодаря уникальной религиозно-политически-социальной системе.

— Корни ее — это религия, а стебель и цветы — тоже религия. Но система не окостеневшая. Она открыта любому благоприятному эволюционному изменению.

— А что они называют благоприятным?

— Подождем и увидим. Ша'ул мне сказал, что в свое время нас могут пригласить пожить в марсианском доме, чтобы мы впитали атмосферу.

— И нам позволят есть с ними за одним столом?

— Я так полагаю. Это будет скоро. Иначе мы будем чувствовать себя чужаками, пришельцами и не сможем узнать их общество изнутри. Гражданами мы еще не станем, поскольку не обращены в веру. Но я думаю, они ждут — или надеются, — что мы обратимся.

— Тогда, — сказал Орм, — мы стали бы марсианами. И предателями Земли!

— Есть у марсиан поговорка: «Предатель лишь тот, кто предал истину».

И Бронски продолжал рассказывать о системе правления.

— В каждой округе выборный совет осуществляет самоуправление. Он посылает представителей в городской совет. В каждом округе есть свой судья, возглавляющий совет, а округа посылают представителей в совет всей каверны. Он также возглавляется судьей, который является высшей инстанцией. Окончательное

решение принадлежит ему, хотя у его власти и есть ограничения.

Судьи — не просто судебная власть. Они еще и губернаторы. Как судьи в домонархический период древней Иудеи. Если помните Ветхий Завет, то поймете.

Центральное правительство возглавляется советом представителей от каждой полости, а судья — глава совета. Сейчас верховный судья — крешиец по имени Жмрежкот бен-Раута, и он...

— Погоди минутку, — прервала его Мадлен Дантон. — Все советники и судьи — мужчины?

— Примерно на пять шестых.

Дантон возмутилась. Бронски улыбнулся:

— Все не так плохо на самом деле, Мадлен. Если не считать верховного правительства, процент женщин на более низких уровнях власти куда выше. Почти половина. Но они уже в почтенном возрасте. От женщины требуется провести детородный период в собственном доме. Это где-то от двадцати семи до сорока семи. Из-за продления жизни детство и юность стали дольше.

Когда дети вырастают, женщина может заняться чем хочет. Если же она желает продолжить возиться с детьми, потому что ей это нравится, может стать учительницей или помощницей матери. Этот народ высоко ценит детей. Случаев дурного обращения с ребенком, физи-

ческого или морального, здесь не было уже триста лет.

Лицо Дантон во время этой речи наливалось краской, а теперь она взорвалась:

— А если женщина не хочет быть матерью? Темперамент неподходящий или вообще не хочет? А лесбиянки — те, которые и хотели бы быть матерями, но предпочитают усыновление или искусственное осеменение?

— Еще во втором поколении крешийцы исключили биологическую основу лесбиянства. В первом поколении, может быть, отклонения еще были.

Дантон чуть не брызгала слюной, но смогла овладеть собой.

— Это же просто смешно! И прежде всего это нарушение гражданских прав!

— Так ли? Ты вспомни, что это не земное общество. Зато они могут предложить Земле решение проблемы гомосексуализма.

— Чушь! А те, чей гомосексуализм обусловлен условиями в семье? Где отца нет или он слаб, а мать доминирует? Что ты на это скажешь?

— «Медицист», с которым я беседовал, мне сказал, что семейная среда не определяет гомосексуализма. Как ты знаешь, на Земле у многих бывают слабые отцы и сильные матери, но мало кто приобретает гомосексуальную ориентацию. Он мне сказал, что это действует лишь

на тех, в ком склонность к гомосексуализму заложена генетически. И если эти гены скорректировать, то такой тенденции не будет, какова бы ни была ситуация в семье.

— Ты говоришь о гомосексуальных мужчинах! А лесбиянки?

— То же самое, Мадлен. Послушай, я не защищаю марсиан, хотя результатами восхищаюсь. Иегуда бен-Ионафан — он крещиец — говорит, что иногда ребенок начинает проявлять скрытые гомосексуальные наклонности, но это мутация.

Точно так же исключается на генном уровне диабет, но изредка появляется ребенок с диабетом. Радиация действует даже сквозь слой скалы толщиной в милю. И при обнаружении диабета или гомосексуального поведения ребенка лечат. Исправляют генетический комплекс.

— Они делают из людей роботов!

— Ты хочешь сказать, что человеку должен быть предоставлен выбор: болеть диабетом или не болеть?

— От их генных инженеров Земля могла бы многому научиться, — сказал Орм. — Они далеко нас обогнали.

— И этот рынок ты тоже хотел бы захватить? — поддел его Бронски.

— А почему нельзя приносить людям пользу с выгодой для себя? Но я вот что хотел бы понять: марсиане должны контролировать рожда-

емость, но это строго воспрещено законом Моисея.

— Если бы они этого не делали, не успевали бы каверны выкапывать для растущего населения. С другой стороны, их женщины никогда не делают абортов.

— А что, — спросила Дантон, — если женщина не захочет перестать рожать детей?

— После рождения третьего это должно быть прекращено. Но она может вынашивать чужие яйцеклетки и помогать ухаживать за детьми других женщин.

— У них тоталитаризм!

— В определенных аспектах — да. Но это единственная подлинная теократия в пределах Солнечной системы — если они говорят правду.

— Теократия — ты имеешь в виду правление священнослужителей?

— Нет. У них нет священнослужителей, хотя потомков Аарона — в изобилии. И храма у них нет. Единственный храм для них — в Иерусалиме. Кстати, Иегуда страшно возбудился, когда я ему сказал, что римляне разрушили этот храм в семидесятом году новой эры. Они здесь этого не знали, конечно.

А потом он и говорит: «Это безразлично. Мы его отстроим», — и тут он побледнел, будто сказал то, чего говорить не должен был.

— Ага! — веско сказал Орм. — Значит, у них есть планы на Землю?

— А если у них нет священнослужителей, почему ты называешь их теократами?

— Потому что мне кажется, что ими управляет Он.

— Что еще за он? — крикнул Орм.

— Он — это Он, — Бронски показал пальцем на горящий шар.

Орму вдруг показалось, что кожа его испарилась, и нервы обжег пылающий воздух.

— Ты хочешь сказать... Иисус?

— Как сообщил мне Иегуда, Иисус разрешает самые сложные юридические вопросы и иногда вмешивается в процесс управления. Он по сути, если не по имени, Великий Судия.

Холодок пробежал вверх по позвоночнику Орма, покрыл мурашками шею и скользнул под волосы. Шар был похож на огромный огненный глаз. Не на него ли он смотрит?

— Возможно, теократия — неточное слово, — согласился Бронски. — В конце концов, его называли Сын Человеческий — это значит, что он человек. Он не считался ни сыном Божиим — разве что через усыновление — ни Богом. Но на самом деле...

Орм сказал себе, что слишком бурно реагирует, даже если марсиане его и обманывали. И все же в этот вечер, произнося коленопреклоненно вечерние молитвы, он заметил, что обратил лицо в сторону сияющего шара. Орм быстро вскочил, покраснев, как будто был за-

стигнут за каким-то страшно неприличным — даже греховным — действием.

На следующий день он вместе со своими товарищами был приглашен в кабинет Хфатона в Тлет'ше — главном университете. Там их ждали остальные пятеро допросчиков и учителей: Йа'акоб, Жкииш, Ша'ул, Йирмейа и Хммидрон. Земляне расселись, было предложено угощение в виде воды, фруктового пунша и мацы с ломтями вяленой рыбы. Орм мельком подумал, как бы они отнеслись к комбинации рулета, сливочного сыра и копченого лосося, о которой здешние евреи не могли слышать. Дали бы ему на это патент, дело могло бы быть прибыльным. Но разрешат ли они такую монополию, тем более гою? Да и что будут стоять на Земле марсианские деньги? Ладно, посмотрим со временем.

Осведомившись о здоровье присутствующих — будто здесь кто-нибудь когда-нибудь болел, — Хфатон сказал:

— Мы пригласили вас, чтобы познакомить с некоторыми моментами нашей истории. Здесь у нас есть звуко- и видеозаписи для иллюстрации нашего словесного изложения. Вы весьма преуспели в изучении нашего языка, но все же в моей речи могут встретиться слова и выражения, вам неизвестные. В этом случае не стесняйтесь спрашивать. В остальных случаях мне

бы хотелось, чтобы моя лекция не прерывалась.

И далее речь Хфатона прерывалась лишь этими ожидаемыми вопросами. За первые пятнадцать минут он дал очерк эволюции жизни на Триллкрвиллутауте, родной планете крешийцев, причем Орм заметил, что звезда планеты не была ни разу названа. Развитие жизни очень напоминало земное, и крешийцы развились из обезьяноподобных животных.

— Похожие планеты порождают похожие формы, — сказал Хфатон. — По крайней мере так было в известных нам мирах. Хотя, должен признать, мы обнаружили только две другие, похожие на наши. Одна из них еще в палеолите. Другая — о ней я скажу позже.

Предыстория и история прошли через различные этапы каменного века, через бронзовый, железный и пластиково-электронно-атомный века. Как и на Терре, существовало несколько различных рас. Их представители были и на корабле, отправленном в межзвездную экспедицию. За время пребывания на Марсе крешийцы слились в однородную расу.

Голографические картины крешийской цивилизации захватили Орма. Даже тогда, две тысячи лет назад — даже больше, потому что кто его знает, насколько раньше стартовал корабль — у этого народа была наука и техника, по срав-

нению с которой современная Земля казалась первобытной.

Почему же наука крешийцев не развивалась еще дальше? Сейчас она с виду осталась на том же уровне, как и в момент старта корабля. А во многих отношениях даже подверглась регрессу. На Марсе для езды и пахоты использовались лошади. Основным удобрением был коровий и лошадиный навоз.

Но Орм забыл о своих вопросах, слушая рассказ Хфатона о подготовке и запуске звездного корабля. Тот был воистину огромен — куда больше, чем можно было предположить по виду открывшейся части. Какой бы вид энергии на нем ни использовался — этот вопрос Хфатон опустил — она была страшно мощной. Корабль не был построен на орбите, а поднялся прямо с поверхности планеты.

Были показаны захватывающие голограммы жизни на борту, хотя деятельность там была ограничена. Корабль обслуживали сменные команды, пока остальные лежали в анабиозе.

— До первой системы мы добирались со скоростью в четверть световой, и это заняло сорок лет, — сообщил Хфатон.

Далее пошли снимки планеты, напоминавшей Землю около двадцати тысяч лет до новой эры. Жители ее были гуманоидами, если не считать остроконечных ушей, кошачьих глаз и зубов,

четко указывающих на происхождение от плотоядных.

— В этом мире эволюция пошла несколько другим путем. К разуму Божественное Присутствие решило привести примитивную форму из семейства кошачьих.

Второй полет был направлен к планете, чья звезда, как и солнце Земли, планеты крешийцев и третьей планеты, принадлежала к типу G.

— Этот полет занял пятьдесят пять лет бортового времени, — сказал Хфатон.

Здесь крешийцы нашли две обитаемые планеты — третью и четвертую от центрального светила.

Четвертая планета оказалась недавно засыпана вибрационными бомбами (что это такое, Хфатон не сообщил), но мелкие группы все же выжили и теперь скитались по планете, стараясь найти еду и ускользнуть от завоевателей.

— Ими, очевидно, были существа с третьей планеты, — сообщил Хфатон. — Мы не знаем, как они себя называют, но у нас есть их фотографии.

На экране показалась коренастая ширококостная мускулистая фигура, одетая в нечто вроде кольчуги. В широкой пятипалой руке она держала серебристый шлем с зубчатым гребнем. Ногтей на пальцах не было.

Голова была похожа на человеческую, хотя это существо за человека сойти не могло. Вме-

сто волос торчала густая короткая щетина, напомнившая Орму иглы дикобраза, хотя с виду гораздо более мягкая. Череп был больше по сравнению с телом, чем у землян. Уши закручивались по-другому, а их кончики разделялись на два мясистых отростка. Огромный массивный подбородок. Очень толстые губы, рот открыт, и зубы почти как человеческие. Очень короткий и широкий нос, закругленная горбом переносица, и из нее торчат щетинки.

Густые брови и волосы — или щетинки — были закручены штопором. При мигании двигались и верхнее, и нижнее веко — навстречу друг другу. Нижнее было иссиня-черное, верхнее того же цвета, что кожа лица и рук — красновато-коричневое. Глаза красно-бурые.

— У других существ был другой цвет кожи, глаз и волос, — прокомментировал Хфатон, — но сердца у всех одинаково черные. Или, если быть снисходительным, следует сказать, что зло было в сердцах их правителей — может быть, среди этого народа и есть хорошие люди. Как бы там ни было, на нас напали без предупреждения, хотя мы пришли с миром.

К счастью для крешийцев, средства самообороны у них были. И их оружие было лучше, хотя и не давало решающего преимущества.

Орм снова отметил, что Хфатон не указал природу оружия.

Два корабля, пытавшиеся атаковать корабль крешийцев, сами были уничтожены. Крешийцы все же пытались установить контакт с чужаками, но их попытки были отвергнуты, и тогда они аннигилировали еще одного нападающего. Вынужденные прервать свои исследования, крешийцы отбыли к следующей по их плану звезде: Солнцу Земли.

— Но Сыны Тьмы преследовали нас, хотя мы это заметили, лишь достигнув Земли. Там мы вывели корабль на орбиту. Поняв, что легко могли бы отбить вооруженное нападение примитивных жителей Земли, мы послали вниз наблюдательный корабль. Он собрал множество образцов растительной и животной жизни для доставки на Трриллкрвиллутаут.

Проблемой было добыть образцы разумной жизни. Захватывать их силой нам было запрещено, ибо это противоречило нашим этическим нормам. Поэтому мы поступили так, как сделали на первой планете. Стали с орбиты высматривать разумных существ, попавших в угрожающую ситуацию — в том числе опасно больных. Обнаружив такую группу, мы ее спасли бы, надеясь, что в благодарность они согласятся на то, чтобы мы их изучили. Потом мы их освободили бы вблизи того места, где подобрали.

ГЛАВА 8

Хфатон остановился, чтобы глотнуть фруктового сока.

— Конечно, мы надеялись, что среди них найдутся любопытные, желающие улететь вместе с нами. На палеолитической планете нам с этим не посчастливилось. У наших «гостей» был слишком силен племенной дух, отделенные надолго от своего народа, они бы умерли. И потому после изучения мы их отпустили.

Здесь же были люди цивилизованные, хотя с нашей точки зрения — куда как нецивилизованные. Из двух сотен подобранных нами пятьдесят впали от страха в такую истерику, что мы их побыстрее выпустили там же, где нашли. Большинство таких было со средиземноморского побережья или из страны, где течет великая река, называемая Шиндху, или с Дальнего Востока. Эти последние были люди с коричневой

кожей и складкой в углах глаз. Было несколько человек из города посередине перешейка, соединяющего два континента, лежащих на запад — или на восток — от самого большого континента, за океаном.

Тут Хфатон прервал свою лекцию и спросил, есть ли у землян названия для этих мест.

— Страна реки Шиндху — это, очевидно, Индия, — ответил Орм. — Люди с Дальнего Востока — китайцы или другие монголоиды. Земля, соединяющая два материка, — это Центральная Америка, а люди оттуда — должно быть, индейцы майя. Самый большой континент — я думаю, вы имеете в виду три части света вместе — Европу, Африку и Азию.

— Мы считали это одним континентом, — возразил Хфатон. — На снимках это одна большая масса суши.

— Они соединены, но это три отдельных континента, — ответил Орм. — Хотя Европа таковым не является. Она выделена по историческим и этнографическим причинам. А большая земля к западу от Евразии — это тоже два отдельных континента, Северная и Южная Америка. Тот узкий участок, где вы выбрали индейцев майя или кого бы то ни было — Центральная Америка. Она соединяет Северную и Южную.

— Мне не хочется углубляться в географический спор, — сказал Хфатон. — Как бы то ни

было, почти все, кого мы доставили на орбитальный корабль, были серьезно больны. Мы вылечили их и изучили их язык, а потом предоставили им выбор — вернуться или остаться на корабле.

Один из них был с континента, который вы называли Африкой, из местности неподалеку от страны Кем, или Айгюптоса по-гречески. Это был еврей по имени Маттафия, или Матфий. Он был последователем Мессии, учеником, назначенным по жребию на замену Иегуде — по-гречески Иуде Искарриоту, тому апостолу, что предал Мессию.

— Матфий и Иуда Искарриот! — воскликнул по-английски Орм, не веря своим ушам.

Крешиец вел себя так, будто не заметил этого выкрика. Он нажал кнопку на небольшом пульте, который держал в руке, и на большом настенном экране появилось изображение бородатого низенького человека, беседующего в тесной комнате с двумя крешийцами.

— На каком языке он говорит? — шепнул Орм на ухо Бронски.

— На арамейском, похоже.

— Это Матфий, — сказал Хфатон. И после паузы добавил: — Он был тринадцатым апостолом и знал Иисуса еще до распятия. С ним он ходил, с ним здесь говорил и ел.

Орм хотел попросить объяснения, что значит «с ним здесь говорил и ел», но Хфатон перешел к внезапному появлению Сынов Тьмы.

— Наши детекторы обнаружили их, когда они вынырнули из-за планеты, называемой вами Юпитером. У нас был выбор: прятаться, сражаться или бежать. Мы могли спрятать корабль под поверхностью океана, а могли покинуть систему, поскольку у нас было преимущество в скорости. Но мы не знали, что они делают с Землей. Из виденного нами ранее мы заключили, что они безжалостны и дики. У них была хорошо развитая технологическая цивилизация, но это не означает высоких этических норм.

Вдруг они опустошат Землю, как поступили с четвертой планетой своей системы? Или захватят в рабство землян? Поскольку мы ощущали на себе ответственность за этих людей и их планету, нашим долгом было их защитить. Наше правило — вмешиваться в развитие других видов как можно меньше, хотя нам и больно было допускать творившееся зло.

Хфатон снова помолчал и добавил:

— По крайней мере, таково было наше правило тогда.

Орм насторожился. Что могло значить такое заявление?

— И мы решили драться...

— Извините, Хфатон, — перебил Орм, — но я не могу не спросить. Вы сказали: «Наше правило тогда». Что...

— Это будет объяснено впоследствии.

— Ладно. Но еще я хочу знать, как вы смогли определить корабли «Сынов Тьмы», как вы их назвали. По форме, или как?

— Они имели ту же форму, что и напавшие на нас ранее. Мы не знали — точнее, наши предки, экипаж корабля не знал, как им удалось нас выследить. Космолет не оставляет следа. По крайней мере так мы считали, хотя, быть может, в этом вопросе Сыны Тьмы нас обогнали.

Кроме того, у них должны были быть межзвездные корабли в тот момент, когда мы их посетили, хотя мы ни одного не видели. Короче...

Крешийский корабль с земными «гостями» на борту встретил противника в ста тысячах миль за орбитой Марса. Битва была короткой и жестокой. Осколки кораблей нападавших улетели к солнцу. Но и крешийский корабль был серьезно подбит. На одном работающем двигателе он долетел до Марса и совершил аварийную посадку. К счастью, удар был не настолько силен, чтобы повредить экипажу и пассажирам. Но корабль починить было невозможно, а планетарный модуль был разрушен.

Теперь на экране пошли снимки полета и крушения и того, что стали делать выжившие. С имеющимся оборудованием крешийцы вырубали в скале полость для временной базы. Из минералов стали добывать кислород и питательные вещества. Шли годы, и база расширялась,

образовав в конце концов огромный подземный комплекс.

Орму все это тоже было интересно, но он предпочел бы услышать историю Матфия. Благоговение не покидало его — с этими людьми был апостол! Как показала камера Хфатона, он был похоронен в скале неподалеку. Камера медленно панорамировала по кладбищу, показывая надгробные камни первых жителей. На них были надписи на иврите, греческом, латыни, крещийском, китайские иероглифы и то, что могло бы быть иероглифами майя.

Камера перешла к менее древним могилам, и все надписи уже были на иврите. Камни оказались все одной величины, ибо так требовал закон. По верованиям древних евреев, все равны в смерти — святые и грешники, бедные и богатые, молодые и старые, мужчины, женщины и дети.

Бронски перевел надпись:

— Маттафия бен-Хамат. Годы в еврейском летоисчислении соответствуют второму и сто сорок девятому годам новой эры соответственно.

Возле надгробья апостола находилось еще десять камней, на которые показал Хфатон.

— Это были спутники Матфия, скорее даже его ученики, пораженные вместе с ним болезнью, когда мы их подобрали. Все это были ливийские евреи, которых Матфий убедил, что Иисус был Мессией. И это Матфий и десять

бывших с ним обратили всех язычников-людей на корабле. Но мы, крещийцы, еще не увидели тогда света. Почти все мы были кто агностиками, кто атеистами, а были и такие, что держались религий наших предков. Мы не мешали Матфию привести всех землян к принятию закона Моисея, хотя в невежестве своем не видели в этих законах ничего, кроме бессмысленной жестокости некоторых из них.

Орм был не в силах сдержаться. Вскочив на ноги, он выкрикнул:

— А что же заставило ваши сердца прозреть?

— Мессия сам явился нам. И сделал то, что убедило нас на веки веков.

ГЛАВА 9

Филемон Жбешг Моше бен-Ионафан оказался молодым человеком тридцати пяти лет. Был он слегка щеголеват со своими крашенными в фиолетовый цвет пейсами, огромными серебряными серьгами в виде колес и расписанном радужными полосами хитоне. Старшие родственники считали, что у него просто скандальный вид, и за расшитые мокасины и алые ногти на ногах выговаривали ему открыто. Он покорно и молчаливо слушал и продолжал одеваться, как хотел. Как и множество других молодых людей в возрасте от двадцати двух до пятидесяти, он следил за модой.

Но, в отличие от своих сверстников, он не злоупотреблял выпивкой — злоупотреблением считалось более трех стаканов вина в день. Он был спортсменом и позволял себе лишь один стакан за ужином.

Орм, выигравший когда-то три олимпийские медали (в беге на сто и двести метров и в прыжках в длину), пришел в центральный гимнастический зал потренироваться. Еще ему хотелось увидеть, что за спортсмены марсиане. Казалось бы, две тысячи лет на планете с гравитацией существенно слабее земной должны были привести к ослаблению мышц. Но это оказалось не так. Местные бегали, прыгали и боролись не хуже, чем если бы родились на Земле.

Орма привлекла к Филемону его дружеская и искренняя манера поведения, а еще заинтриговало то, что он был чемпионом по спринту. И Орм на шестой день после знакомства вызвал его на соревнование. К его неприятному удивлению, Филемон на каждом забеге выигрывал несколько метров.

— Ну, я не в лучшей форме, — сказал Орм, тяжело дыша. — Мне бы потренироваться месяцев пять. И еще я не привык к здешней тяжести — каждый шаг здесь длиной в пять метров. Я к тому же и не в том возрасте — тридцать пять для спринтера многовато — для землянина, конечно. И бегать босиком я не привык. — Тут он ухмыльнулся и добавил: — А мог бы придумать еще десяток оправданий.

Тогда Филемон ему сообщил, что они одного возраста.

— Да, но я не проходил лечения для задержки старения. Физиологически ты на уровне девятнадцати лет самое большое.

— А ты просил об этом лечении?

Вопрос застал Орма врасплох.

— Ну, я считал само собой разумеющимся, что мне откажут. Я же чужой, в конце концов.

— А ты спроси Хфатона. Хуже не будет.

Тем же вечером Орм переговорил со своими спутниками, и они решили обратиться с просьбой к Хфатону на следующее утро.

Бронски засыпал Орма вопросами насчет тренировочного зала. Наконец Орм заметил:

— Тебя, кажется, очень заинтересовал спорт. Раньше я думал, что он тебе безразличен.

— Мне интересно, поскольку древние евреи имели предубеждение против гимнастики и вообще к спорту относились без восторга. Спортивные игры у них ассоциировались с греческим или римским язычеством. Однако время все меняет. В конце концов, современные израильтяне очень увлекаются спортом. Еврей-ортодоксы в Израиле в меньшинстве.

На следующее утро после прибытия учителей и обмена приветствиями Орм высказал свою просьбу.

Хфатон минуту помолчал, сложив руки домиком. Наконец он сказал:

— Я знал, что вы об этом попросите. Вчера вечером у нас было по этому поводу совеща-

ние, хотя и недолгое. Мы решили, что в настоящий момент не можем предоставить вам такое лечение.

У Хфатона был такой вид, будто вопрос исчерпан. Но Орм все же спросил:

— А почему?

— А почему мы должны?

— Это было бы гуманно.

— В самом деле? Но мы еще мало знаем о вашем народе. Как можно угадать, не склонится ли общий эффект не к добру, а к злу?

— Злу? — переспросила Мадлен. — Вы имеете в виду, что это будет физически травматично для нас, поскольку наш метаболизм отличается от вашего? Или вы хотите сказать, что это разрушительно скажется на нашем общественном устройстве?

— В любом случае, — добавил Надир, — как нечто, предоставленное только нам, может быть злом для жителей Земли?

— Прежде всего отвечу на твой вопрос, Мадлен. Это могло бы вызвать смуту в общественном устройстве Земли, что было бы злом. Я заметил, что вы избегаете таких терминов, как «зло» и «грех». Вы не верите, что они существуют?

Хфатон очень искусно умел уходить от темы, которую не желал обсуждать.

— Я предпочитаю научные термины, — ответила Мадлен.

— Есть не один род науки. И есть знание и вне науки. Но этого мы сейчас обсуждать не будем. Отвечаю на твой вопрос, Надир. Если вы получите лечение и вернетесь на Землю, ваши ученые смогут сделать вам анализ крови и понять наш способ. Кроме того, насколько мне стало известно состояние вашей науки, думаю, что такое лечение может уже быть открыто. Разумеется, не такое действенное, как наше. Но по каким-то причинам оно не стало достоянием широкой публики — может быть, по тем же, которые заставляют нас отказать вам в вашей просьбе. По крайней мере сейчас.

Орм уже знал, что с марсианами не имеют смысла ни споры, ни просьбы. Он сказал:

— Хорошо. Но вы понимаете, почему мы о нем просили?

— Да. — Хфатон улыбнулся. — Кстати, прием таблеток быстрого обучения прекращается. Пробы крови, взятые нами вчера, показывают, что вы в опасной близости от побочных эффектов.

— Каких именно? — спросила Мадлен. — Я ничего не заметила.

— Вы и не заметили бы, пока они не наступили. А это было бы примерно на третий день от сегодняшнего. Сейчас у вас может быть небольшой синдром отмены — ощущение, что в соседней комнате есть люди, хотя там никого нет, или другие слегка параноидальные симпто-

мы. Видите ли, судя по вашим рассказам, многие из вашего народа не стали бы принимать таблетки по предписанию. Ими злоупотребили бы люди легкомысленные или преступники.

— А здесь, — со злостью спросила Мадлен, — ими никто не злоупотребляет?

— Никто.

Она не ответила, но видно было, что внутри у нее все кипит. Орму тоже было обидно, будто ему вдруг сделали несправедливый выговор. Но приходилось признать, что крешиец прав.

В тот же день в гимнастическом зале он попытался исподволь вытянуть из Филемона информацию о туннелях, ведущих на поверхность. Но Филемон ни в одну из словесных ловушек Орма не попался. Не то чтобы он понял, к чему тот клонит, но ему была неинтересна тема, к которой Орм его направлял. Ему хотелось говорить о спорте на Земле. Канадец даже подумал, так ли он простодушен, как кажется. Откуда, кстати, мог Хфатон знать, что Орм собирается заговорить о лечении продления жизни? Не передает ли Филемон вечером то, что Орм говорит днем?

А может быть, у него микрофон с передатчиком? Крешийцы когда-то говорили землянам, что те будут передвигаться свободно, но не без сопровождения. Орм тогда подумал, что ему назначат проводника, но этого не было сделано. И после первой недели он мог свободно направляться

куда хочет без спутников. То же самое говорили и остальные трое.

Значит, они как-то следят за ним на расстоянии. Если только марсиане не решили собирать информацию у всех, с кем земляне говорят. А визуальное наблюдение можно вести скрытыми камерами в потолке пещеры. В доме эту функцию мог взять на себя телевизор, даже в те моменты, когда он с виду выключен. А еще следящие мониторы можно было вставить прямо в тела пленников.

Тут Орм подумал: а не сказывается ли это побочный эффект пилюль быстрого обучения? Не паранойя ли у него?

Однажды, где-то примерно в час дня, Орму надоело читать учебник по дифференциальным механизмам с фотонным приводом. Он положил книгу на пол, чтобы она могла сама добраться до соответствующей ниши в библиотеке, и вышел в лингвистический отдел. Там он стал проглядывать каталог популярной литературы, где было много сборников стихов — и половина из них на религиозные темы. Орм решил, что даже зная он язык лучше, все равно с трудом понял бы стихи с их спрессованными идеями, неясностью ссылок и склонностью к иносказаниям. В крешийской поэзии, как в древнеримской или древнегреческой, размер определялся в большей степени числом слогов, чем расстановкой ударений, и большую роль играли алли-

терапии и параллелизмы. Последнее, как объяснял в предисловии профессор, пришло из поэзии на иврите.

Орм решил, что вернется домой и там продолжит читать «Завет Матфия». Но по дороге домой передумал. Почему не одолжить автомобиль и не поехать вокруг? Если власти будут возражать, ему это быстро дадут понять.

На муниципальных стоянках служащих не было. На двух каменных дорожках стояло около дюжины открытых машин. Орм вошел в одну, нажал кнопку, и электродвигатель завелся. Ключей не было, поскольку не было индивидуальных автомобилей. Все они были собственностью либо общины, либо центрального правительства. Кому нужен был автомобиль, просто садился в него и ехал. Грузовиков было очень мало, поскольку фермеры пользовались фургонами на конной тяге, а для снабжения использовались пневматические капсулы, пересылаемые по подземным туннелям.

Дороги и мостовые были сделаны из плотного резиноподобного материала, по которому было приятно ехать и легко идти пешком. Автомобиль выехал на улицу под ручным управлением. Можно было словами указать место назначения компьютеру машины и спокойно сидеть, а тот сам выберет самый быстрый маршрут. Но этим мало кто пользовался — все любили водить сами.

Двигаясь со скоростью двадцать миль в час — пределом машины было тридцать пять, — Орм выруливал по улице к главной магистрали. Описав большую дугу вокруг центральной части города, он выехал в сельскую местность. Не было ни сигналов остановки, ни светофоров, ни даже дорожных знаков. Уличной разметки, и той не было. Считалось, что горожанин свою общину знает. А если он чужой, то может спросить у другого горожанина или у компьютера. Почты здесь не существовало. Для общения и передачи печатных документов использовались домашние телеприемники.

Орм уже знал, что пещера, в которой живет он, была построена первой. Выйдя на источник правительственной информации со своего телевизора, Орм получил на свой экран карту туннелей и пещер. Несомненно, его вызов был зарегистрирован и отслежен, но никто ему ничего не сказал и ни в какой информации ему не отказали. О входах в туннели, ведущие на поверхность, он не спрашивал. Это придется додумывать самому.

После пятнадцати минут приятной поездки — пыли нет, других автомобилей на дороге почти нет, никто не гудит и не сигналист — Орм повернул на дорогу, выводящую на магистраль, проложенную по периметру пещеры. Здесь пришлось замедлиться до десяти миль в час, поскольку дорога проходила через небольшой го-

родок. В нем самым большим зданием был купол футов двадцать в высоту и диаметром в три сотни футов. Это была верхняя часть подземной станции, принимающей привезенное фермерами зерно.

Орм еще сбросил скорость, проезжая мимо группы детей, играющих во что-то вроде пятнашек. Они остановились, уставившись на черного человека. Он им улыбнулся, и многие ответили улыбкой. Тут к нему подбежала женщина с большой кожаной сумкой и попросила остановиться. Он послушался, интересуясь, что ей надо.

— Вы едете в Йишуб? — спросила она.

— Не знаю. А где это?

— В шести милях дальше по этой дороге. У меня там дело, а все машины разобрали. Я бы пешком пошла, но тогда опоздаю.

— Я в ту сторону. Садитесь.

Она забросила сумку на заднее сиденье и села рядом с ним.

— Меня зовут Гультхило Рибкхках бат-Йишаг. А вас я знаю. Вы Ричард Орм, землянин.

Она была миловидной, на несколько дюймов выше Орма, с большой грудью, тонкими лодыжками, имела вьющиеся соломенные волосы и темно-синие глаза. Орм не удивился ее готскому имени, означающему «золотая малышка», поскольку некоторые из привезенных сюда землян были подобраны в Северной Европе.

Отсюда и пошли такие имена, как Фаухо, Раута, Свиглия и Хаурния.

И то, что она блондинка, не было удивительно. Большинство людей-марсиан принадлежало к смуглокожему средиземноморскому типу, но встречались и голубоглазые, и зеленоглазые, светловолосые и рыжие. Это, правда, не было естественным. Может быть, предки этих людей и были блондинами, но их гены стерлись за двадцать поколений инбридинга. Но иногда родителям хотелось, чтобы у их детей была кожа посветлее — просто для разнообразия, и биоинженеры добивались этого коррекцией генов. И Гультхило была похожа на свою тезку — древнего предка.

Орм тронул машину и спросил:

— А чем вы занимаетесь?

— Я учу игре на флейте на фермах и немножко — в городе. Обычно, когда мне недостается автомобиля, я еду на велосипеде. Сегодня мой сломался, а каждому был нужен свой, и я не смогла одолжить ни у кого. И тут вы, к счастью, подвернулись. Так что мне повезло, а то бы я вряд ли имела случай с кем-нибудь из вас поговорить.

История звучала вполне правдоподобно, если не считать странным, что не нашлось свободного велосипеда. Может быть, из-за чего-то необычного велосипеда вдруг понадобились всем. А может быть, ее сюда подослали нарочно. Вла-

сти могли рассчитывать, что он не будет держаться настороже, если встреча случайная.

«Нет, я не параноик, — сказал себе Орм. — Мои подозрения имеют реальную основу. Впрочем, может быть, я к ней несправедлив».

— А куда вы направляетесь? — спросила она с тем неприкрытым любопытством, которое было свойственно этому народу. Они, как дети, не боялись незнакомых, даже с другой планеты.

— Я просто езжу вокруг, любуюсь пейзажами и ищу впечатлений. Надоел мне университет, и хочется отдохнуть.

— Вы женаты?

Он уже привык к непосредственности марсиан, но все же дернулся.

— Был, но жена со мной развелась.

— Нам вчера показывали программу о вас — землянах. Вы ее видели? Нет? Да, там комментатор говорил, что у вас много разводов. Можно получить развод по любой причине и даже без причины. Нам это странно. Здесь, у нас, основание для развода — это неверие, прелюбодеяние, жестокое обращение или высочайшая степень несовместимости. Раньше еще было бесплодие, но сейчас бесплодных просто нет. А в Мессию, конечно, верит каждый. Однако бывают изредка люди зла, что втайне ему противостоят.

... Значит, и здесь есть диссиденты.

— Когда моя жена за меня выходила, она знала, что я хочу стать астронавтом — то есть космическим путешественником. Но когда я чуть не попал в катастрофу, она стала настоятельно требовать, чтобы я нашел работу поспокойнее. И мы расстались.

— Вы помолвлены?

Он улыбнулся, потом перевел разговор:

— А вы — замужем или сговорены?

— Нет. Моему мужу, когда я за него выходила, было двести сорок лет. И он умер вскоре после того, как наш младший сын поступил в университет — два года тому назад. Есть десяток претендентов на мою руку, но я еще не решила. И к тому же мне нравится свобода от брачных обязательств. Можно сказать, что я в отпуске.

Орм попытался себе представить, каково это — знать, что твоему отцу в момент твоего рождения было двести сорок лет. Что ж, если ты марсианин, тебе это было бы все равно.

Эта женщина его увлекла. Сквозь платье, хоть и закрытое и длиной до щиколоток, но все же очень тонкое, просвечивала соблазнительная фигура и длинные ноги. Чувственное лицо: полные губы, чуть изогнутый, но точеный нос, густые темные брови, гладкая кожа. И яркий свет синих глаз. Орм вздохнул. Ему она не достанется, даже на время.

Когда они остановились у фермы, он спросил:

— Два года — долгий срок без мужчины, вы не считаете?

Под его взглядом она вспыхнула.

«Ну-ну! Я слишком далеко зашел», — подумал Орм. И все же она покраснела! Он со времен своего детства не видел, чтобы женщины краснели.

— А как давно вы без женщины? Шесть месяцев? Это не слишком долго?

— Это кажется вечностью, — ответил он со смехом.

Она минуту помолчала. И потом сказала:

— Заезжайте под то дерево.

Он взглянул на нее, но ничего не сказал. Остановив машину, он заметил, что дерево и поле шешунита — растения, напоминавшего подсолнечник, — закрывает их ото всех, кроме прохожих на дороге. А их не было.

Она придвинулась к нему поближе, коснувшись бедром.

— Не пойми меня неправильно, — улыбнулась она. — Но мне вот чего хочется.

Ее руки обвились его шее, и губы прижались к его губам. Язык скользнул внутрь и коснулся его языка.

Этого не может быть, мелькнула мысль. Но это было.

Она прижималась к нему грудью, но, когда он попытался расстегнуть ее платье, отодвинулась. Оба тяжело дышали.

— Я просто хотела узнать, каково целовать землянина.

Она протянула руку и провела по его волосам.

— И еще мне это было интересно. Они такие странные на ощупь. Но приятные.

— Может быть, это принесет тебе удачу. Когда-то давно люди чесали черную шерсть. На счастье.

— Это странно.

— Ну вот, ты поцеловала землянина. И каково это?

— Очень захватывает. Даже слишком. Но я никого, кроме своих родственников, не целовала уже два года. И стала очень страстной. Мне даже замечания делали, что я слишком смелая. Но это не потому, что я плохая. Я просто не могу с собой справиться.

— Я тоже раньше не целовал марсианку, — сказал он. И после недолгого молчания добавил: — Мы можем пойти в поле.

Она снова вспыхнула, но тут же улыбнулась.

— Если бы мы это сделали, нам бы пришлось пожениться.

— Я никому не скажу.

— Но я-то знала бы! И вообще, я в тебя не влюблена. Ты прости, я не должна была этого делать. Но я...

— Не извиняйся. Все было прекрасно. Только больше не дразни так мужчин. Тебя могут изнасиловать.

— Это может сделать лишь носитель зла. И его пошлют в Ше'ол.

— А это где?

Ее передернуло.

— Не хочу об этом говорить. Пожалуйста, поедem дальше.

— Как прикажешь.

Минуту они ехали молча, потом Орм сказал:

— Здесь самое моральное общество во всей Солнечной системе — или самое жесткое. Однако человеческая натура в основе своей всюду одна. Многие из ваших невест приходят на церемонию бракосочетания беременными?

Она засмеялась:

— По официальным оценкам — около четверти. Но женщине это не в вину и не в стыд. И виновник никогда не откажется. Не посмеет.

— Это, я думаю, порождает много несчастных браков.

— Да нет, почему бы?

Орм посчитал, что на это отвечать не надо. Надо было больше узнать этих людей, чтобы спорить на такие темы. Земные условия не

всегда, и даже не часто, бывали похожи на местные.

Она показала на солнце:

— Ему бы это не понравилось.

— Ах ему! Но как страх перед ним может сделать людей счастливыми?

— Мы любим его, — ответила она. — Мы бы его обожали, если бы он это дозволил. Но он все время нам напоминает, что не он — Единый Всеблагий.

Орм решил сменить тему. Весь этот разговор, пусть даже информативный, не имел отношения к его цели. Раз уж она так откровенна, почему бы ему не попробовать напрямую? Может быть, сработает фактор неожиданности.

— А кстати, где вход в туннели, ведущие к космическому кораблю?

— Вон там, — она показала мимо Орма на синюю стену пещеры.

Он посмотрел туда, но не увидел ничего примечательного.

— Если выехать на параллельную дорогу в пяти милях отсюда и взять направление прямо к стене, то выедешь на серпантин вдоль стены. Он выведет на скальный уступ, где стоит домик в синюю и красную полоску. Вход за ним.

Как просто все оказалось. Не слишком ли просто?

— Это охранный пост?

— Да нет, зачем там охрана?

Она его провоцирует? Или действительно думает, что землянин мечтает о побеге не больше, чем жирный вол на цветущем лугу? И власти так же думают?

— Если заблудишься, можно спросить дорогу в деревне Гамалиила. Вот здесь притормози, будь добр. Тут ферма Ванга бен-Хебхела. Я учу его сына и дочь.

Орм свернул на подковообразную цементную аллею и остановился перед домом. Как большинство жилых домов, он был построен из дерева в форме семиугольника — в этой культуре число «семь» было важным символом. Высотой дом был в полтора этажа, и дерево (крешийского происхождения), из которого он был построен, было очень легким и очень твердым. В вертикальных стенах повсюду были прорублены окна. Крыша в форме пагоды оказалась окрашена в красный цвет, и весь дом окружала светло-голубая веранда. У крыши были неестественно широкие карнизы — по иудейской традиции: если человек падал с крыши, кровь не должна была коснуться дома.

Большой зверь, похожий на черного волка, но чьи предки явно были с крешийскими корнями, поднялся с пола веранды и громко защебетал. Тут же выбежали двое подростков, десяти и тринадцати лет. Через несколько секунд показалась изящная темноволосая женщина — красавица.

При виде Орма все трое удивились. Когда Гультхило его представила — будто они не знали, кто он такой — они широко заулыбались, и было видно, что по-настоящему рады. Гультхило поблагодарила его, что подвез, в то же самое время послав ему загадочный взгляд. Ему, очевидно, дали понять, что он может считать себя свободным. Но он не успел еще повернуться к автомобилю, как она сказала: «Подожди-ка минутку», — и затараторила по-крещийски с вышедшей женщиной, Эсфирью.

Потом снова повернулась к нему:

— Ты голоден?

— Я пропустил ленч, но...

— Тебя приглашают поесть с нами. Согласись.

— С вами?

— Да. Эсфирь говорит, что по телевизору передавали: Совет решил, что земляне могут есть за нашим столом. Ваша провизия кончилась, и нечистой еды вы есть теперь не будете, потому спокойно можно сажать вас с нами за стол. Это, правда, относится к обычной еде. Праздничные и священные трапезы исключаются. И вы должны соблюдать правила.

— Что ж, приятно не быть парией, — ответил Орм.

Сказав «спасибо», он последовал за ней в широкую дверь, по обеим сторонам которой висели мезузы — маленькие коробочки со священ-

ными письменами. Единственным жилым помещением без мезуз на Марсе было то, где жили люди с Земли.

Первая комната была высокой и просторной. Стенные панели были окрашены в чередующиеся белые и бледно-голубые полосы. Обоев не было. С потолка высотой в полтора этажа свисали три больших люстры из резного кварца, и в каждой было шесть больших электрических ламп. Единственными настенными украшениями были два больших плоских телеэкрана и гигантское копье, закрепленное скобами. Хотя бы одно такое оружие было в каждом доме. По древнему крешийскому обычаю отец вручал сыну такое копье в день его свадьбы. Люди переняли этот обычай во времена, когда строили только шестую пещеру.

На полу из полированного черного дерева там и сям лежали яркие узорчатые половики. Мебель состояла из очень большого стола в середине комнаты, пяти диванов, нескольких небольших столиков, конторки и большого письменного стола. У него на каждом углу высилась круглая башенка с резными шестиконечными звездами.

Из комнаты открывался выход прямо в квадратный центральный двор. В этот двор выходила каждая комната, и там было необыкновенно уютно: пол выложен из блоков полированного гранита, в центре — большой семигранный

бассейн, и посередине его фонтан высотой в двенадцать футов. В полу были сделаны выемки, и в них росли двадцатифутовой высоты деревья с раскидистыми ветвями. Похожие на канареек золотистые и алые птицы пели и щебетали в ветвях или клевали пурпурные плоды грушевидной формы размером с яблоко.

В углу кошка львиной расцветки, размером с земную кошку, смотрела, как играют трое ее котят. Большими зелеными глазами, огромными ушами и расцветкой морды она напоминала рысь.

Эсфирь провела их по краю двора к противоположному его концу. Там они вошли в коридор, и Орму показали большую туалетную комнату. Закрыв дверь, он облегчился и сполоснул лицо и руки. Сама ванна могла с удобством вместить троих и была вырезана из цельного куска блестящего черного базальта.

Орм присоединился к остальным, которые тоже успели умыться, и его провели в огромную кухню с таким очагом, что на нем можно было бы зажарить теленка. Однако у очага был не такой вид, будто им часто пользуются. Вдоль одной стены шли полки с ножами, пилами, тесаками и столовой утварью, на другой висели блюда, кастрюли и котлы. Около раковины стояла большая разделочная колода. В другом углу была длинная электрическая плита, а над ней висела микроволновая печь. Была еще и

посудомойка, два огромных холодильника, а в середине помещения — стол, за которым могло поместиться человек двадцать. Но сейчас он был накрыт на шестерых.

Эсфирь захлопотала, ставя на стол блюда с едой и миски с фруктами. Девочка стала ей помогать, а мальчик стоял, уставившись на Орма, пока мать не послала его за чем-то в погреб. Через минуту он вернулся оттуда с двумя большими винными бутылками. И тогда в кухню вошел глава усадьбы, Ванг Эльканах бен-Хебхел. Гультхило представила Орма. Мужчины поклонились друг другу, причем фермер даже не пытался скрыть любопытства к своему гостю — черному землянину. На Земле его взгляд был бы оскорбителен, но здесь это было лишь проявление хороших манер.

Бен-Хебхел как раз только что вернулся с поля, где осматривал посевы ячменя. Ему еще предстояло быстро умыться и сменить рабочий хитон на белый и чистый. Шляпа его, похожая на ковбойское сомбреро, тоже была белой. На плечо оказалось наброшено молитвенное покрывало — таллиф. Мальчик выбежал из комнаты и принес молитвенные покрывала для всех остальных, включая Орма.

Гультхило объяснила ему:

— Вы не нашей веры — по крайней мере сейчас, — но Совет решил, что вы можете молиться с нами — если пожелаете. Лишь женщина,

Дантон, не может разделить наши молитвы, пока остается атеисткой.

— Я буду счастлив молиться с вами, — ответил Орм.

Однако здесь благословение и благодарение произносились после еды.

Обед начался с восхитительного овощного супа, вкусно пахнущего черного хлеба, салата и сыра. На Марсе ленч был легкой едой. Мяса на столе не было, и потому не было проблем с отделением его от молочных продуктов.

Орму пришлось отвечать на множество вопросов, особенно от детей. С помощью Гультахило он постарался ответить на все.

Один раз Орм процитировал Новый Завет:

— «Не человек для субботы, а суббота для человека».

— Так ты знаешь слова Мессии? — удивился Ванг. — Значит, ты читал Завет Матфия?

Орм объяснил, что на Земле остались свидетельства других учеников Иешуа. Они были собраны в книгу, которая стала продолжением того, что земляне называют Ветхим Заветом — священной книги древних иудеев и современных тоже, а также одной из священных книг христиан.

— Да, мы про это слышали, — сказала Гультахило. — Через две недели начнется первая из серий программ, которые расскажут нам об ис-

тории последователей Мессии с момента, когда пророк Матфий покинул Землю.

Для этих программ основным источником информации послужил Бронски, хотя и Орм по мере сил помогал. Но он был этим скорее раздосадован, нежели доволен, поскольку выяснилось его невежество в вопросах его собственной религии. Ученый иудей знал о ней куда больше его самого.

— Вернемся к Завету Матфия, — сказал Ванг. — Ты так и не сказал, читал ты его или нет.

— Я прочел его примерно на четверть, — ответил Орм. — Мне это нелегко, поскольку я пока недостаточно владею крешийским. С другой стороны, книга написана простым языком. Оригинал же, написанный по-гречески, я читать не могу.

— А эти авторы Нового Завета, как ты его назвал, с Матфием согласны?

Орм улыбнулся:

— Во многом — да. Но во многом другом — нет. Он не говорит ничего, например, о девственном рождении, о Святой Троице, о генеалогии Иисуса — о многом.

Бронски, прочитавший Матфия уже четыре раза, говорил Орму, что книги Нового Завета были написаны намного позже, чем был распят Иисус. И многие, особенно Евангелия от Марка,

от Матфея, от Луки и от Иоанна, носят явные следы позднейших исправлений.

Орм попытался спорить, но Бронски, обладавший куда более глубокими знаниями о Библии, стал читать ему главы и стихи из Книги со многими комментариями.

— Марк, Матфей, Лука и Иоанн никогда не слышали о девственном рождении. Павел о нем не говорит, а можно поставить сто против одного: если бы он об этом слышал, он не оставил бы этого без пространного комментария. Ссылки в первых четырех Евангелиях, очевидно, являются позднейшими интерполяциями, подделкой святош. И еще из первых четырех Евангелий видно, что Иисус был евреем и считал себя Мессией для евреев, спасителем для них, и только для них.

Распространение веры среди гоев было в основном работой Павла и Варнавы. Большинство евреев отвергло Иисуса как Мессию, и пришлось несколько приспособить закон Моисеев для язычников. Например, отставить обрезание и диетические запреты. К тому же среди язычников была распространена вера в девственное рождение — в их мифах и легендах такие случаи насчитывались сотнями.

— А почему я об этом не слышал? — спросил Орм.

— Потому что ты, как и большинство христиан, не дал себе труда прочитать, что об этом

написано. Вообще-то многие читали, но отрицают находки ученых. Игнорируют и верят слепо. А если воспринимают, то рационализируют, и получается этакое научно-либеральное разбавленное водой христианство. Фундаменталисты же верят в написанное в Библии в буквальном смысле. То есть верят в Адама и Еву, в сад Эдемский и змия, соблазнившего Еву вкусить от древа познания добра и зла, и в проклятие, от которого змей потерял ноги и должен ползать на брюхе во веки веков. Вот так-то!

Орм злился и в конце концов прекратил спорить с Бронски.

Нельзя было отрицать, что Матфий нечего не знал о воскресении Иисуса, хотя слухи о нем до него доходили. Он сам, тринадцатый апостол, близко знал всех, кто был тесно связан с Иисусом, и никто из них не утверждал, что видел восставшего из гроба Иисуса.

— И потому, — говорил Бронски, — упоминание об этом в четырех Евангелиях — поздняя вставка. Марк, Матфей, Лука и Иоанн приводят противоречивые версии, и апологеты христианства написали уйму томов, стараясь объяснить эти несовпадения. Но ничего убедительного не выходит. Блестящие примеры умения человеческого разума находить разумные объяснения — но и только.

И единственное, что можно из всего этого вывести, — что Иисус теперь не более чем

плесневеющие кости в забытой могиле или просто прах. Но тут появляется неопровержимое доказательство, что Иисус вдруг появился на Марсе вскоре после начала строительства пещер. На крешийском корабле, когда тот улетал с Земли, его не было, разве что его не обнаружили, и тут — престо! Вот он! И Матфий, знавший его, узнает его. И тогда Иисус говорит, что умер на кресте и похоронен в могиле. Но — и здесь несовпадение с Евангелиями — кое-кто из его учеников взял тело и перезахоронил. Ты помнишь, в этом обвиняли их противники.

Как бы там ни было, этот Иисус говорит, что дух его был взят на небо и послан Богом обратно в материальный мир, но не на Землю. Бог сказал Иисусу, что он ошибся — Иисус ошибся, конечно, а не Бог — насчет природы и срока Последних Дней. И Бог послал его в новом теле, точно таком же, как старое, на Марс — править Его народом и готовить народ к его роли в установлении Сиона на Земле. И что ты об этом думаешь?

Ошеломленный Орм только и мог ответить, что пока ему нечего сказать. Кроме того, что для него все это мерзко, как тухлая рыба.

— Рыба — символ древних христиан, — ответил на это Бронски. Орм не стал спрашивать, что тот имеет в виду.

Тем временем он старался читать Завет Матфия с той скоростью, с какой только позволяло

знание языка. Пока что он дошел лишь до того места, где Матфий и бывшие с ним заболели чумой в Ливии и молят Вездесущего удалить их от зла, как сделал он с Избранным Народом во времена Моисея.

Дальше за едой слышались только шутки Ванга. Он был прекрасным рассказчиком, и Орм мог бы провести целый день, рассказывая истории с ним наперебой. Но среди историй Ванга не было ни одной «грязной» — это было запрещено.

Наконец Ванг сказал, что ему пора вернуться к работе, а Гультхило должна была начинать занятия. Орм поблагодарил за еду и вышел к машине, а вся семья собралась на крыльце — прощаться и приглашать его приезжать еще.

Он только собирался отъехать, как светловолосая Гультхило сбежала по ступенькам, нагнулась к сиденью и взяла его за руку.

— Может быть, мы и в самом деле больше не увидимся, — сказала она. — Но я хотела бы, чтобы это случилось. Если проедешь еще когда этой дорогой, спроси меня в деревне Нод. Или можешь вызвать меня по телевизору.

— Мне бы тоже очень хотелось. Но не знаю. Властям это может не понравиться. И что скажет твоя семья, если я буду за тобой ухаживать?

Она отняла руку, оставив на его запястье ощущение тепла.

— Это тебе решать. Я и без того вела себя слишком смело.

Он отъехал, не оглянувшись. Это было приятное приключение, заставившее его забыть, пусть ненадолго, о чувстве одиночества. Всюду, кроме разве общества Филемона и его друзей-спортсменов, Орм чувствовал себя воистину чужаком. Как это там? «Чужак в чужой стране»*.

Гостеприимство и неподдельное дружелюбие всей семьи, а еще — влечение, которое явно питала к нему Гультхило, как-то согрело его и умерило тревогу. Но это, напомнил он себе, иллюзия. Опасно будет увидеться снова с этой блондинкой, и бен-Хебхелы выказали гостю ровно столько гостеприимства, сколько, наверное, требовал Закон.

Нет, неправда. Оказанный ему прием не был формальной вежливостью, простым соблюдением хороших манер. Он в самом деле был им интересен. Пусть, возможно, потому, что он оказался диковинкой, о которой можно потом поговорить с друзьями.

И не было ничего, что свидетельствовало бы о фальши. Так не будь параноиком, сказал он

---

* Название романа Р. Хайнлайна.

себе, и принимай этих людей такими, какими они кажутся, пока и если не появятся доказательства, что это не так.

Ванг дал ему с собой бутылку вина. Время от времени Орм к ней прикладывался и, когда добрался до стены, был уже слегка пьян. Он понимал, что глупо было доводить себя до такого состояния. У входа в туннель ему понадобится вся его быстрота реакции, вся острота восприятия. И пил он, как он сам сообразил, потому, что не верил на самом деле, будто эта нелепая попытка может увенчаться успехом. Слишком они... — слишком противник казался равнодушным. Им было все равно, что он взял автомобиль и теперь делает то, что хотел сделать, и нашел в конце концов выход. Они знают, где он, и остановят его, как только — и если — захотят.

Допив бутылку, он вместо дерзости и веселья впал в мрачность. Каким дураком надо быть, чтобы думать, будто можно вот так нагло подъехать к выходу и уйти. Разумные люди — а марсиане куда как разумны, несмотря на свои странные религиозные предубеждения, — ни за что не оставят выход на поверхность без охраны.

А может быть, они так поступили потому, что, выйдя на поверхность, он найдет неисправный модуль. Или не найдет вообще.

И все же Орм ехал дальше по извивающейся дороге к куполу, который был виден еще снизу. А какого черта? Может и получится.

Перед ним была дверь — точнее, две металлических двери, утопленные в стену пещеры. Справа стояла полусфера, сияющая в слабом свете позднего дня. Вокруг никого не было. Они были так уверены, что даже охрану не выставляли.

Орм остановил машину и нажал кнопку «выкл». Минуту он просидел молча, прислушиваясь, внимательно оглядывая двери, купол, все перед собой. Обернулся и посмотрел назад. На дороге за ним никого не было. Единственной видимой машиной был запряженный лошадьми фургон в полумиле отсюда, нагруженный чем-то клочковатым вроде сена. Фермер, наверное, везет куда-то груз.

Очень тихо было вокруг. По лицу скользил легкий бриз — обычное дуновение кондиционированного воздуха в этой огромной полости. Искрились солнечные лучи, отражались от белых домов и складских куполов, от кирпичей и ручейков, вспыхнуло где-то зеркало. С опушки густого леса около стены неспешно вышел рыжий олень, огляделся и скрылся снова.

Тихая пастораль. Она же адская машина, которая тикает, грозя взорваться на Земле. Может быть. Что там планируют марсиане?

Орм вышел из машины и прошел к куполу. Широкие окна были открыты, двери распахнуты. Изнутри не доносилось ни звука. Но, заглянув внутрь, Орм увидел крешийца — тот сидел за столом и писал пером на бумаге.

Крешиец поднял глаза, будто услыхав Орма, хотя тот приблизился беззвучно.

— Заходи, Ричард! — сказал Хфатон. — Я тебя ждал.

ГЛАВА 10

Орм вошел, пульс его стучал как сумасшедший. Взял стул, на который показал Хфатон, и сел. Крешиец откинулся в кресле и улыбнулся ему через стол. Вид у него был довольный.

— Двери туннеля можно открыть. Ты бы в конце концов догадался, как это сделать. Но что потом? Включился бы сигнал тревоги в доме правительства и в системе туннелей. Там всегда есть люди. А если бы даже их и не было, ты не откроешь более одной двери без генератора звукового кода и без помощи двух людей у мониторов в доме правительства.

Орм пожал плечами:

— Я должен был попытаться.

— Конечно. Весьма похвально. Попытаться — это был твой долг. Но я удивлен и даже разочарован, что у твоих товарищей не оказалось твоей смелости и решительности.

— Они считают, что побег невозможен. И я их не стал привлекать. К тому же они так захвачены своим обучением, что вряд ли в самом деле хотят уйти. Пусть даже их долг — вернуться на Землю, если это возможно.

— Но есть и такая точка зрения, — сказал Хфатон, — что долг перед нацией должен отойти на задний план, если он требует предпочтения злу перед добром. Есть нечто высшее, чем нации или целый мир. Тебе бы следовало об этом подумать. Тогда бы ты понял, что Сынов Света следует предпочесть Сынам Тьмы. И ты бы отдал им свою преданность. Так бы ты поступил, если бы увидел, что большинство жителей Земли — Сыны Тьмы. И тогда...

— А почему я должен так считать? — вспыхнул Орм.

— Это ведь очевидно, — спокойно ответил Хфатон. — Ты и твои товарищи много рассказали нам о жизни на Земле. И там царят несправедливость, несчастье, нищета, убийство, все виды преступлений, а превыше всего — ненависть и злоба. В ваших руках силы, которые могли бы сделать Землю раем, насколько это возможно, но вы обратили эти средства во зло.

Он помолчал, и сказал еще:

— Я, естественно, полагаю, что вы говорили правду. Вряд ли вы нарочно нарисовали бы такую мрачную картину. А теперь ответь мне

честно: не выше ли это общество всего, что ты видел на Земле?

— Это так. Признаю, что все, мною до сих пор виденное, намного лучше земного. Но здешнее общество невелико, и вы избавлены от многих факторов, имеющихсся на Земле. Ваше общество однородно. У вас нет множества рас, наций, языков, различия идеологий и религий. Нет у вас и традиций, висящих гирями на ногах, нет враждебности классов, рас и политических систем. Они стерлись, когда вы создали свою единую политико-религиозно-экономическую сущность. Вы взяли лишь одну традицию и развили ее без вмешательства прочих. Это вы сделали много лет назад, и у вас уже была развитая наука, позволившая дать вашему народу блага, которых мы, земляне, тогда были лишены.

— Верно, — отозвался Хфатон. — Итак... мы могли бы дать вам те блага, которых у вас сейчас нет. Но, полученные в дар, они будут неизбежно обращены во зло.

— Я бы воды выпил, — сказал Орм.

Хфатон поднялся со словами:

— Позволь мне тебе налить. Ты здесь у меня в гостях — хотя я тебя и не приглашал.

Он вышел в соседнюю комнату и вернулся с высоким стаканом.

— Вот, выпей. Это тебе гораздо полезнее вина, которое ты сегодня столь неумеренно пил.

— Что ж, — ответил Орм, отпив воды, — ну, нагрузился я. Находясь под таким давлением, трудно не отпраздновать миг свободы.

— У тебя не было ни единого мига свободы, если ты имеешь в виду свободу от наблюдения. И ни единого шанса сбежать. Как не был ты никогда свободен ни в каком смысле. Подлинно свободен лишь тот, кто избавил себя от зла в себе. И наполовину свободен тот, кто ведет за это битву.

— Избавь меня от банальностей.

— Да, ты прав. Убеждают не слова, а примеры. По плодам дерева узнают его. Поехали теперь обратно. Я поведу.

Орм пошел за ним, ломая голову, как крещи-ец сюда добрался. Других автомобилей не было видно. Либо его сюда привезли, либо здесь есть подземная система для доставки не только грузов, но и людей.

Когда автомобиль выехал на дорогу, Орм спросил:

— Я так понимаю, что вы все видели?

— Нет, — ответил Хфатон, скосив на него глаза и улыбнувшись. — В доме мы тебя видеть не могли. И когда ты остановился под деревом с этой женщиной, Гультхило бат-Йишаг, тоже. Кстати, а что вы там делали?

— Это никого не касается, — ответил Орм.

— Несомненно, если вы вели себя правильно.

— Ничего плохого мы не делали, — огрызнулся Орм.

— С твоей точки зрения — может быть. Но это дело тривиальное, и оставим его — пока что. Вот что я хотел сказать: ты и твои спутники беспокоитесь, что вам не дают связи с Землей.

— Беспокоимся? Да просто бесимся!

— Это можно понять. Но видишь ли, мы не хотели, чтобы вы посылали доклад, пока он не будет полным. Чтобы описать нас правильно, вы должны нас тщательно изучить, понять до сердцевины. А это требует времени. Доведись вам рассказывать о нас сейчас, это была бы полуправда, неверные впечатления. Мы хотим, чтобы на Земле точно поняли, кто мы и что мы.

Вообще-то на данной стадии любые сообщения, которые вы могли бы послать на Землю, были бы встречены с недоверием. Однако через двенадцать дней, когда вы свяжетесь с Землей, вы сможете подтвердить, что все это правда. И подтвердить не только словами.

— Что именно — «все это»? — медленно произнес Орм.

— То, что вы увидите через семь дней. Вы убедитесь без всяких сомнений. И надеюсь, не останется сомнений и у вашего народа на Земле. Им, правда, может понадобится больше... Ладно, сейчас не будем об этом думать.

Выражение лица Хфатона было близко к экстазу. И вскоре он начал напевать мотивчик, ко-

торый Орм несколько раз слышал на улице и однажды — от Филемона.

— Рад, что ты доволен, — буркнул Орм, — а я лишь сбит с толку и заинтригован.

— Это скоро изменится, — ответил Хфатон и засмеялся.

— Надеюсь, что к лучшему, — угрюмо ответил Орм.

— От этого зависит твоя жизнь.

Орм не стал уточнять, что Хфатон имел в виду. Вся эта игра в вопросы, которую так любили марсиане, ему надоела.

Незадолго до въезда в центральную секцию хронометр на руке Хфатона зажужжал. Хфатон ответил в микрофон и прижал хронометр к уху. Послушав, поморщился, коротко ответил и повернулся к Орму:

— У Мадлен Дантон только что обнаружен рак печени.

Оглушенный Орм не знал, что сказать.

— Это выявилось на обследовании, которое проводится уже второй день, — пояснил крешиец.

— Но ее же обследовали перед отлетом и признали полностью здоровой! И можешь мне поверить, обследовали придирчиво!

Хфатон пожал плечами:

— Возможно, опухоль была слишком мала, и ваши средства таких не обнаруживают. Или процесс начался позже. Как бы там ни было, а

сейчас она в центральном госпитале. Ее сразу туда отвезли, как только врачи обнаружили рак.

— Бедная Мадлен, — вздохнул Орм. — Кто мог думать, что на Марсе мы найдем рак?

— Да тут нечего волноваться, — успокоил его крещиец. — Сейчас от этого никто не умирает.

По настоянию Орма Хфатон отвез его в госпиталь — небольшое одноэтажное здание возле главного административного корпуса. Однако его малые размеры были только видимостью — оно уходило вниз на десять этажей. Дантон была на шестом. Проходя мимо персонала и пациентов, Орм не заметил в их поведении ощущения, будто они похоронены. В каждом окне виднелся красивый сельский пейзаж: деревья, птицы, пасущиеся в лугах олени, играющие вдали дети. Пейзажи казались реальными.

В холле его ждали Ширази и Бронски. При его появлении они встали, но их физиономии трудно было назвать траурными. Ширази даже улыбался.

— Как там Мадлен? — спросил Орм.

— Нормально, — ответил Надир. — Ее через несколько минут выпустят. Лечение было коротким, но утомительным, и она сейчас отдыхает.

— Ты хочешь сказать, что оно уже закончилось? И диагноз поставили, и вылечили? Это как?

— Трудно поверить, — согласился Надир. — Но доктора говорят, что она полностью выздоровела и даже что рецидива не может быть.

— Мне рассказали про нее в университете, — сказал Бронски. — Они считали, что я должен знать, но с тем же успехом могли сказать мне и потом.

— Ты был недоволен, что тебя от работы оторвали? — спросил Орм.

— Да нет. Они, наверное, собрали нас тут, чтобы произвести на нас впечатление. И дать еще материал для нашего сообщения на Землю.

— Погоди-ка, — сказал Орм. — Тебе что, тоже сказали? О том, что мы через двенадцать дней будем иметь связь с Землей?

— Ага. Тррвангон — моя наставница — сообщила мне это как раз перед тем, как пришло известие о Мадлен.

— Совет решил, — вмешался Хфатон, — что вам будет легче, если вы будете знать, что осталось уже недолго. К тому же вы можете начать готовить ваш доклад прямо сейчас. То есть первую его часть. Вторую часть вы начнете составлять через восемь дней. Обе части будут передаваться вместе.

— Отлично, — сказал Орм. — По крайней мере, по-моему. Потому что, если честно, мне кажется, вы готовите что-то, что может нам не понравиться.

Хфатон только улыбнулся.

— С вашего позволения, — начал Надир Ширази, — это негуманно — простите мне такое выражение — не давать Земле этого чудотворного лечения. Если бы сообщить о нем немедленно, это означало бы спасение миллионов жизней и облегчение бесчисленным страдальцам.

— Сомневаюсь, — сказал Хфатон. — Судя по вашим рассказам, вашим ученым понадобится несколько лет, чтобы правительства разрешили использование наших средств. Сначала должны быть изучены данные. Потом проведены испытания на животных. Законодатели должны изучить вопрос и решить, можно ли применять эти лекарства. В конце концов из-за требований народа это произойдет, но весь процесс потребует от четырех до шести лет. Я прав?

— Боюсь, что да, — ответил Орм.

— К тому же когда — хотя я должен был бы сказать «если» — мы дадим вам формулу и данные за две тысячи лет, и данные покажут, что излечение происходит в ста процентах случаев, ваши правительства все равно потребуют проведения собственных исследований, так?

— Так.

— Зачем же тогда спешить?

— Мы просто подумали о тех, кого можно спасти, — возразил Ширази.

— Не говоря уже о продлении жизни, — добавил Орм. — Чем дольше будет оно добирать-

ся до Земли, тем больше людей умрет от старости и болезней.

— Верно, но тут ничего нельзя сделать. И если мы дадим вам формулу лекарства от старения, это будет сделано на очень жестких условиях. Социалистические страны будут лечить всех на казенный счет. Таких вещей, как продажа лекарств ради прибыли и доступность их лишь для тех, кто имеет деньги, не будет. То же самое будут делать коммунистические страны. Им будет запрещено отказывать в лечении политическим заключенным.

Более того, для гарантии того, что так и будет, мы создадим административные единицы в каждой стране. Они будут организованы таким образом, что правительства этих стран никоим образом не смогут вмешиваться в их работу.

Орм переглянулся с Бронски и Ширази. Каждый знал, что подумали остальные. Возможно, хотя и не очень вероятно, что в их странах такое будет разрешено. Правительства будут упираться, но, когда люди узнают, что такое лечение есть, давление народных масс станет непреодолимым. И даже при этом правительства попытаются как-то взять все под свой контроль.

Что до коммунистических стран, тамошние правительства ни за что не позволят въехать такому количеству чужих, которое понадобится для контроля над распространением лечения. Они все будут подозреваться в шпионаже и в

распространении вместе с лечением враждебных идей.

Но выстоят ли они против требований своих граждан, когда те узнают, что им отказано в лечении и продлении жизни? Не вспыхнут ли бунты или даже революции?

Как бы там ни было, а возникнут страшные волнения. Никакая страна, вне зависимости от идеологии, не сможет остаться прежней.

Да, у марсиан в руках страшное оружие. В некотором смысле они могут разнести Землю на клочки без единого выстрела. Фактически они под видом великого блага принесут на Землю войну. Продление жизни — это одно оружие, лечение всех болезней — другое. И при этом Орм чувствовал, что это еще игрушки по сравнению с чем-то другим, чего марсиане еще не показали. Однако он подозревал, что вскоре все откроется.

Будучи христианином, он ожидал наступления обещанного дня с чем-то похожим на экстаз. Но при этом трясся от страха — страха, который был предвестием ужаса.

ГЛАВА 11

Хфатон сказал им, что они могут составить «программу» примерно на четыре часа. Им будет предоставлено право показывать и говорить все, что они хотят. Цензуры не будет, если не будет неправильного освещения фактов или прямой лжи. В этих случаях «хозяева», как называл Хфатон марсиан, проинформируют их, чтобы они могли сказать правду. Но вырезаться ничего не будет.

Дело оказалось не столь простым, как сперва казалось четверке землян. Сбалансировать передачу оказалось трудно, поскольку каждый хотел включить как можно больше сведений, близких к его специальности. Проспорив целый день, они неохотно согласились, что каждый укоротит свою часть программы.

— Самое важное сейчас — это сами марсиане, — сказал Орм. — Их история, включая историю крешийцев. Как им удалось выжить и

каково современное состояние их общества — именно это будет интересно нашим народам. Подробности об их успехах в науке можно дать позже — потому что сейчас у нас все равно мало информации по основным научным и техническим вопросам. И еще должно быть предисловие — краткий рассказ о том, что с нами случилось. Так сколько мы из всего этого сможем уложить в четыре часа? Придется все давать сжато и поверхностно, пусть даже там, дома, народ и будет слегка сбит с толку. Их так ошеломят первые десять минут, что следующие двести тридцать они вообще ничего соображать не будут.

— И еще, — включилась Мадлен Дантон, — мы пока не знаем, что из обсуждаемого нами сейчас останется в передаче. Мы ведь должны оставить время для того, что случится через шесть дней — что бы оно ни было.

Она выглядела поздоровевшей, хотя и не выспавшейся. Ее потрясло внезапное открытие у нее рака и столь же неожиданное и быстрое его излечение. Орм, правда, подозревал, что это не главная причина бессонницы. Ее глубоко взволновало предстоящее событие — пришествие Мессии. В то, что говорили о нем марсиане, поверить она не могла. Но по своему опыту жизни на Марсе она не могла поверить и в то, что марсиане лгут.

Странно, подумал Орм, что у него то же чувство тревоги. Атеистка Мадлен могла испыты-

вать неразбериху чувств, особенно учитывая ее набожное воспитание. Из темноты подсознания прорезались вбитые в детстве условные рефлексy. От религиозного воспитания никогда невозможно отделаться окончательно.

Но он — он был рожден и воспитан в семье фундаменталистов-баптистов. Для них каждое слово Библии было верно в буквальном смысле.

Орм попытался вспомнить, что же он знает из Библии об Иисусе. Иисус Христос рожден от непорочной девы и умер на кресте, взяв на себя грехи людей и дав им спасение, воскресение и бессмертие на небесах, если они поверят, что он — Сын Божий и сам Бог, и если они последуют золотому правилу, уверуют в определенные догмы и духовно «родятся вновь».

Во все это Орм верил, несмотря на рано возникшие сомнения, пока не кончил начальную школу. В старших классах он узнал об ошеломляющих свидетельствах в пользу эволюции, о миллиардах лет возраста Земли и еще о многом другом, что заставило его перестать быть фундаменталистом, но не отвратило от веры.

Он теперь не думал, что Ветхий Завет следует воспринимать буквально, но считал, что события Нового Завета происходили приблизительно так, как описаны. Родителей его новая позиция ужасала, и они страшились, что ему уготован ад, если не вернется он на праведный

путь. Он им сочувствовал, но продолжал держаться своего несколько более либерального христианства. Он больше не верил в ад огня, кипящей смолы и вечных мук, как не верил в буквальность Ветхого Завета. Да, он может попасть в ад, но ад духовный — это было бы страшное сознание, что он навеки отсечен от Бога.

Конечно, он делал и то, что считал неправильным. Выпивал при случае и еще до свадьбы ложился с девчонками. Правда, после свадьбы он был верен жене, хоть это бывало и нелегко. Развод дался ему тяжело. Разве не говорил Христос, что единственной причиной для развода может быть лишь нарушение верности? Но он жил в обществе, где развод был почти так же прост по форме, как брак. Как бы там ни было, развода он не желал, но сражаться против него в судах было бы бесполезно.

Итак, вот он — человек, который молится Богу и Сыну Его каждый вечер, а иногда и днем, который надеется однажды увидеть Сына лицом к лицу.

А если верить марсианам, то скоро он увидится лицом к лицу с Иисусом. Так откуда же такая гнетущая тяжесть, отчего так колотится сердце и сосет под ложечкой, почему так тянет бежать? Потому ли, что не может решить, истинный или ложный этот Иисус? Он не считал себя способным ответить на такой вопрос, хотя

Библия дает ключи для отделения правды от лжи.

Марсиане говорят, что Иисус пребывает с ними, хотя почти все время проводит в том шаре, что заменяет им солнце. Они говорят, что у них есть неопровержимые доказательства. Но дело в том, что, по словам Матфия, знавшего Иисуса в Палестине и на Марсе, тот был всего лишь человек, хотя и больше чем человек, потому что был Мессией.

Матфий был одним из «пуришим» — сепаратистов — то есть фарисеев. Иисус же проклял и фарисеев, и саддукеев — соперничавшую с ними партию. Но проклятие против фарисеев было направлено лишь на лицемеров среди них. В отличие от саддукеев, фарисеи верили в воскресение и в ангелов — во что верил и сам Иисус. Хотя у них был более жесткий подход, они тоже считали, что законы Моисея должны эволюционировать. Они не следовали этим законам, если те противоречили голосу совести.

Когда фарисеи упрекали Иисуса за нарушение субботы, или за трапезу с мытарями и грешниками, или за то, что он не омывал рук перед едой, он тогда отвечал: «Не человек для субботы, а суббота для человека».

С этим принципом фарисеи могли бы согласиться — по крайней мере в теории. Их ответ Иисусу в Новый Завет не попал, но Матфий

говорит, что тогда многие из вопрошавших пришли с ним к согласию по этому поводу.

Еще фарисеи весьма интересовались спасением. Спасением не только евреев, но всего человечества. Они верили, что в конце концов все язычники присоединятся к Закону и будет у них лишь один Бог, и закон будет Моисеев, а Богом будет Яхве. И впереди всех будет народ Израиля, как старейший и мудрейший брат. В отличие от других сект, фарисеи верили в активный прозелитизм и в обращение язычников в иудаизм.

Иисус, хотя и не был фарисеем, согласен был со многими их теоретическими и практическими правилами. Какое-то время он, как говорит Матфий, был иесеем, но община Кумрана показалась ему слишком строгой, недостаточно человеческой для тех, кто воистину возлюбил сынов Адама и Евы. И он оставил их.

Орм, который не мог читать книгу Матфия достаточно быстро, чтобы успеть до великого события, настоял, чтобы Бронски читал ему книгу вслух. Француз так и делал, хотя ему приходилось иногда останавливаться и объяснять трудные места.

Когда книга закончилась, Орм потряс головой, а потом сказал:

— Теперь я вообще ничего не понимаю. Матфий был учеником и апостолом. Он близко знал Иисуса, сопровождал его по всей Пале-

стине. Значит, его свидетельство должно быть свидетельством очевидца, и оно не было изменено впоследствии. Он ничего не говорит о девственном рождении. И не знает учения о том, что смерть Христа была искуплением грехов человечества и потому — путем спасения для людей. Он ничего не говорит о чудесах Христовых, о которых пишет Библия. Очевидно, он их не видел, хотя был с Иисусом почти все время. Он говорит, что рассказы о чудесах услышал лишь после смерти Иисуса. И отвергает их, считая неправдой.

Его рассказ о суде Пилата сильно отличается от евангельского изложения. Он говорит, что Пилат не умывал руки и не отказывался от ответственности...

— А это, — перебил Бронски, — реконструкция более поздних авторов, которые хотели возложить вину целиком на евреев. То есть на тех евреев, которые отказались признать в Иисусе Мессию и партеногенетического отпрыска Бога и Марии.

— Да, знаю. И никаких чудес, пока Иисус был на Земле. Но после вынужденной посадки на Марсе появляется Иисус, и Матфий его узнает. И тогда Иисус творит чудеса. Тогда.

— Это объясняет, — сказал Бронски, — почему крешийцы обратились в иудаизм.

— Они этого не сделали бы без строгих научных доказательств, — продолжал Орм. — Так что мне теперь думать?

... — Подожди и посмотри, что произойдет.

— Ты, кажется, готов ко всему, что может произойти, — заметил Ширази довольно раздраженным тоном.

Уже три недели как Бронски перестал бриться и стал отращивать пейсы. Теперь, когда Орм ложился спать, Бронски сидел в гостиной и читал Пятикнижие на иврите — факсимильную копию того экземпляра, который взял с собой с Земли Матфий. Орм спросил его, зачем он это делает.

— Ты не думай, здесь не Палестина, и я не вернулся на пути моих праотцев. Пока что. И я все равно еще всего лишь агностик. Но понимаешь... у меня такое странное чувство, что я вернулся домой из долгого трудного путешествия. Понимаешь, домой! И это на Марсе! Объяснить я этого не могу. Может быть, и не смогу никогда. Только я здесь как Руфь, стоящая у чужого поля, и это поле уже не кажется таким чужим.

— Не хлеб же на этом поле тебя влечет, — ответил Орм.

— Да. То ли гордость, то ли нежелание признать, что я был не прав, полностью разрушить представление о самом себе мешают мне сделать последний шаг. Но если я даже и приду в синагогу, меня так просто не примут. Я должен признать, что Иешуа — Мессия. Я в этом не уверен — пока.

Все это происходило на глазах у Ширази, но до сих пор он ничего Бронски не говорил. Он был в такой же растерянности, как и прочие — если не большей. Ведь он был мусульманином, пусть и не особо набожным. Как и трое его товарищей, он был потрясен, узнав, что Марс — страна евреев. Если бы они заранее пытались предположить, кто живет на Марсе, такой вариант даже в список не попал бы. Надиру было трудно смириться с тем, что он единственный мусульманин среди миллионов евреев. К тому же эти люди ничего не слышали о его религии до его прибытия. Редко случалось, чтобы получивший блестящее образование Ширази не смог легко вписаться в любое общество, в которое заносила его судьба. Разве что в родной стране у него бывали неприятности из-за протестов против цензуры и полицейских методов.

А обычаи марсиан во многом походили на обычаи его родины. Мужчин обрезали, от женщин ожидалось предпочтение материнства любой другой деятельности, существовали строгие диетические запреты. Были определенные часы, отведенные для молитв, и суббота строго соблюдалась.

Иисус здесь тоже считался пророком, хотя отношение к нему отличалось от принятого в исламе. Там Иисуса высоко ценили, но считали лишь вторым после Мухаммеда, а здесь Иисус был величайшим и последним в ряду, идущем

от Авраама. Пророк ислама Мухаммед здесь просто не существовал.

Несмотря на все несовпадения, сходства было столько, что иранец иногда мог чувствовать себя как дома. К тому же здесь не было такого противостояния между мусульманами и иудеями из-за еврейской оккупации Палестины.

Но когда для Ширази стало очевидно, что Бронски думает о «возврате», как он это называл, к ортодоксальному иудаизму, он стал язвительным. Даже намекнул, что Бронски поступает как оппортунист.

— К тому же, — заметил он однажды в накаленной, но сдержанной перепалке с французом, — ты на самом деле не станешь евреем. Ты станешь христианином.

— Отнюдь, — ответил Бронски. — Христианин — это тот, кто верит, что Иисус есть непорочно рожденный сын Бога и Марии, посланный в мир, дабы искупить его грехи, быть козлом отпущения по древнему иудейскому обычаю. Марсиане же считают Иисуса своим Мессией, вот и все. И вообще вы, мусульмане, если верите Мухаммеду, то должны верить в девственное рождение Христа. В Коране говорится, что Он был рожден от девы Марии. Правда, Мухаммед утверждал, что Иисус не был в действительности распят. Он говорил, что это был фантом, призрак, похожий на Иисуса, и что его прибили к кресту и он умер.

Ширази вдруг расхохотался, и напряжение разговора спало.

— Во-первых, я знаю многих христиан, которые не верят в эту историю о девственном рождении. Они считают, что Иисус был зачат в точности как ты или я. Он — всего лишь человек, хотя и величайший. Во-вторых, многие мусульмане некоторые эпизоды из Корана воспринимают лишь как аллегории. В том числе и я.

Так что, называя человека христианином или мусульманином, надо бы определить, какой род христианства или ислама имеется в виду, но тогда мы увязнем в мелочах. Если я сказал тебе что-нибудь обидное — прости, не хотел. Я просто не понимаю, почему думающий и высокообразованный человек может ощутить соблазн вернуться к примитивной религии.

Бронски воздел руки вверх и вышел, на ходу крикнув:

— Нет никакого соблазна! Потому что религия — не примитивная!

С тех пор когда Ширази говорил, что Бронски готов к любому сотрудничеству, он намекал, что тот просто принимает защитную окраску. Пока что он, правда, не говорил, что Бронски может изменить Земле.

— Вот чего ты, похоже, не понимаешь, — отвечал Бронски, — это что религия — выбор не интеллекта, но духа. Я под духом понимаю иррациональную часть человеческого существа,

причем слово «иррациональная» не является пре-
небрежительным. Эта та часть человеческого
существа, что стремится к бессмертию, хотя ра-
зум говорит, что такового не существует. Она
стремится к Создателю, Отцу своему, свиде-
тельств существования которого для нее мно-
жество. За всеми силами она видит Силу. Для
человека она значит не меньше мозга, и без
нее человек — не человек. Похож на человека,
но и только. Потому что...

— Хватит, — сказал Орм. — Можете про-
должить этот спор наедине в подходящее вре-
мя. Сейчас мы должны составить передачу, а
времени уже немного.

— У тебя, кажется, приближается нервный
срыв, Аврам, — вмешалась Мадлен.

— Хватит, я сказал! — Орм повысил голос. —
У нас очень мало времени. И я не уверен, что
на Земле, увидев это, не решат, будто мы спя-
тили. Все равно мы должны им сказать правду.
Так давайте работать.

Наблюдатели на Земле знали обо всем до то-
го момента, как за Ормом и Бронски захлопну-
лась дверь, потому было решено начать с этого.
Марсиане снимали, как усыпленных пленников
несут в тюрьму. Были и голограммы всех зна-
чительных событий, которые после этого слу-
чились (Орм подозревал, что незначительные
тоже фиксировались), так что видеоматериала
можно было набрать достаточно.

Закадровый комментарий наговаривали все по очереди — каждый комментировал события, в которых был активным участником. Или не вполне активным, поскольку во многих эпизодах их обучали и вели марсиане. Когда работа закончилась, получился отличный, по мнению авторов, обзор жизни марсиан и впечатлений землян о ней.

Конечно, на Земле возникнет масса вопросов, на которые не получены ответы, но, в конце концов, что можно уместить в четыре часа? Кроме того, ответов на многие из них не знали и сами авторы передачи.

— Завтра должны узнать кое-какие, — сказал Орм.

— Да, и они породят еще больше вопросов, на которые мы ответить не сможем, — отозвался Бронски.

В эту ночь они легли поздно, усталые, но слишком возбужденные, чтобы заснуть. У каждого было такое чувство, что приближающийся день — важнейший в их жизни.

Наконец заснул и Орм под тихое посапывание Бронски. Но через час он проснулся. Проснулся от чувства, что кто-то стоит у его постели.

ГЛАВА 12

— Завтра — День, — сказал Орм.

Четверо землян сидели в гостиной семьи Ширази. После ужина они вложили кассету — на самом деле это был кубик со стороной размером в дюйм — в гнездо на телевизоре. И уже в четвертый раз смотрели подготовленную ими программу. Как и обещали марсиане, цензура оказалась минимальной. Последние полчаса передачи составляли хозяева, и они были посвящены главным делам Иисуса во время его «посещения». Включались и сцены, снятые крешийцами в середине первого века новой эры, а также кадры битвы с Сынами Тьмы и строительства пещер на Марсе после аварийной посадки крешийского корабля.

Передача кончалась фразой Хфатона, произнесенной по-гречески — кроме последнего слова.

— Все это правда. Мы свяжемся с вами через несколько дней. Шолом.

Орм представил себе потрясение, интерес, недоумение и возмущение жителей Земли. Будут, конечно, и такие, которые не поверят ни одному слову из всей программы. Они будут кричать, что эта фальшивка сострепана марсианами, или правительством, или правительствами других стран. Но власть имущие должны будут признать, что, каково бы ни было содержание передачи, пришла она с Марса. К тому же программа была повторена много раз, чтобы ее могли принять на обоих полушариях Земли.

— Да, завтра, — мрачно отозвался Бронски.

Мадлен Дантон рассмеялась, но как-то невесело.

— Боишься, что придется поверить в Христа, агностик? Ты увидишь, услышишь и коснешься, и тебе придется поверить? Чушь! Это просто головоломка, которую марсиане нам устроили для каких-то своих целей!

— Ты ведь принадлежишь к ученым, — возразил Бронски, — так думай, как полагается ученому. Я уверен, что будь свидетельство даже на сто процентов аутентично, ты его отвергнешь. Ты позволяешь овладеть собой своему эмоциональному иррационализму.

— А ты даже не ждешь, когда тебе предъявят доказательства! Ты уже готов поверить!

Он покачал головой:

— Нет, это не так. Но все, что случилось до сих пор... признай: это неожиданно, невероятно, фантастично — и все же это случилось. Ты хоть на минуту сомневаешься, что Матфий в самом деле существовал и что Матфий отлично знал Иисуса? И что лицо, именуемое Иисусом, пребывает на этом солнце?

— Ничего я не признаю! — отрезала Мадлен. — Как я могу признать, если не могу исследовать эти доказательства научным образом?

— Каким научным образом? — вскинул руки Ширази. — Это такой предмет, к которому наука неприложима.

— Еще как приложима! — воскликнула Мадлен, и в этот момент вмешался Орм:

— Спорить о том, что могло случиться, бессмысленно. Давайте отложим общие рассуждения, а то все уже выходят из себя. Я хочу пойти посмотреть торжества. Кто со мной?

Вызвались Бронски и Ширази. Мадлен отказалась, сославшись на усталость. Было очевидно, что она хотела, чтобы иранец тоже остался, но вслух этого не сказала. Он же просто посмотрел на нее и пожал плечами. Орм подумал, долго ли эта пара удержится вместе. Ссор между ними пока не случалось — по крайней мере на публике, — но некоторое охлаждение было заметно — то, которое возникает из-за постоянных разногласий.

— Я вернусь пораньше, — сказал Надир.

На этот раз пожала плечами она.

Надир рассмеялся и вышел, догоняя остальных.

Оказавшись за пределами звукоизоляции дома, они слышали в нескольких кварталах от себя музыку, крики и смех. Когда они пришли на большую площадь посреди деревни, освещенную сотнями факелов, множество знакомых стали наперебой предлагать им еду и вино. Орм выпил несколько стаканов и присоединился к танцующим. Танец был очень энергичным, с вращениями, прыжками и приседаниями, напоминающий скорее русскую пляску, чем израильский танец, а музыка была в буквальном смысле не земной — крешийской.

Через час Орм выдохся, хотя в условиях пониженной гравитации его должно было хватить надолго. Может быть, дело было в вине, поскольку во многих танцах от участников требовалось прыгать, не проливая вина, а в паузах — выпить свой стакан и тут же его наполнить. А может быть, сказалось нервное напряжение — он последнее время плохо спал. Его преследовали кошмары с видениями Страшного Суда, таинственные безликие фигуры, указывающие на него обвиняющим перстом, а бывало, что он пробирался в тумане и вдруг оказывался на краю бездны. И не однажды ему случалось просыпаться от ощущения, что у его постели кто-то стоит.

Тяжело дыша, Орм отошел в сторону:

— Хватит с меня! Я иду домой.

Остальные тоже решили уйти. Но, пробираясь через веселую толпу, Орм вдруг ощутил руку у себя на плече. Он обернулся и увидел синие глаза Гультхило.

— Ты-то что здесь делаешь? — спросил он. — Ох, извини за резкость. Это я просто от неожиданности. Ты забралась так далеко от своей деревни...

Она улыбнулась и придвинулась к нему ближе, чтобы перекрыть шум толпы.

— Снова веду себя дерзко и нескромно. Просто хотела тебя повидать.

— А что твоя семья скажет?

— Я не рабыня. Ты будешь со мной танцевать?

Орм оглянулся на своих спутников.

— Идите, ребята! — крикнул он. — Аврам, ты меня не жди!

Бронски поморщился и подошел ближе:

— Ричард, не нарывайся на неприятности. Ты же знаешь их моральный кодекс. Тут...

— Я могу о себе позаботиться, — перебил Орм. — Вы идите. Все будет нормально.

Бронски отошел с недовольным видом, сказал что-то Ширази, и они ушли, хотя и долго оглядывались.

— Я уже устал от танцев, — сказал Орм. — Давай лучше посидим и поговорим.

Гультхило взяла его за руку и провела сквозь толпу. Выбравшись с площади, она остановилась, грациозно села на траву под деревом и сказала:

— Садись рядом.

Он сел, но сначала беспокойно оглянулся. В тени сидели и лежали не меньше дюжины парочек. По виду одной из них можно было понять, что вскоре будет объявлено о свадьбе.

Гультхило поцеловала его в щеку, и он чуть не подпрыгнул.

— Да не нервничай так, Ричард, — шепнула она. — Я тебя не собираюсь соблазнять. — Она тихо засмеялась. — Хотя ничего не имела бы против, если бы ты меня соблазнил.

— Не надо так говорить, — ответил он. — На меня это сильно действует, а мне много не надо. Понимаешь, здесь, у вас, чтобы... э-э... лечь с женщиной, надо быть в нее влюбленным. Ты очень красивая, притягательная, только... только я в тебя не влюблен.

Она не отодвинулась.

— Спасибо за откровенность. А как ты можешь быть в меня влюблен, если мы только однажды виделись, да и то недолго? Но я... — Она остановилась, судорожно вдохнула и закончила: — Но я в тебя влюблена, по-моему.

Пот, который теперь заливал его лицо, был не только следствием танцев. И дрожал он теперь

не только от усталости. Орм обнял женщину за плечи, но тут же убрал руку.

— Не стоит нам сидеть слишком близко. Я хотел остыть, а не нагреться.

Она снова рассмеялась:

— Но если бы мы сошлись, ты бы сделал это из-за страсти, из-за желания, правда?

— Ну, точно не знаю. Слушай, что это за разговор? Так невозможно! Ты пьяна?

— Нет. Я выпила только четыре бокала за последние два часа. И было это в моей деревне. Удрала с праздника, никому ни слова не говоря, и приехала сюда. Это не был мимолетный импульс. Я думала о тебе целый день, но, чтобы сделать то, что я хотела, мне пришлось набраться храбрости.

Он стал было подниматься, но она потянула его вниз.

— Не трусь, мой храбрый космонавт!

— Это не трусость. Это просто здравый смысл, а у меня его никогда надолго не хватало. Слушай, Гультхило, это просто сумасшествие! Были бы мы на Земле, я бы ни секунды не колебался, потому что там мы оба знали бы, что почем. Но мы на Марсе, и здешнее общество отличается от моего. Мое гораздо более снисходительно, но даже и там нравы меняются и скоро будут не такими свободными. Но дело не в этом. Даже если бы ты хотела рискнуть, то есть во имя только страсти... Слушай, что я го-

ворю? Проповедую, как герой викторианского романа! Ну, ты меня поняла.

Гультхило встала. Было темно, но на лицо ее падал отсвет, и можно было заметить, что она улыбается. Если она и была задета, то не показывала этого.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что я могла бы лечь с тобой, если ты в меня не влюблен. — Она помолчала и добавила: — Так мне кажется.

Смотреть на нее снизу вверх ему не хотелось, и он поднялся тоже. И все же ему пришлось закинуть голову назад — так высока она была.

— Маленький черный человек, которого я так люблю! Я возвращаюсь в свою деревню. Может быть, я тебя и не увижу, хотя думаю, что увижу. Мне бы очень хотелось, чтобы приехал ты ко мне, а не я тебя разыскивала. Но если ты приедешь, я буду знать, что ты меня полюбил.

— Ты хочешь сказать, что я буду просить тебя выйти за меня замуж? — хрипло спросил Орм.

— Конечно. Ты вибрируешь, как натянутая струна арфы. Тебя трясет?

Она протянула руки, обняла его за шею и поцеловала в губы. И на секунду, ощутив у своей груди эту большую мягкую грудь, а на губах большие мягкие губы, он еле сдержался. Но она выпустила его и отступила, держа руку

у него на плече. Пожатие руки было очень сильным.

— Шолом, Ричард. Хотя боюсь, у тебя на душе сейчас вряд ли будет мир.

И, тихо смеясь, она исчезла в толпе.

Орм тяжело и длинно выдохнул. Что за женщина! Львица! И что она с ним сделала!

В паху болело, все тело дрожало.

По дороге домой Орм несколько остыл, и мысли перестали путаться. Может быть — и тут он проклял свою вечную подозрительность — она работает на марсианское правительство. Ей дали задание соблазнить его, чтобы он оказался женат. А тогда он оборвет земные связи и станет марсианином.

Или, если она его соблазнит, а он откажется сделать ее честной женщиной, как говорит устаревшая идиома, он будет заключен в тюрьму как преступник. Или...

К чертовой матери общие рассуждения. Если она и была соблазнительницей, то не обычной. Постарайся она посильнее, она бы его заполучила.

Возле дома он вспугнул из-под куста полуодетую парочку. Еще один брак на пути к заключению.

Бронски сидел в гостиной, наблюдая празднества по телевизору. Когда Орм вошел, француз поднял глаза, но ничего не сказал.

— Можешь не волноваться, — сказал ему Орм. — Я здесь, и добродетель местных женщин осталась нетронутой. По крайней мере та, которую ты видел со мной, столь же целомудренна, сколь была.

— Иное было бы чертовски глупо, — ответил Бронски. — Кто она такая?

— Женщина с готским именем. Я тебе рассказывал.

Француз встал:

— Я иду спать. Ты знаешь, я на самом деле за тебя волновался. Ты мог вляпаться в страшную неприятность.

— Не говоря уже о моральном осуждении со стороны тебя и других. Нет, здесь не было бы страшных неприятностей. Мне бы лишь пришлось на ней жениться. А ей этого определенно хочется.

— Ты хочешь сказать...

— Именно так. Она это предложила.

— И ты...

— Я отверг предложение, хотя и не напрямую. Я ей сказал, что я в нее не влюблен.

— А если бы был влюблен?

— Не знаю. Женившись на ней, мне пришлось бы обратиться в иудаизм. Или в марсианский вариант христианства, каков бы он ни был. Ты это знаешь. А сделав это, я стану марсианином. Моя лояльность Земле исчезнет — по крайней мере они будут это предполагать.

Могу я такое сделать? То есть стать марсианином? Звучит так же, как стать перебежчиком.

— Прежде всего, — ответил Бронски, — твоя лояльность принадлежит не Земле, как ты говоришь, а твоей стране, Канаде — во-первых, и Конфедерации Северной Америки — во-вторых. Никакой лояльности к коммунистическим странам у тебя нет. Ты рассматриваешь Землю как монолитное единство, противостоящее монолитному единству Марса. Марс един, но Земля не едина. Тебе следует упорядочить свои мысли, не говоря уже об эмоциях.

— Есть разница?

Бронски нахмурился, потом улыбнулся:

— У большинства людей — никакой. Ладно, ты подумай, а я спать пошел.

Он направился в сторону спальни, но остановился.

— Знаешь, когда ты это сказал, ты проявил остроту восприятия.

— Что сказал?

— Насчет разницы между мыслями и чувствами. Цитирую: «Есть разница?» Отлично сказано.

— Да погоди, я ведь только говорил... сам не знал что.

— Основная часть твоей личности знала. Спокойной ночи, Ричард. Тебе бы тоже надо пойти спать. Завтра — завтра, быть может, главный день нашей жизни. Следует отдохнуть. Тебе по-

надобится вся твоя сила — сила физическая, сила мыслей и чувств — если между ними и есть разница.

Орм ответил «спокойной ночи», но еще часа два ходил взад-вперед. Мысли его скакали от Гультхило к тому человеку, о котором говорили, что он живет внутри марсианского солнца. И та, и другой обещали — или это так казалось — новую жизнь. И обе эти новые жизни были неприемлемы. А если бы стали приемлемы, появились бы новые проблемы. Впрочем, новая жизнь, сколь бы лучше старой она ни была, всегда приносит новые проблемы.

Верил ли он в одну или другую? Женщина могла оказаться агентом, посланным его соблазнить и сделать марсианином. Человек, называемый Иисусом, может оказаться фальшивкой. Или если нет, то кем-то другим — не тем, кем его считали марсиане.

Кем бы он ни был, он был не тем, кем должен был считать его Орм. Орм верил, или думал, что верит, что Иисус — единственный Богом порожденный сын и что назначение его всегда было predetermined, еще до начала времен. Он принес себя в жертву, чтобы мир мог спастись, мог жить вовеки в благословении и восторге лицезрения Бога лицом к лицу. И наступит день, обещанный еще две тысячи лет назад день, когда в неслыханном ужасе и неслыханной радости грянет Последний Суд. И те,

кто отвергли Бога, пойдут в ад. Ад — это понимание, что Бог навеки отрекся от проклятых.

Но вот Иисус здесь, на Марсе, не на Земле. И он всего лишь человек, который на Земле считал себя Мессией, иудеем, пришедшим восстановить священное Царство Иудейское. И мало что из написанного о нем в Новом Завете оказалось правдой.

Это откровение должно было бы потрясти Орма. И потрясение действительно было велико, но не так велико, как должно было быть. Почему? Потому, что его вера была не настолько тверда и глубока, как он сам думал. Молитва слетала скорее с его губ, нежели из глубины сердца. Он не был воистину убежден. Не в глубине души, где жили настоящие, живые убеждения, взиравшие из глубины на псевдоубеждения, убеждения полумертвые, плавающие в том, что они считали светом. А истинный свет был во тьме.

Орм вышел наружу. Все уже стихло. Народ разошелся по домам, окна были темны. Может быть, на улицах дежурили полицейские, но Орм не увидел ни одного. Как ему говорили, они не носят форму и вообще их крайне мало. Это уже сказало ему многое об этом обществе — единственном в своем роде в Солнечной системе. Где можно найти лучшее место для жизни? Да нигде.

Он вышел на затихшую улицу и посмотрел на шар, висящий под куполом пещеры. Он давал не меньше света, чем полная луна на Земле. На нем даже были те же знаки — лунный человек для жителя Запада, заяц для японца.

Там, наверху, в этой сияющей сфере, жил человек — если верить марсианам. Причины не верить не было, но признать реальность Орму было не по силам.

Он немного постоял, закинув голову назад. И вдруг воздел руки к небесам и крикнул:

— Ты там, наверху! Есть у тебя ответы на мои вопросы?

Никто, конечно, не отозвался.

ГЛАВА 13

На небе разыгрывался величественный спектакль света.

Глядевший в окно Орм видел, как бледнеет голубизна. По всему куполу поползли яркие полосы пурпурного, всех оттенков синего, оранжевого, красного, зеленого, желтого, белого и черного цвета. Кое-где рождались золотые, индиговые, алые звезды, росли и взрывались. Выплывали облака всех форм, цветов и оттенков, раздувались, обгоняли друг друга, закрывали и обнажали вспышки звезд, сливались, раздваивались, пульсировали и растворялись в небе.

— Аврам, иди посмотри!

Бронски встал рядом, и глаза его расширились.

— Ты знаешь, меня в дрожь бросает.

— Интересно, как они это делают? — спросил Орм. — У них должна быть электроника по всему куполу.

— Да нет, не думаю. Не забывай, насколько они нас обогнали. Я бы даже поспорил, что здесь используется неизвестный нам принцип. Как бы там ни было, для сегодняшнего дня это мелочь. Забудь, Ричард, что ты инженер. Хотя бы на сегодня.

Из домов выходили люди. Они оделись в лучшие свои наряды — и мужчины, и женщины были в длинных шелковых многоцветных хитонах, головы украшены цветами. Они смеялись и подпрыгивали, многие держались за руки. Орм отворил дверь и вышел наружу. Издали доносилась музыка — играло несколько оркестров: стучали барабаны, трубили фанфары, визжали флейты, звенели арфы и цимбалы.

Неожиданно у него за спиной раздался голос. Орм обернулся и увидел, что Бронски жестами зовет его вернуться внутрь. Он вошел и увидел на экране улыбающееся лицо Хфатона.

— Мы ждем вас на площади через час, — сказал крешиец. — Лучше вам выйти сейчас — через толпу пробиться будет нелегко.

Орм глянул на часы:

— Да, правда. Ты можешь послать кого-нибудь нас подвезти?

— Сегодня ездить дозволено только Мессии, — ответил Хфатон. — Вчера вечером все добрались до нужного места или остановились в домах родственников и знакомых. Я должен был тебя предупредить, что придется идти

пешком. Поспеши. Да пребудет над тобой его милость. Шолом.

Изображение погасло.

Орм переглянулся с Бронски, пожал плечами и сказал:

— Можно было бы ожидать, что к нам отнесутся по-особому. В конце концов, мы же у них в гостях.

Француз смотрел на величественно пульсирующее небо.

— Ты все еще подозреваешь обман?

— Ну, я этого не говорил! Я просто должен держать себя в крепкой узде.

— Не ты один, — сказал Бронски. — Ладно, нам пора идти.

Они снова вышли из дому. Как хорошо, подумал Орм, что не надо запираť дверь. И тут же подумал, что эта мысль посторонняя. Или нет? Все утро стараюсь думать о постороннем. Отвлечься от... от Него. Но это как пытаться не думать об обезьяне.

Они вышли на улицу, где уже не было марсиан. Из дома напротив показался Ширази, угрюмый и бледный. Посередине улицы они встретились.

— А где Мадлен?

— Говорит, что не пойдет. Сказала, что плохо себя чувствует.

— Она Хфатону это сказала?

Надир покачал головой:

— Нет. Ему она ни слова не сказала.

Орм поморщился:

— Чертовски неприятное осложнение. Она в самом деле больна?

— Да, — кивнул Ширази, — но не в смысле физического здоровья. Она эмоционально расстроена. Все повторяет, что это фокус, колоссальный обман. Так зачем ей идти? Я сказал, что идти надо, иначе марсиане сочтут это оскорблением.

Орм разозлился, но признался себе, что его ярость, быть может, вызвана тем, что его обуревают те же чувства. Она заболела от страха — от страха, что все это может быть правдой.

Но он-то, христианин, почему он так напуган? Ему надо бы радоваться, как марсианам, а он?

— Ерунда, — произнес он вслух. — Надо ее взять с собой, даже если придется тащить!

И впереди остальных вошел в дом. Он ожидал увидеть включенный телевизор и Мадлен, наблюдающую за событиями, но телевизор был выключен, а Мадлен лежала на кровати. Когда Орм влетел в комнату, она села:

— У тебя могло хватить такта постучаться!

— Ты знала, что мы идем. Давай, Мадлен, вставай и пошли. Не веди себя как ребенок.

От этих слов она вскочила на ноги. С расширенными глазами и искаженным лицом она осыпала его потоком французских слов, потом

остановилась, провела рукой по лицу и сказала по-английски:

— Ты меня взбесил, чтобы я встала с кровати, да?

Он кивнул:

— Ты должна идти, Мадлен, если ты не больна на самом деле. Если так, то я приведу доктора.

Он не стал добавлять, что доктор определит, больна ли она на самом деле — симулировать ей бы не удалось.

— Я не знаю, что со мной такое, но я не могу. Я просто...

— У меня то же самое, — перебил он. — Ты боишься, что это может оказаться правдой.

— Как? Но ведь ты...

— Поговорим об этом в другой раз, — прервал он.

Они вышли на улицу и направились в сторону площади, пока не оказались посреди толпы. Никто не говорил ни слова, и Орм с Ширази лишь изредка переговаривались тихим голосом. Дойдя до площади, они вдруг потонули в буре шума. Здесь говорили все одновременно и будто играла сразу сотня оркестров. Трудно было оценить количество людей, и Орм решил, что их здесь не меньше миллиона. Они стояли плечом к плечу, тесно сдвинув ряды, образовав колоссальное кольцо вокруг высокой и широкой каменной платформы в центре площади — Орм

ее никогда раньше не видел, потому что ее верх раньше находился вровень с мостовой. Сейчас она медленно поднималась из земли. На вершине стояло примерно пятьдесят мужчин и женщин.

— Как нам пробраться? — крикнул Ширази на ухо Орму. — Это безнадежно!

— Хфатон должен был это предвидеть! — заорал Орм в ответ. — Что он себе думает? Он должен был нас заранее сюда доставить!

Тут он подпрыгнул: кто-то тронул его за плечо. Обернувшись, Орм увидел крешийца в зеленом хитоне с ярко-алым шевроном через всю грудь.

За ним виднелась длинная серебристая лодка. По крайней мере это было похоже на весельную лодку, хотя ни весел, ни уключин на ней не было.

Крешийец повернулся и пошел прочь, знаком велел Орму следовать за ним. Позвав остальных, Орм направился к судну. Крешийец вынул из-под хитона маленький металлический цилиндр. Приложил его конец к губам и что-то сказал. Голос его звучал как труба.

— Будьте добры войти в шпрет.

Четверо землян переглянулись, пожали плечами и полезли внутрь, где расселись в креслах с высокими спинками. Крешийец сел в кресло на носу и вытащил какую-то коробочку с рычажками. Через мегафон объявил:

— Держитесь. Это потребует всего минуты.

Он пощелкал рычагами коробочки, и лодка плавно взмыла вертикально вверх, застыла в двадцати футах над землей, повернулась к платформе и медленно к ней поплыла. Не было слышно никакого шума двигателя, хотя его мог заглушить рев толпы. Никакой перегрузки пассажиры не ощутили.

Над платформой лодка мягко опустилась, и водитель показал, что они должны выйти. Как только они это сделали, лодка сразу же поднялась и — на этот раз намного быстрее — перелетела через толпу и опустилась за ней.

— Вы могли попросить дать вам дорогу, и толпа расступилась бы, — сказал Хфатон. — Но вы опаздывали, и я послал шррет.

По его выражению лица можно было понять, что они не прошли испытание. Наверное, тест на IQ, подумал Орм. Он не стал рассказывать об инциденте с Мадлен. Крешийцы и так догадуются, что с ней что-то не так. А может быть, подумал он, и он сам выглядит не лучше. Не посерел ли он под темной пигментацией, и нет ли на лице следов напряжения?

И Бронски с Ширази тоже выглядели не слишком спокойными.

Платформа все еще поднималась вверх, но на высоте тридцати пяти футов остановилась. Шли минуты. Орм посмотрел на шар, прикрыв глаза ладонью. Тот горел ярко, как и всегда.

Из тесной группы в центре платформы выступил один из крещийцев. Его хитон был раскрашен белыми и голубыми полосами, поверх настоящей бороды была надета фальшивая — длинная и вьющаяся, а в правой руке он держал крючковатый пастушеский посох из какого-то голубого дерева.

— Рабби Манассия бен-Махир, — сказал Хфатон на ухо Орму.

Рабби поднял посох. Рев толпы и музыка немедленно стихли, и слышен был только плач младенцев в толпе. Женщина на краю толпы рядом с платформой обнажила грудь и дала ее своему младенцу, и тот затих. У Орма при виде этой могучей груди опять возникла судорога в паху. В ту же минуту ему стало стыдно. Вот он ждет Мессию, который с минуты на минуту появится, и тут н^а тебе — половое возбуждение.

— Прости мне, Господи! — прошептал он.

И в то же время подумал: «А что я могу поделать? Такой долгий пост, а я не святой».

Рабби начал петь, и на третьей фразе толпа подхватила. Слов Орм не понимал — они были на иврите, — но он пел вместе со всеми, сначала повторяя бессмысленные для него слова, а потом перешел на молитвы Господу по-английски.

Тут Хфатон слегка толкнул его и сказал:

— Совершенно не обязательно тебе петь со всеми. Лучше молчать, чем говорить не те слова.

У Орма запылали щеки.

Рабби вновь поднял посох, и снова пала тишина, нарушаемая лишь плачем младенцев, хотя теперь их было меньше. Орм не стал смотреть вниз: не хотел, чтобы его отвлекали обнаженные груди. Хотя все равно, подумал Орм, он читает у меня в уме, и он узнает. И тут же сообразил, что это чушь. Ведь ему говорили, что Мессия всего лишь человек — пусть и усыновленный Богом — и он не телепат. И снова пришла мысль: а ведь я не знаю, тот ли он, за кого они его выдают. Может быть, права Мадлен Дантон.

«О Боже, — взмолился он, — избавь меня от сомнений. Дай мне уверовать в истину».

Вот оно! Но не ребенок ли это заговорил в нем, ребенок, верящий всему, чему учат отец и мать, ребенок, никогда не умирающий в душе человека?

Он заметил, что, пока он разбирался со своими мыслями, рабби начал еще одно песнопение, на этот раз на крешийском. Это он понимал — большую часть, по крайней мере, и присоединился. Третья песнь была опять на иврите, и Орм молчал, чувствуя на себе жесткий взгляд Хфатона.

И снова рабби поднял посох, и миллионы голосов затихли, сделав слышимым только детский плач. Медленно погасли пульсирующие огни неба, оставив сплошную голубизну. Сразу же стало темнеть солнце, и по толпе пронесся благоговейный шепот. Голубое небо быстро потускнело и стало черным. Шар засветился красным,

потом стал невидим, и пещеру заполнила ночь. Орм не видел даже стоящих рядом с ним Хфатона и Дантон. Вокруг него и в нем самом была лишь полная тьма, и слышался лишь звон в ушах — кровь пульсировала по сосудам. Затихли даже младенцы, хотя, казалось бы, должны сильнее заплакать в темноте.

Сколько это длилось? Он не знал. Казалось, много минут. Вдруг раздался глухой стук, и Орм вздрогнул. Тупой конец посоха рабби ударил по камню, зазвучал его голос, и толпа запела вновь.

Орм не отводил взгляда от купола и потому заметил первые проблески темно-красного сияния оживающего солнца. Постепенно оно становилось ярче, и наконец стало возможно разглядеть стоящих рядом и внутренний круг толпы. Но свет был призрачный, и люди в нем казались фантомами.

Толпа снова запела, и к концу песни солнце стало ярче. Снова раздались возгласы экстаза и благоговения. Теперь на фоне оранжевого шара была видна черная точка. Она спускалась вниз, к нему, и росла.

Еще ярче разгорелось солнце, хотя и не очень сильно, так что на него можно было глядеть секунду-другую, но потом нужно было давать отдых глазам. Спускающийся объект стал миниатюрной фигурой человека.

Орм застонал и схватился за руку Мадлен. Рука была холодная и влажная.

За ним кто-то громко пукнул.

Орм захихикал и не мог остановиться. Он ожидал, что нарушителю будет сделан выговор, но остальные на платформе только громко расхохотались. Обернувшись, он увидел, что Йа'акоб улыбается, но покраснел от стыда. Рабби, который не видел в этом ничего смешного, хотя и не мог не понимать, что смех снимает напряжение, постукал посохом по камню и потребовал молчания.

Орм снова взглянул вверх.

— Ричард, у тебя зубы стучат, — сказала Мадлен.

Он стиснул челюсти, осознал, что трясется как в лихорадке, и ответил:

— У тебя тоже не лучший вид, Мадлен.

Как и они, Ширази не очень владел собой. Он побледнел и закусил губу. Бронски оскалил зубы, а стиснутые пальцы держал на уровне груди.

Вниз плавно спускался человек, облаченный в небесного цвета хитон. Ноги его были босы, длинные волосы развевались за плечами, и они казались темно-рыжими. Руки он держал прижатыми к бокам, а голова была откинута назад.

— Йа Иешуа га-Мешиха! — крикнул рабби, и толпа подхватила крик:

— Слава Иисусу Мессии!

Человек, опустившийся на платформу посреди выкриков, воплей и всхлипываний миллион-

ной толпы, был пяти футов одиннадцати дюймов роста. Волосы у него оказались темно-рыжие, а бороды не было вовсе. Красивое лицо левантинца. Оно не напоминало черты, запечатленные на знаменитой туринской плащанице. Руки мускулистые, но не массивные. Из-за длинных пальцев большие кисти рук казались уже, чем на самом деле.

Глаза черные, живые и блестящие. Губы, подумал Орм, несколько толстоваты для представителя белой расы, но тут уж не ему придирааться. Высокие скулы, слегка впалые щеки. Нос длинный, слегка крючковатый, подбородок сильный, закругленный и раздвоенный. Кожа красивого золотисто-коричневого цвета.

Человек на секунду застыл, разглядывая стоящих на платформе. Потом поднял правую руку и заговорил глубоким баритоном:

— Да пребудет с вами Дух Святой, дети мои. Он доволен вами, и близок уже День Пришествия.

В толпе долго не смолкали крики радости. Наконец человек снова поднял руку, призывая к молчанию, и оно наступило тут же, снова нарушаемое лишь плачем детей.

— Пришествие близко, но много еще работы осталось до того. Завтра ваши вожди расскажут вам подробности, а общий план вы знаете. И потому я не проведу этот день с вами, как бывало раньше.

Толпа застонала.

Он улыбнулся и сказал:

— Но я и не вернусь домой так быстро, как раньше. В этот раз я пробуду с вами две недели.

Миллион глоток разразился восторженным воплем.

— Это особая честь вам четверым! — крикнул Хфатон в ухо Орму. — Он остается из-за вас!

Орм его почти не слышал. Он онемел и чувствовал лишь собственную дрожь. Ему до боли хотелось помочиться. Фигуру Иисуса он видел как через волны жара.

Иисус снова поднял руку, и снова, будто повернули выключатель, шум смолк.

— Идите ныне в синагогу, дети мои, и почитайте Отца своего, и насладитесь потом празднеством и весельем и любовью и всем добром, что создал Отец на радость вам. Шолом.

Иисус повернулся и направился к землянам. Орм повалился на колени и поцеловал протянутую ему руку.

— Прости меня, Господи! Я сомневался, я творил зло. Я...

Все завертелось. Первое, что он потом увидел, было склонившееся над ним, лежащим, лицо.

— Что случилось?

— Ты упал в обморок, — ответил Хфатон. — И Мадлен тоже.

ГЛАВА 14

Четверо землян сидели в гостиной дома Ширази.

— Эмоции сработали, — сказал Орм. — Условные рефлексы — детские верования вышли наружу. Теперь все в порядке. В самом деле. Я могу смотреть на него объективно, — Орм усмехнулся и добавил: — Когда его рядом нет.

Мадлен почти ничего не говорила с того момента, когда покинула платформу и в сопровождении Надира была доставлена домой. Орм полагал, что она чувствовала унижение и стыд. И не удивительно. Она же была убежденной атеисткой с восемнадцати лет. Она открыто издевалась над теми, кто допускал, что Бог может существовать, и смеялась, услышав, что Иисус Его Сын. Да, верно, марсиане ничего не говорили о девственном рождении. Фактически они его отрицали. И все же лицезрение

человека, спускающегося с солнца, человека, о котором марсиане говорили, что он живет уже больше двух тысяч лет, и более того — который мог это доказать, и сходство этого человека с портретами, висевшими в доме ее родителей, в церквях и картинных галереях, — это было для нее слишком. И вырвались наружу давно похороненные, но никогда не умиравшие верования.

А не усомнилась ли она внезапно в своей правоте? И образ самой себя как женщины со скептически-научным складом мышления, сугубо рациональной, вдруг распался? Одно из тяжчайших испытаний для человека — такое резкое и грубое разрушение представления о самом себе. Против него нет защиты, кроме безумия и самоубийства — только сильнейшие из сильных могут такое перенести.

Долгое молчание, наступившее вслед за словами Орма, прервал Аврам Бронски.

— Я тоже был почти без чувств, — сказал он. — Так что ты, Ричард, не горюй так сильно. Это было ошеломляющее переживание. Но ты правильно сказал — мы должны сохранить хладнокровие. Могут, в конце концов, быть объяснения его способности парить в воздухе без видимой поддержки. Вот ключевое слово — «видимой». Кто знает, какие приспособления были у него под одеждой? Кстати, аппарат, подняв-

ший нас на платформу, тоже не имел видимой тяги. Вдруг и он перемещается так же?

Это было разумно. И тем не менее никто не считал, что это объяснение правильно. Человек, которого называли Иисусом, излучал такую силу, что трудно было не поверить марсианам: этот человек был тем, кем они его считали. Эта сила была не в его словах — в них не было ничего необычного. Не в чертах его лица и в фигуре — он был красив и силен, но таких людей можно было найти много. Это была мощь, харизма (слово, которое теперь мало что значило, употребляемое слишком часто и неправильно), исходящая из него невидимая молния. Крепейцы и здешние люди рвались видеть его, дотронуться до него, быть рядом с ним — воспринять этот ток силы. Только четверо космонавтов боялись его и страшились увидеть вновь, и в то же время их притягивало магнетическое поле, излучаемое этим человеком. Но встреча с ним предстояла им в ближайшем будущем, и избежать ее не было возможности.

Наверное, не его они боялись: они боялись себя.

Его сила не была связана с его плотью. В то же утро показали по телевизору, как он выходит из главного правительственного здания, и эффект от голографического изображения был не меньше, чем на платформе. В середине передачи

Мадлен вдруг встала и выключила телевизор. Никто не сказал ни слова.

— Не знаю я! — Мадлен встряхнула головой.

— Чего не знаешь? — спросил Надир.

— Просто не знаю.

Ни слова больше не сказав, Мадлен вышла в спальню. Иранец было встал и пошел за ней, но передумал. Усевшись обратно, он сказал:

— Она мне не нравится. Не могу заставить ее сказать, что ее беспокоит.

— Ты и сам это знаешь, — отозвался Орм.

Ширази не ответил. Что пользы?

Вдруг ожил телевизор, и перед ними появилось изображение Хфатона два фута высотой.

— Шолом, — сказал он. — Я приглашаю вас немедленно прибыть в университет и начать работу над следующей передачей на Землю. Когда она будет отослана, вам будет время от времени предоставляться возможность беседовать с вашими соплеменниками.

Если Хфатон ожидал взрыва радости, то его ждало разочарование. Все трое остались такими же угрюмыми, и никто из них не сказал ни слова.

Потом ответил Орм:

— Мы сразу выходим, Хфатон. По крайней мере мы трое. Не знаю, как Мадлен.

Крешиец приподнял пушистые брови:

— Ей не надо идти, если она не хочет. Но своим коллегам на Земле вы сами объясните причины ее отсутствия. Иначе они могут это неверно понять.

Орм постучал в дверь спальни, поскольку Ширази никак не проявил готовности позвать Мадлен. К его удивлению, она ответила, что выйдет через минуту. Орм вернулся в гостиную, улыбаясь.

— Может быть, мы напрасно так за нее волновались. В конце концов, она психологически устойчива, насколько это вообще для человека возможно. Иначе она бы сюда не попала.

Бронски криво улыбнулся:

— У каждого есть предел прочности, а сейчас он испытывается нагрузками, не предусмотренными при снятии психологического профиля.

— И ты прав, — ответил Орм. — Будь пессимистом.

Мадлен не проявляла активности, хотя отвечала, когда к ней обращались. Но, войдя в кабинет Хфатона, она судорожно вздохнула и оглянулась по сторонам, будто готовая бежать. Орм это мог понять — он сам был потрясен. За столом крещийца сидел Мессия.

Он поднялся и ласково произнес:

— Шолом, друзья. Я пришел сюда помочь вам готовить передачу. Это может очень ускорить дело.

Орм постарался собрать всю свою смелость и самообладание. Почему это он должен ощущать себя мерзким мальчишкой, которого сильный и строгий родитель застал за чем-то очень плохим? Он — взрослый человек, и не самый, черт побери, последний, и смешно было бы дать этому существу себя подавить. Иисус ему не угрожал. Он выглядел очень дружелюбным, готовый отнестись к другим почти как к равным. Так почему не держать себя с ним свободно?

Это было легче сказать, чем сделать. И все же Орм заставил себя шагнуть к Иисусу, протянув руку, и изобразить вялую улыбку.

— Шолом, Рабби.

Иисус посмотрел на протянутую руку, а потом вопросительно — на Хфатона.

— Рабби, — сказал крещиец, — на Земле есть обычай пожимать руки в знак приветствия. — Повернувшись к Орму, он добавил: — Здесь обычай — целовать руку Мессии.

Орму стало чуть легче. Мессия не был всезнающим.

— Они наши гости, — сказал Иисус. — Безвредные обычаи можно уважить.

Иисус протянул руку. Орм принял ее и ощутил крепкое пожатие и легкое покалывание. Впечатление было такое, что этот человек мог раздавить его руку в кашу, если бы захотел. А может быть, Орм слишком дал волю воображению?

Иисус обменялся рукопожатиями с остальными. Мадлен пришлось собрать всю силу своего духа, но она энергично пожала протянутую руку и заглянула прямо в большие, темные, оленьи глаза.

«Молодец баба! — подумал Орм. — Не слабее каждого из нас».

Тем не менее Мадлен побледнела, как и Бронски с Ширази.

— С вашего разрешения, — сказал Иисус тоном, подразумевающим безоговорочное согласие, — я собираюсь сделать нечто, что делаю редко. Людям нравится, когда я делаю такие вещи, хотя я им говорил, что это слишком похоже на дешевые трюки фокусников. И я им говорил, что они и сами на такое способны, если будут верить в свои возможности. Из того, что сообщили мне Хфатон и его коллеги об этой книге, которую вы зовете Новый Завет, я понял, что обо мне говорят, будто я в свое пребывание на Земле творил так называемые чудеса. Я этого не делал — хотя мог, но тогда я этого не знал.

Даже Сын Человеческий несовершенен, как я когда-то сказал в Палестине. Лишь Божественное Присутствие совершенно, и лишь Он есть добро. Но я — Его приемный сын, и потому могу делать то, чего не могут другие смертные. По крайней мере пока не могут.

Иисус подошел к столу и налил вино в пять бокалов.

— Сначала выпьем. Подойдите ко мне, друзья мои.

Орм принял из его рук бокал. Мелькнула мысль о родителях, которые твердо отказывались от любого алкогольного напитка, хотя и верили, что Иисус превратил воду в вино на свадьбе в Кане. Если бы они увидели Иисуса сейчас, их бы удар хватил.

Земляне выпили вино и вслед за Иисусом прошли через бесчисленные комнаты в огромную аудиторию. Там их ждали телевизионщики, университетские преподаватели и довольно много чиновников из правительства. Были также и самые любимые студенты, и — несомненно — родственники высших чиновников. Здесь, как и на Земле, nepoтизм не был неизвестным понятием. Здесь он проявлялся лишь в более строгих рамках.

Иисус подошел побеседовать к телережиссерам и продюсерам, каждый из которых сначала поцеловал ему руку. Это Орму понравилось. Так скромно и уважительно. Не то что земные телевизионщики, от общения с которыми у Орма осталось противное чувство — так они были начальственны и самоуверенны. И при этом спокойно целовали задницы у высшего начальства и политиков.

Несколько минут Орм осматривался. Его очень заинтересовала телекамера размером с пачку сигарет — оператор держал ее в руке, глядя в телескопическую систему, установленную на ее верхнем торце. У некоторых камеры были вмонтированы в наголовный обруч и закреплены возле глаза. Эти смотрели сквозь отверстие в камере и могли переключаться с крупного плана на общий и обратно с помощью маленького колесика. Ни проводов, ни кабелей не было.

В конце большой комнаты сидели команды, принимающие сигнал с камер. Они тут же редактировали изображения, монтировали, накладывали их друг на друга и вообще делали много странных вещей, столь интригующих для профанов.

Неподалеку стояло возвышение, где сидел оркестр. Взглянув туда, Орм вдруг с изумлением заметил Гультхило. Она разминалась, бегая пальцами по клапанам флейты.

Он тут же подошел ближе:

— Гультхило!

Она глянула вниз и улыбнулась:

— Ричард Орм! Как здоровье?

Марсиане традиционно задавали этот вопрос, хотя уже две тысячи лет здесь не бывало больных.

— Спасибо, хорошо. Только я немного не в своей тарелке. Он... — Орм сделал жест рукой в сторону Мессии, — к нему нелегко привыкнуть.

Гультхило взглянула на Иисуса с обожанием:
— К нему никогда нельзя привыкнуть!

Потом она перевела взгляд на Орма и улыбнулась вновь. Оорм почувствовал, что тает — так она была красива.

— Ты вспоминал тот вечер?

— Я все время об этом думаю.

Это была неправда, но он действительно много думал о ней.

— И каков результат?

— Частые эрекции, — ответил он, гадая, позволяет ли моральный кодекс этих людей такую откровенность.

Улыбка исчезла, но быстро вернулась.

— И это все?

— Совсем не все. Послушай, Гультхило, я думаю, что я в тебя влюблен. Но разве я знаю тебя по-настоящему? Мы ведь принадлежим к таким разным культурам. Сможем ли мы притереться? Понимаешь, между двумя женатыми людьми всегда бывают конфликты, даже если они из одной культуры. Из-за индивидуальных различий, из-за различий пола. Но в этой ситуации... дело ведь не в том, что ты еврейка. Ты марсианская еврейка, и различие в первом слове! Если бы не это... тогда...

— Но ведь ты тоже станешь евреем, — сказала она. — Иначе мы не сможем пожениться, да я за тебя и не пойду в противном случае.

Между ними повисло молчание, хотя вокруг продолжался шум. Музыканты трубили, дергали струны, водили смычками, били в барабаны. Вдали громко кричали телевизионщики, донесся смех — наверное, над какой-то фразой Иисуса, поскольку смеялись в окружившей его толпе.

— Я не собираюсь с тобой спорить или уговаривать, — сказала Гультхило. — Но не понимаю, как ты можешь сомневаться. В смысле обращения в веру. Ты ведь разумный человек — иначе я даже и думать не стала бы о браке с тобой, несмотря на всю твою физическую привлекательность. Но я знаю, что мы могли бы быть счастливой парой лет шестьдесят или семьдесят в любом случае, а то и больше. Я послала в центр наши психофизиологические показатели, и оттуда сообщили, что мы очень подходящая пара. И твои гены тоже очень хороши, хотя есть наследственная склонность к диабету, а после сорока пяти может развиваться рак печени. Но это выправили. У нас были бы красивые и умные дети, и мы были бы счастливы. Это не значит, что не было бы никаких конфликтов и несчастий. Но это было бы преодолимо.

Марсианская жизнь казалась Орму потоком ошеломительных откровений. Минуту он ничего не мог сказать и вдруг взорвался:

— Господи Иисусе!

Гультхило посмотрела непонимающе. Оорм понял, что заговорил по-английски.

— То есть, — медленно произнес он по-крещийски, — ты представила мою генетическую карту, или что там еще, даже меня не спросив?

— А зачем было спрашивать?

— Я же равноправный партнер такой сделки. Так не надо ли было поставить меня хотя бы в известность? А если бы карта показала сильную несовместимость? Вы что, только этим и руководствуетесь? Вам не разрешено жениться вопреки указаниям этих карт?

— Вполне разрешено. Некоторые так и делают. В конце концов, это же, понимаешь, страсть. Просто за две тысячи лет оказалось, что карты в девяноста восьми и одной десятой процента случаев предсказывают, удачный ли окажется брак. Я не говорю — восхитительный. Таких вообще не бывает, разве что первый год. Нет, хороший солидный брак с ровной и спокойной любовью. А из того, что ты мне говорил, я поняла, что на Земле у людей не тот характер для таких браков.

— Я мог и преувеличить. Ладно, а оставшиеся один и девять десятых процента?

— У них не бывает детей. Они почему-то бесплодны.

— Я думал, что ваши ученые могут любого вылечить от бесплодия.

— Теоретически — да. Но не в этих случаях.

Она замялась и, быстро показав рукой куда-то ему за спину, сказала:

— Об этом никогда не говорят вслух. Но считается, что бесплодие насылают он.

— Кто? — Орм обернулся посмотреть. — Ах он?

Гультхило молча кивнула.

— Да брось ты! — сказал Орм недоверчиво. — Ты представляешь себе, что ты говоришь? Он мешает зачатию просто... мыслью? Какой-то телеконтрацепцией?

— Как он это делает, я не знаю. Но это так. По крайней мере мы так думаем. А иначе как это объяснить?

— Может быть, это на совести ваших ученых. А то даже и правительства.

— Не может быть! — ответила она. — Это было бы противозаконно.

— Значит, он совершает противозаконные деяния?

— Он сам — высший закон.

Орм вздохнул. Как она наивна, если думает, что лидеры государства ничего не делают подпольно. А наивна ли? Она ведь этот мир знает лучше, чем он. И отважится ли здешнее правительство на противозаконный поступок? Все его члены постоянно чувствуют взгляд очей, взирающих на них с солнца и видящих — по крайней мере теоретически — все.

— Ты ушел от моего вопроса, — напомнила она.

Но, к счастью, Орма спас от необходимости отвечать подошедший к нему крешиец, сказавший, что Орма ждут в секции для почетных гостей. Там он должен будет хранить молчание, пока не придет его очередь говорить.

Орм виновато улыбнулся женщине и отошел вслед за крешийцем. Пройдя в дальний угол комнаты, он сел рядом с Бронски и Ширази, у которых был такой вид, будто они хотят что-то сказать, но не осмеливаются.

Оркестр заиграл тихую медленную мелодию. В середине комнаты в потоках яркого света показался Хфатон. На него тут же со всех сторон наставили камеры операторы. Подняв голову, Орм увидел еще двух операторов высоко на балконе. Дирижер дал сигнал, и музыка перешла в вой, прерванный ударом цимбал, от которого Орм чуть не подпрыгнул.

Хфатон улыбнулся и заговорил по-гречески.

ГЛАВА 15

Примерно через одиннадцать минут, подумал Орм, эту передачу примут земные спутники ретрансляции. На всех телевизионных станциях уже сидят специалисты по греческому языку, которые будут сразу переводить услышанное на свои родные языки. Некоторые слова могут поставить их в тупик, потому что словарь их языка ограничен. Ничего, потом разберутся.

Хфатон и еще десять марсиан изучали английский, но занятия редко длились больше часа и бывали не каждый день. До умения бегло говорить и владения сколько-нибудь приличным словарем им было еще далеко. Зато у Хфатона и троих других учащихся было прекрасное стандартное торонтское произношение, которое поймет любой говорящий по-английски.

Орм предложил, что говорить будет он — тогда не нужно было бы переводчиков. Это предложение было отклонено без объяснений.

Возможно, марсиане настаивали на греческом как лишнем доказательстве своей аутентичности. Тогда на Земле сразу бы поняли, что марсиане владеют греческим Нового Завета куда лучше земных ученых — еще одно свидетельство, что они говорят правду. Единственное противоречащее этому предположение — что они научились языку у Бронски, но тот умел лишь бегло читать. И вообще нужно быть параноиком, чтобы решить, будто марсиане затратили столько труда на добавление столь малой подпорки к и без того солидному обману.

Хфатон внезапно замолчал. Оркестр сыграл несколько тактов пьесы, похожей на увертюру Седьмой симфонии Бетховена. В центр зала медленно вышел Иешуа га-Мешиха, Иисус Христос — или, подумал Орм, его вполне приличная копия. Хфатон, пятясь, отступил в тень.

Иисус поднял руку, музыка смолкла. Он начал речь по-гречески, и от его глубокого голоса у Орма побежали мурашки по спине и волосы зашевелились.

Он оглянулся, увидел, что никто на него не смотрит — хотя его могли наблюдать скрытые камеры, — и шепнул на ухо Бронски:

— Что он говорит?

Бронски повернулся и прижал губы к уху Орма. При этом он старался одним глазом смотреть на Иисуса.

— Он говорит, что ему этого не хочется, но он понимает необходимость показать свою силу. Он понимает, что такие вещи можно подделывать, и потому совершил то же самое в строгих лабораторных условиях. Соответствующие записи позже будут показаны. Разумеется, вполне можно допустить, что его народ солжет о результатах испытаний. Поэтому через некоторое время мы четверо станем свидетелями такой же демонстрации и удостоверимся вместе со всей Землей, что его сила именно такова, какой кажется.

— Они же скажут, что нас заставили подтвердить.

— Именно это он сейчас и говорит. Ого!

— Что случилось?

— Он сказал, что, если и этого будет недостаточно, каждый сможет убедиться своими глазами, когда он прибудет на Землю!

— Йа Иешуа! — в один голос взревела публика.

Орм начал что-то говорить, но ему в спину ткнулось что-то твердое. Он обернулся и увидел огромного крешийца с длинным деревянным шестом, конец которого был направлен на Орма. Крешиец покачал головой и приложил палец к губам. Орм отвернулся, чувствуя себя так, будто получил выговор от привратника церкви.

Человек в голубом хитоне в центре зала поднял руки. Потом взлетел на десять футов над

полом, медленно повернулся, расставив руки, и сделал три круга по комнате. Оркестр играл что-то тихое в минорной тональности.

— Как выступление фокусника, — буркнул Орм себе под нос. Но он знал, что это не фокус.

Какой эффект вызовет на Земле заявление Иисуса? Очевидно, оцепенение. Особенно среди высших правительственных и церковных иерархов. Никогда еще на Землю не приходили известия такой важности, и последствия их будут куда шире чисто религиозных. Они отдадутся всюду: в политике, религии, науке, экономике, психологии — да в чем хотите.

Многие ли страны разрешат своим гражданам это видеть? Коммунистические явно запретят. Там это посмотрит только высший эшелон руководства, а до населения это доведено не будет. Однако известие об этом не удастся навсегда скрыть от народных масс, и скоро, несмотря ни на какие репрессии, начнут расходиться контрабандные кассеты.

А как поступят правительства социалистических демократий? Они передадут это в народ? Или как раз сейчас сидят и страдают, не зная, что делать? Потому что у многих групп эта передача вызовет ярость. Христианские фундаменталисты, римские католики и восточно-православные, ортодоксальные и реформированные иудаисты, мусульмане — хотя и не представляющие из себя серьезной политической силы в

Северной Америке, — и кто скажет, кто еще? Реакцию более либеральных церквей предсказать труднее. Как бы там ни было, у всех, в том числе и либералов, будет прежде всего одна мысль: что, если это Иисус, а они ошибались?

Индуисты же попытаются ассимилировать марсианского Иисуса в свою религию, как они поступают с любым новым богом. Нет, не выйдет — Иисус отрицает, что он Бог. Кроме того, он отверг бы индуистскую религию как целое.

Агностики и атеисты будут точно так же расстроены и сбиты с толку.

Короче, это термоядерная политическая бомба, лежащая на коленях у мировых лидеров. Что же они с ней будут делать? Игнорировать ее невозможно. У политиков потечет пот, заурчит в животе, и очереди к высокопоставленным туалетам будут расти с каждой минутой.

Орм отвлекся от своих мыслей, когда Иисус плавно опустился на пол. Он что-то сказал, улыбнулся, повернулся в сторону кресел и показал прямо на Орма. По крайней мере так казалось.

— Он собирается... — сказал Бронски тихим, но возбужденным голосом.

Ричард Орм не услышал остального. Его вдруг подняло с кресла и понесло по воздуху к тому человеку, который показывал на него пальцем.

Орм не сопротивлялся. В конце концов, он привык к невесомости. Да, он был ошеломлен,

но, как он надеялся, не настолько, чтобы выглядеть испуганным или смешным. Мог бы Иисус по крайней мере его предупредить.

— Не бойся! — крикнул Иисус по-крешийски. — Все будет в порядке!

И он сказал что-то по-гречески — Орм решил, что это перевод той же фразы. Но времени думать о такой мелочи не было. Его подняло вверх, почти к потолку. Операторы на балконе установили на него коробочки своих камер. Он попытался улыбнуться, но вошел в сальто, а потом, все еще вращаясь, хотя и не так сильно, чтобы закружилась голова, опустился.

В семи футах над полом он остановился.

— Прошу прощения, Ричард Орм, — сказал Иисус. — Но это было необходимо сделать, потому что ты капитан землян, и твое слово должно иметь огромный вес.

Иисус согнул палец, и Орм плавно приземлился на ноги. Неожиданно вернулся вес. Орм стоял, мигая и улыбаясь дурацкой улыбкой.

— Теперь, — сказал человек в голубом хитоне, — было бы хорошо, если бы ты сказал своему народу, что это не было фокусом. Сказал по-английски, конечно.

В больших оленьих глазах мерцали искорки. Но Орм чувствовал, что это свет, отраженный от стали. Звезды тоже мерцают, но их свет исходит от такого жара, что человек испарится за микросекунду.

Орм попытался заговорить, обнаружил, что дышит тяжело, подождал, пока успокоится дыхание, и начал снова:

— То, что говорит Иисус — правда. Ко мне не подсоединены провода, нет никаких реактивных устройств — ничего. И для меня самого случившееся было полной неожиданностью. Я не знаю, как он это сделал, но...

Не надо было произносить имени Иисуса. Это значило признать этого человека тем, за кого он себя выдает.

А вдруг он и есть тот?

— Спасибо, — сказал Иисус.

Орм повернулся к своему месту, но остановился. У него дрожали ноги и вот-вот могли подкоситься. И тут его снова подняло и понесло по воздуху, остановило точно над креслом и плавно опустило.

— Йа Иешуа га-Мешиха! — рывкнула толпа.

Иисус поднял руку, и воцарилось молчание. В круг света вышли крещиец и человек, которые за веревки тянули клетку на колесах. В ней находился большой баран. За клеткой шел крещиец, держа в одной руке тонкое копьё с закруглением на тупом конце, а в другой — большой топор.

Баран грозно блеял и бросался рогами на прутья клетки. Какая бы ни ждала его судьба, он ее не боялся и был готов сразиться с ней.

Процессия остановилась возле Иисуса, все ему поклонились, и один из крещийцев открыл дверь клетки. Минуту баран стоял неподвижно и вдруг рванулся из своей тюрьмы прямо к человеку в голубом хитоне. Толпа ахнула, кто-то вскрикнул. Иисус не обратил внимания. Он устремил на барана взгляд и вытянутый палец, и баран остановился, будто налетел на стену.

Тогда крещиец шагнул вперед и поднял топор. Лезвие сверкнуло сталью.

Иисус что-то сказал, и топор обрушился на шею барана. Лезвие рассекло шкуру, мышцы и кости, голова барана отлетела. Хлестнула кровь, окатив подол хитона и босые ноги.

Орма чуть не стошнило. Ширази и Дантон что-то сдавленными голосами прохрипели. В толпе не раздалось ни звука.

— Это неправильный способ убивать животное, — шепнул Бронски. — Не кошерный. Но оно вряд ли для еды, так что разницы нет.

Иисус прошел кровавую лужу, остановился, подобрал голову с пола и высоко поднял. По рукам и плечам его бежала кровь. Потом он нагнулся, приставил голову к телу барана и встал. Подняв глаза к небу, он что-то беззвучно сказал одними губами, снова наклонился, провел пальцами по разрезу и выпрямился. Потом отступил на шаг.

Баран неуверенно поднялся на ноги. Голова не отвалилась.

Иисус наставил на него палец, и животное потрусило обратно в клетку. Дверь закрылась, два буксировщика и человек с топором скрылись в тень вместе с клеткой.

— Йа Иешуа га-Мешиха!

В вопле толпы смешалось благоговение и триумф.

Бронски впился в руку Орма:

— Смотри, кровь исчезает!

Так и было. Красная жидкость вскипала и пропадала. За двадцать секунд пол, хитон и человек в нем стали чисты, как до начала бойни.

Иисус поднял руки и сказал что-то на иврите — наверное благословение. Потом он вышел, и больше в этот день Орма его не видел.

Бронски, потрясенный не менее своих спутников, все же сохранил иудаистское любопытство:

— Интересно, придется ли ему пройти ритуальное очищение после того, как на него пала кровь? Или потому, что он — Мессия, все его деяния кошерны по определению? Или потому, что кровь испарилась и он чист физически, на нем не было скверны? Или как?

ГЛАВА 16

Наблюдатель, оглядывающий пещеру после «заката», не увидел бы ни одного огня — только светились окна в двух домах язычников и витал под куполом бледный шар.

И вдруг засияли огоньки в каждом окне — будто сказал Господь: «Да будет свет!» Это мужчины засветили в каждом доме лампы, где горел жир «чистых» животных. При свете этого пламени совершалось вечернее молебствие — мужчины возносили хвалу Создателю, а семьи их стояли у окон.

Потом загасили фитили и включили электричество, семьи сели за торжественную праздничную трапезу, и радость струилась, как вино.

В доме Ширази, где ужинали все четверо землян, было оживленно, но не радостно.

— И вообще это могла быть не овца, а робот! — утверждала Мадлен Дантон. Она бро-

сила вилку возле тарелки, где давно уже осты-
ла еда. — Да по-другому просто быть не может.
Это единственное разумное объяснение, а не-
разумных я слушать не желаю!

— Сама ты неразумна, — ответил ее муж. —
Разве можно сделать такого робота?

— Для нас — нет. Но они далеко нас обо-
гнали.

— Ты еще скажи, что Иисус робот. Или что
все марсиане вообще.

— Не нужно столько сарказма, Надир. И не
смотри на меня так, будто у меня приступ па-
раной.

— Я бы так не сказал, — ответил Ширази. —
Что я бы сказал, так это то, что тебе не хвата-
ет научного подхода. Ты слишком упряма. И не
только в этом деле.

Надир все еще злился, что Мадлен отказа-
лась готовить еду для семьи. Она заявила, что
это его обязанность не меньше, чем ее. И вооб-
ще она готовить не умеет.

— А еще биохимик! — сказал тогда Надир с
презрением.

Они рассмеялись и потому не поссорились.

— Ладно, я-то не робот, — вмешался Орм. —
И я точно знаю, что никакие механические или
электрические устройства для моей левитации
не применялись. Если у этих людей и есть анти-
гравитация, то на мне антигравитационных ус-
тройств в любом случае не было.

Мадлен снова взялась за вилку, глянула на остывшее мясо, вареный картофель и спаржу и отложила вилку опять.

— У них должны быть какие-то силовые лучи.

— Их бы я точно почувствовал, — рассмеялся Орм.

— А испарившаяся кровь? — напомнил Бронски.

— Химическое соединение или смесь, — стояла на своем Мадлен

— Послушай, — сказал Орм, — разве ты не почувствовала, что этот баран живой?

— Ничего я не почувствовала!

— Ты вообще ничего не чувствуешь, — резко сказал Надир. — Я это стал замечать последнее время.

— Воздержимся от перехода на личности, — холодно заметила Мадлен.

Надир раздраженно и резко встал и вышел из дому широкими шагами. Он от души хотел бы хлопнуть дверью, но гидравлическая система такого не позволяла.

— Не знаю, что мне с ним делать, — сказала Мадлен. — Мы бы вполне с нимладили, если бы не это... вокруг Иисуса...

Орм и Бронски промолчали. Их тоже не обошли проблемы, волнующие иранца. Но неприятие Надира было куда сильнее — он же был мусульманином.

В конце концов, Бронски был воспитан в ортодоксальном иудаизме, и вернуться к вере отцов ему было проще. Орм бы христианином, и пусть ему даже придется стать марсианином, он все равно останется христианином, хотя вряд ли большинство землян его таковым признает. Пока что, мрачно подумал он.

Надир Ширази, как и эти двое, тоже был ошеломлен очевидностью, что человек, известный как Иисус Христос больше чем человек. В его религии Иисус был великим пророком — величайшим до появления Мухаммеда. Ни один набожный мусульманин не позволил бы себе пренебрежительного упоминания об Иисусе. Что раздражало мусульман в христианах — это то, что они обожествляли Иисуса. Он не был сыном Бога от божественного зачатия, не был сам Богом, и никакой Святой Троицы на свете нет.

Но вот человек, по всей видимости тот самый Иисус, отрицающий свою божественность и девственное рождение. Однако он сын Бога, пусть даже приемный сын Его. Он был воскрешен, хотя священный Коран мусульман отрицает, что он вообще умер на кресте.

А главное, что мешало обратиться — для этого пришлось бы стать евреем. Мухаммед в борьбе за свою религию был предан пустынными племенами иудеев, состоявшими в основном из новообращенных арабов, и так родилось давнее

и стойкое предубеждение против евреев. Но Пророк назвал евреев в числе Людей Книги, Ветхого Завета, который Пророк почитал. А терпимые вожди мусульман раннего средневековья, особенно на Иберийском полуострове, позволяли евреям молиться, как им вздумается, и даже назначали их своими визирями. Высоко почитались еврейские философы и ученые. Но конфликт обострился и углубился в связи с сионизмом, палестинским вопросом и возникновением Израиля. Этот конфликт носил в той же мере экономический и политический характер, что и религиозный, но для мусульман дело было прежде всего в религии. Ширази был не арабом, а иранцем, и его страна до последнего времени не была вовлечена в прямую войну с Израилем. Но большинство иранцев сочувствовало своим единоверцам-мусульманам, так что быть мусульманином означало ненавидеть евреев.

Ширази без труда мог подружиться с Бронски. Человек высокообразованный, он скептически относился к буквальному истолкованию Корана. В Иране у него хватало осторожности держать свой скепсис при себе, высказываясь разве что в обществе друзей-единомышленников. Ему даже пришлось в конце концов покинуть страну — он не мог вынести подавления свободы слова и арестов своих друзей за недостаток веры.

Да, он мог дружить с отдельными евреями, но в нем по-прежнему жила глубокая антипатия к их религии. Он мог признать, что это отношение в основе своей эмоционально, и все же эти рефлексy были выше рациональности. И, сознавая это, Ширази все же был не в силах ничего изменить.

Сейчас же перед ним, мусульманином, появилось неопровержимое доказательство, что иудаизм — истинная религия. Как могло быть иначе, если эта религия представила ему живого Иисуса, которого Ширази, согласно Корану, считал горсткой истлевших костей в скальной гробнице, ждущих всеобщего воскрешения в последний день? Признав, что Иисус тот, кем себя объявляет, Ширази все еще терзался противоречиями. И битва в его душе шла столь же яростная, как в душе Мадлен, хотя боролись там другие силы.

Собственная гражданская война была и у Орма. И казался очевидным способ, как ее прекратить. Всего только и нужно, что пойти к ближайшему раввину и сказать, что хочешь обратиться в веру. И разумом, и чувствами Оорм склонялся к этой мысли. Но что-то в душе восставало против этого, рождало мощное глубинное противотечение. Что это было — Оорм не знал. Быть может, то, что он слышал когда-то об Антихристе — лже-Христе, который появится перед днем Страшного Суда. Об этом он

читал в Библии, слышал в проповедях, и много говорили об этом его родители.

Сказано было, что многие примут Антихриста за истинного Христа. Уж не был ли им Иисус?

Орм не знал и не мог ни подтвердить этого, ни опровергнуть. Мог он положитьсь лишь на свою веру, или, говоря другими словами, на интуицию. Если он истинный христианин, он должен суметь увидеть правду за фасадом, определить, настоящий перед ним Иисус или ложный.

Да, быть может, дело было в этом. Не настоящий он христианин. Может быть, он и умеет произносить молитвы от всего сердца, но этого мало.

Молчание длилось. Орм неожиданно встал:

— Пойду пройдуся. А то сидим как на похоронах. Хочу посмотреть на живых людей.

Бронски тоже поднялся:

— А я домой. Прости, что так вышло, Мадлен. И спасибо за ужин.

— Похоже, все мы немного тронулись, — ответила она. — И ничего в этом странного. Мир вокруг сумасшедший.

Орм тоже поблагодарил за ужин и вышел. До середины улицы Бронски дошел с ним.

— Хочешь пройтись со мной? — спросил Орм.

— Да нет. Мне надо кое-что продумать. Или прочувствовать — не знаю, как сказать. Как бы там ни было, пропустить через голову.

— Да, если мы сбиты с толку и растеряны, то у нас хорошая компания. Миллиарды жителей Земли.

— Их это не так трогает, как нас. Они это видят по телевизору, а мы-то здесь живем. Одно дело — получить пулю, другое — смотреть, как пристрелили актера в телесериале.

Они попрощались, и Орм пошел дальше. Улица освещалась лишь светом из окон и «луной». Она, правда, светила куда ярче полной земной луны. Полоска тьмы по краю диска имитировала спутник Земли в последней четверти. Когда-то, увидев такое впервые, Орм поинтересовался, зачем это нужно. Ему ответили, что фазы здешней луны точно совпадают с фазами луны в Палестине. Таким образом сохраняется график древних праздников, хотя и с некоторыми изменениями. Здесь ведь три сезона жатвы, и потому приходится приспосабливаться.

Но «солнце» всегда было полуденным, и земные церемонии, привязанные к солнцестоянию, здесь за ним следовать не могли. Однако календарь у марсиан был привязан к земному году, и сутки по длительности совпадали с земными. Единожды в год праздновались Пасха и Йом-Киппур, и трижды в год — праздник Кущей.

Вот это, сказал как-то Орм, куда разумнее, чем имитировать фазы луны. Освещение было бы лучше. Ша'ул ответил, что да, правда, но

свет им не нужен. После наступления темноты большинство народу сидит по домам во все дни, кроме праздников. А выходя, можно взять с собой фонарь.

Сейчас, идя по улице уж никак не окраинной, Орм обнаружил, что он почти совсем один. Мелькнуло несколько велосипедистов, проехала конная повозка, прошла пара пешеходов и пролетел автомобиль — больше никого он за час прогулки не встретил.

Орм уже собирался повернуть домой, как заметил муниципальную автостоянку. Почему бы и не покататься? Он сел в ближайшую машину — длинную, с тремя рядами сидений. Через минуту он ехал по магистрали, пробивая темноту светом фар. Проехав так минут пятнадцать, Орм свернул на дорогу, ведущую к какой-то деревне. Света луны хватало, а поскольку скорость он держал не больше десяти миль в час, фары можно было выключить. Приятно было скользить, словно призраку, под кронами обступивших дорогу деревьев, минуя дома, где из открытых окон вырывались мелодии, взрывы смеха, обрывки разговоров. Однажды на дороге показалось что-то большое, и Орм затормозил — это была неспешно переходившая улицу корова. Какой-то забывчивый фермер не запер ворота. Это было приятно, а то у Орма создавалось впечатление, что здесь люди никогда не ошибаются, и собственное несовершенство ощущалось

острее. Нет, Марс — не был остров Утопия, и марсиане — обыкновенные люди. Им свойственна большая склонность к добру, но и они бывают забывчивыми или небрежными.

Чуть позже Орм проехал мимо дома, откуда доносились громкие сердитые голоса. Перед окном стояли мужчина и женщина, потрясая друг у друга перед носом указательными пальцами.

Еще одно напоминание: они не совершенны, они не роботы. Разница в том, что здесь спор наверняка не закончится ни дракой, ни убийством. Если предмет спора серьезен и договориться самим не удастся, они пойдут к окружному судье, и тот решит вопрос. Так требовал обычай, а обычаи здесь уважали.

Хорошая черта у марсиан — соблюдать хорошие обычаи и забывать плохие. Что помогает жить, то и правильно — и нравственно. По большей части, по крайней мере.

А на Земле такая система работала бы?

Здесь она была эффективна, потому что был этот человек на солнце, и он внимательно следил за людьми, и они это знали. Здесь на практике, а не в теории глава государства и семьи был богом.

На Земле Иисуса не было. Живого Иисуса, во всяком случае.

Проехав деревню, Орм прибавил скорости и помчался по сельским дорогам, если так можно сказать о скорости тридцать пять миль в час.

Лунный свет покрыл обочины белыми пятнами и черными тенями. Тьма, свет, тьма, свет. Символ его жизни здесь. И на Земле тоже. Будет ли в конце дороги великий белый свет, что обоймет весь остальной свет этого мира?

Свет нашелся. Это был не слепящий, но яркий свет, и был он самым ярким из всех, если не считать луны, с тех пор как Орм выехал в свой бесцельный путь. Он исходил из длинного большого дома довольно далеко от дороги, окруженного с трех сторон густыми деревьями. Большие лампы под карнизами крыш освещали автостоянку перед самым домом. Там оказалось не меньше двадцати автомобилей, шесть велосипедов и две телеги.

Окон не было, а единственная высокая дверь была закрыта. Орм остановил машину. Похоже, внутри шла вечеринка. Войти ли ему? Орм был уверен, что его приветливо встретят всюду, кроме разве что нескольких правительственных зданий. Вдруг ему надоело одиночество. Ни прогулка, ни поездка не помогли разобраться в себе. На самом деле он почти об этом и не думал. Собирался ведь, но так и не собрался.

Пока он раздумывал, дверь распахнулась. Оттуда долетел грохот музыки и смех, ветер донес аромат вина и чего-то покрепче. В проеме стоял человек. За ним виднелись столы с

сидящими за ними людьми, в глубине комнаты танцевали пары.

Человек вышел на свет.

— Филемон? — окликнул его Орм.

Человек оглянулся и зашагал через стоянку к дороге. Черное лицо Орма блестело под луной. Филемон остановился, провел рукой по кудрям. Что-то сказал про себя — Орм не слышал. Потом отозвался:

— Ричард Орм! Как ты нас нашел?

— Случайно. Просто ехал мимо и увидел эту стоянку автомобилей с велосипедами. Подумал, что тут вечеринка. А мне стало что-то одиноко, вот я и...

Филемон обошел вокруг машины и посмотрел в обе стороны вдоль дороги.

— Ты уверен, что за тобой никто не следил?

— Да нет. А зачем?

— Неважно. Подъезжай и поставь машину у ворот.

Молодой атлет сел рядом с Ормом, нагнулся поближе, обдав запахом алкоголя.

— Я бы раньше тебя сюда привез, но ты слишком заметен с этой черной кожей и курчавой щетиной. И к тому же я не знал, как ты отреагируешь.

Орм свернул на стоянку.

— Ты это о чем?

— Неважно. Давай за мной.

Орм, гадая, где Филемон раздобыл крепкий напиток — он и не знал, что здесь его делают, — вошел в дом. Филемон закрыл за ними дверь. В уши ударила музыка, в нос — запах вина и крепких напитков, а еще — вспотевших тел. Орму не было неприятно: это было как на земной дискотеке — не хватало только запаха табака, и это было хорошо.

Заметив Орма, люди прекратили разговор. Оркестр же лишь на секунду сбился с такта. Филемон помахал рукой — дескать, все в порядке, — и разговоры возобновились. Как подзревал Орм, в основном о нем.

Атлет провел его к круглому столику с узкими стульями вокруг; три стула были незаняты, на четвертом сидела черноволосая красавица. Филемон сел рядом, пригласил сесть Орма и представил свою подругу:

— Дебора бат-Эль'азар. Она тебя, разумеется, знает.

Девушка не удивилась. Подернутые дымкой глаза и запах алкоголя свидетельствовали, что сейчас она мало на что могла бы реагировать.

Увидев выражение лица Орма, Филемон усмехнулся:

— Она перебрала, как всегда.

Орму трудно было поверить, что такое заведение может существовать. Аналог подпольного бара в Америке тысяча девятьсот тридцатых.

Грозовым голосом Филемон проорал заказ бармену, и вскоре официантка в прозрачном платье принесла два бокала. Темноволосая женщина возразила, хотя и слабо, что тоже еще бы выпила. Филемон ответил, что с нее хватит, и она вновь впала в ступор. И тут же заснула, уронив голову на стол.

Орм попробовал пурпурный коктейль. Похоже на виски «бурбон» с гранатовым соком и примесью тоника.

— Где вы это берете? — спросил он.

— Делается из пшеницы и других ингредиентов нашим уважаемым хозяином. Пей, отличная штука.

Первый глоток пошел не гладко, но дальше стало легче. В животе согрелось, и появилось одновременно чувство отключенности и подъема.

— У-ух!

— Точно подмечено, — сказал Филемон. — Именно у-ух!

— Я что-то не понял, — сказал Орм. — Это противозаконно?

Он показал рукой на все помещение.

— Вообще-то да. Но так уж вышло, мой курчавый друг с далекой и порочной Земли. У нас, понимаешь, тоже бывает депрессия или досада, а у некоторых она всегда есть, и тогда мы приходим вот в такое место — а их в одной только нашей пещере штук двенадцать — и напиваемся

и кое-что еще делаем такое, за что старшие наши не похвалили бы. Ох, не похвалили бы!

Орм взял второй бокал и показал рукой на пару в дальнем углу. Они держали руки друг у друга под одеждой, и губы их слились.

— Вроде этого?

Филемон посмотрел и невинно мигнул:

— Вроде. И больше.

Он старался говорить четко, но язык у него чуть заплетался.

Глотнув еще коктейля, Орм спросил:

— Эти двое скоро пожениятся?

— Н-не об-язательно.

— Так вы, юные мятежники, приходите сюда выпустить пар? Я-то думал, что вы умеете владеть собой. Как же ты держишь спортивную форму?

Филемон допил бокал и крикнул, чтобы принесли еще.

— Ближайшие два месяца соревнований не будет. Я сюда прихожу — отдохнуть прихожу. Фор... форму набрать успею... успею еще.

Орм потряс головой:

— Как я лопухнулся! До чего же был наивен. Я и в самом деле поверил, что тут каждый ведет себя, как от него ожидают. А тут... А что будет, если вас поймают?

Официантка принесла еще два бокала. Дебора вдруг проснулась, уставилась на стол и по-

тянулась за бокалом. Филемон отвел ее руку, и она заснула вновь.

Он отпил половину бокала и ответил:

— Публичный позор для всех нас. Дома... черт возьми!.. домашний арест. Куча нотаций. Мне на соревнования запрет на год, а когда можно будет появиться на публике — полоса пепла на голове на месяц. Но дело того стоит. Не, ты посмотри на эту пьяную Дебору. Ну как с ней трахаться?

— Да, — сказал Орм. — Есть, значит, мухи в струе галаадского бальзама.

— Знаешь, — сказал Филемон мрачно и торжественно, — никогда не видал я мухи. Читал про них. Картинки видел. Но по-сто... по-настоящему — не знаю, что такое муха.

— Приедешь на Землю — увидишь. Я тебе это организую.

Возбуждение проходило, сменяясь разочарованием. Орм сказал себе, что для этого нет оснований. Марсиане — не ангелы, а просто люди. Нельзя ждать, чтобы все жили по провозглашаемым высоким этическим стандартам. Но вот так, живя под самым оком Мессии, зная, что он тот, за кого себя выдает, или даже некто больше, имея перед глазами его пример, как можно так себя вести? Как можно даже этого хотеть?

Конечно, в каждой корзине есть гнилые яблоки.

Хотя эти завсегдатаи марсианского подпольного бала и не были по-настоящему гнилыми. Что они делали здесь, на Земле считалось бы самым обычным делом всюду, кроме разве что самых пуританских городов. Они не были ни плохи, ни порочны. Просто была разница между этими людьми и большинством населения.

Музыка смолкла. Прекратились бешеные прыжки и вращение танцоров, кое-кто из них попал на пол, кто-то зашатался, кто-то пополз. Оркестранты выступили из ниши. Орм впервые обратил внимание на флейтистку, ранее скрытую за спинами других.

Он вскочил так резко, что чуть не опрокинул качнувшийся стол. Бокал Филемона подпрыгнул и свалился на пол. Дебора соскользнула со стула с деревянным стуком.

Орм вытаращил глаза, потом крикнул:
— Гультхило!

ГЛАВА 17

— Глазам своим не верю! Как ты здесь оказался?

Она махнула рукой, чтобы принесли выпить, и села рядом с ним. Официантка подала ей бокал и наполнила бокал Орма. Филемон с негодующим видом неуверенно поднялся и отошел к бару.

— Я тут остановился по чистой случайности, — ответил Орм. — А ты в этом месте за всегдатай?

— Да нет, здесь я тоже случайно. Но есть и другие такие места.

— Зачем?

— Зачем другие места?

— Ты понимаешь, о чем я.

Она взяла со стола его руку и поцеловала.

— Потому что мы любим ходить в такие места и давать себе волю. Потому что весело напиться

до чертиков и флиртовать, а иногда и заниматься любовью. Улучшает самочувствие, хотя и временно. И нам нравится... ну устроить иногда эскападу...

— Это ребячество.

— Да? Ну, как говорил Иешуа: «Если не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное».

Она подняла бокал:

— Ну, за детей. И за неясность его слов.

Орм был шокирован.

— Ты ведь не всерьез?

— Да ты посмотри на себя! Сидишь здесь, пьешь крребхрт и наслаждаешься компанией Сынов и Дочерей Сумрака. Непохоже, чтобы ты хотел на нас донести.

— Сумрака?

Она еще глотнула, сказала «ох-х!» и помахала рукой перед открытым ртом.

— Обжигает, правда? Да, Сынов и Дочерей Сумрака. Мы не Сыны и Дочери Тьмы, как сам понимаешь. В нас нет настоящего зла. Мы просто развлекаемся, хотя я знаю многих, кто усомнится в том, что это развлечение. Да, мы ведем себя не так, как Сыны Света, но мы и не уподобляемся Сынам Тьмы. Мы — Сумрак. Промежуток. По крайней мере здесь. А остальное время...

— Воды не замутите.

— Так говорят на Земле? — рассмеялась она. — Что ж, точное слово.

Орм вздохнул и выпил еще.

— Разброд и шатание в Небесах, — сказал он.

Что-то привлекло его внимание, и он повернулся. Вошла пара крещийцев — мужчина и женщина, направляясь к столу в дальнем углу. Они уже явно успели выпить по пути.

— И крещийцы тоже, — заметил Орм.

— А почему нет? — отозвалась Гультхило. — Они разумны, следовательно, ничто человеческое им не чуждо. Послушай, мы не безнадежно испорчены — умеренно плохие. И грехи наши невелики — он простит нас. Это если поймает.

— А если поймает? Вам придется пройти через этот страшный позор?

Она снова выпила.

— Разница между нами и вами, грешниками Земли, заключается, когда приходит время расплаты. Я слыхала, что вы не очень-то любите отвечать.

— Со времен родительского дома не слыхал я разговоров о грехе и грешниках. Даже приятно вспомнить молодость.

Гультхило положила руку ему на плечо.

— Ну ты как, надумал? — спросила она.

От ее прикосновения Орма пробрала дрожь, но он отстранил ее руку. Почти машинально подняв бокал, чтобы выпить еще, Орм поставил

его на стол, не отпив ни капли. Алкоголь готов был смыть все внутренние запреты. Еще глоток — и он позовет ее в кусты, а это то же самое, что предложить руку. Или нет? Что она там говорила насчет заниматься любовью?

— Слушай! — со злостью сказал он. — Так ты соблюдаешь со мной целомудрие, чтобы я на тебе женился? И все это время, пока ты мне рассказывала, как меня любишь и как желаешь за меня замуж, у тебя не было любовников?

Она рассмеялась:

— Что я смелая и бесшабашная — я тебе говорила. Чего я тебе не скажу — это были ли у меня любовники. К моей любви к тебе это отношения не имеет. Но если даже и были, я бы хранила тебе верность после свадьбы. А ты опять уходишь от ответа.

Он промолчал. Она снова выпила, снова рассмеялась и сказала:

— Да ты ревнив!

— Ладно, ревнив. Ну и что?

Наступила долгая пауза. К столу подошел высокий мужчина с каштановой бородой.

— Перерыв кончается, Гультхило. Ах'хаб сегодня хочет закрыться раньше. Еще три пьесы — и уходим.

— А без меня вы не можете? — спросила Гультхило. — Мы тут разговариваем насчет пожениться.

Руководитель оркестра удивился, но отошел, кивнув.

— Давай-ка уберем препятствия, которые тебе мерещатся, — предложила Гультхило.

— Мы уже это обсуждали... — начал Орм и умолк.

Неподалеку стояли разделенные столом двое мужчин, изрыгая в адрес друг друга оскорбления и угрозы. Очевидная причина этой стычки, пышногрудая рыжая девица, пыталась их успокоить — разумеется, без успеха. Вдруг один из мужчин, широкоплечий и чернобородый, с зелеными глазами, перегнулся через стол и схватил противника за хитон. Тот, чуть потоньше, голубоглазый блондин, ударил нападавшего по лицу. Рыжая завизжала и бросилась под стол. Стол перевернулся, и дерущиеся покатались по полу.

Орм вскочил со стула и отступил на шаг. Кто-то, бегущий на помощь одному из дерущихся или бросившийся разнимать драку, врезался в спину Орма так, что тот растянулся на полу. Вывернувшись, он успел заметить, как Гультхило въехала нападавшему ногой в ребра. Тот взлетел в воздух по дуге более длинной, чем в условиях земного тяготения, и столкнулся с барменом, как раз вскочившим на стойку бара.

На Гультхило, выставив скрюченные пальцы вперед, налетела черноволосая женщина. Блондинка вдвинула ее кулаком в живот, и

ту стошнило прямо Гультхило на платье. Другая женщина — несомненно, подруга пострадавшей брюнетки — обхватила Гультхило сзади за шею согнутой рукой и уперлась ей коленом в спину.

Орм кузнечиком вскочил с пола, пролетел по воздуху и приземлился точно за спиной у душительницы. Не успел он ее схватить, как кто-то ударил его по голове. Оглушенный Орм свалился, но успел лягнуть нападавшего по ногам снизу. Тот, завопив от боли, упал на четвереньки. Орм ударом ноги в подбородок вывел его из строя.

— Без насилия! Без насилия! — кричал бармен. Из носа у него текла кровь, а одно ухо было как жеваное. Его противник, окровавленный не меньше, ползал по полу, тряся головой.

На эти призывы никто не обратил внимания. Сомнительно, чтобы кто-нибудь, кроме Орма, их услышал. Весь зал превратился в побоище. Орм неуверенно поднялся и поискал взглядом Гультхило. Через минуту он ее заметил. Она сидела на груди у брюнетки и колотила ее головой об пол.

Орм стал пробираться к ней. Какая-то женщина вцепилась ему зубами в икру. Орм нажал костяшками пальцев ей на темя, и она отпустила хватку. Страхнув ее, Орм направился дальше.

Оторвать Гультхило от ее наполовину оглушенной жертвы оказалось непросто. Она виз-

жала, вырывалась, царапалась, пока не сообразила, кто он такой.

— Выбираемся! — крикнул он и стал пробиваться к двери.

— Зачем? — крикнула она в ответ, все еще отбиваясь. — Здесь весело!

— Давай скорей, пока тут никого не покалечили и не убили!

— Ууау! — взывала она, вцепляясь в ухо кому-то из дерущихся на полу мужчин. Тот вскинул руку, и его противник, воспользовавшись моментом, ударил его кулаком по горлу.

Разозленный Орм пихнул Гультхило вперед. Она споткнулась и упала на колени. На нее с проклятиями свалились двое мужчин. Одного она схватила за половые органы и стиснула. Тот завопил и откатился, извиваясь. Другой без всякой галантности съездил ей рукой по лицу так, что она упала на пол и перекатилась. Орм ударил его ногой в подбородок.

Гультхило была наполовину оглушена, и Орм смог тащить ее дальше без протестов с ее стороны. Он был уже рядом с дверью, когда гвалт схватки пререзал звук трубы. И сразу забарабанили в дверь. Кто-то заорал:

— Остановитесь! Полиция!

Наступившее молчание нарушали только отдельные стоны и всхлипывания.

Снаружи заливались свистки. И снова удар в дверь:

— Откройте, именем закона!

Бармен Ах'хаб бросился к двери и заложил ее здоровенным железным болтом. Повернувшись, крикнул:

— Все за мной! Подберите раненых!

Подбежав к двери возле оркестровой платформы, он остановился в проеме и махнул толпе. Орм помог Гультхило подняться на ноги. На минуту образовался затор — все хотели пролезть в дверь одновременно. Потом затор прорвало, и Орма вынесло в широкий, но короткий коридор. Хозяин что-то сделал у дальней стены, и она скользнула вниз. За ней открылась узкая винтовая лестница. Она вилась в пробитом в камне колодце.

Орм помог Гультхило добраться до большой комнаты, в которую открывался туннель.

Ах'хаб не стал спускаться. С верха лестницы он крикнул:

— По туннелю, а потом бегите! Я остаюсь! Они уже в доме, так что мне не выбраться! Не бойтесь, я вас не назову!

Те, кто мог, ответили криками одобрения. И стена скользнула на место.

— Ладно, — сказал руководитель оркестра. — Сделаем, как он сказал. Когда выберетесь, я выключу свет и закрою дверь туннеля.

Гультхило могла уже идти сама и двинулась впереди Орма по освещенному туннелю. Примерно через сто ярдов туннель начал уходить

вверх. Вскоре он закончился люком над несколькими ступеньками. Крепкого сложения мужчина, который начал всю свалку, уперся в крышку люка спиной и напрягся. Люк медленно подался, с его краев посыпалась грязь, и крышка открылась.

Орм вышел и оказался под сенью большого дерева. Похоже было, что они где-то в середине леса. Неподалеку в пробивающемся сквозь ветви лунном свете сверкал ручеек. Ухнул филин, в темноте пробежала какая-то зверушка. Филин нырнул вниз и тут же взмыл с добычей в когтях.

— Вот это мы, — шепнула Гультхило. — А филин — полиция.

— Ты как туда приехала? — спросил Орм. — На машине или на велосипеде?

— На машине с друзьями. К счастью, мы постарались не оставлять отпечатков пальцев на случай налета. Но полиция будет знать, откуда машина, и будет расспрашивать всех в округе.

— У меня же на руле остались отпечатки пальцев! — застонал Орм.

— А ты просто скажи, что остановился поесть и никого здесь не знаешь. Тебя допросят, но ты держись своей версии. Вот Ах'хаб бедняга! Он сильно пострадает, да и семье великий позор.

— Он знал, что так может быть.

Группа, столпившаяся под деревом, начала рассасываться. Свистки приближались. Полиция скоро начнет прочесывать лес. Орм и Гультхило далеким кружным путем, немного поплутав, снова вышли на дорогу. Женщина сказала, что это та же самая дорога, что ведет к гостинице. Они пошли по ней, иногда переходя на бег, готовые при первом же проблеске света нырнуть в лес.

— Здесь мы расстанемся, — сказала Гультхило. — Мне по левой дороге. А ты иди прямо до шоссе. По нему свернешь налево, и скоро будешь в знакомых местах...

Она запнулась и закончила:

— Если только не хочешь пойти ко мне.

— Не надо. Не то чтобы мне не хотелось. Но у них есть мои отпечатки. Если они найдут меня у тебя, то будут знать, что ты была у Ах'хаба.

— И что?

Он понял, что она имеет в виду.

Схватив ее в объятия, он страстно ее поцеловал. Отпустив, сказал:

— Ладно. Мы поженимся.

Она заулыбалась, но спросила:

— Ты меня любишь?

— Либо да, либо просто тронулся. Одно из двух.

— Ты тронулся от любви.

Гультхило поцеловала его и сказала:

— Странное место и время для предложения. Но мне нравится. Шолом, Ричард.

Орм повернулся и побежал. Потом перешел на медленную рысцу. Лунный свет стал усиливаться — луна превращалась в солнце. И вскоре Орм уже бежал при полном свете дня. Идти пешком было бы глупо, и он стал искать автомобиль. Примерно через десять минут он увидел машину перед фермерским домом. Забравшись внутрь, он быстро запустил мотор и отъехал. Из дома вслед ему залаяла собака. Вдруг еще через десять минут что-то коснулось его правого плеча. От испуга он вильнул с дороги и чуть не въехал в дерево. Оглянувшись, он увидел человека на заднем сиденье у себя за спиной и нажал на тормоз. Машина скользнула в сторону и остановилась, зависнув передними колесами над кюветом.

— Иисусе! Ты меня напугал.

Потом пришла другая мысль:

— Как, во имя Ше'ола, ты сюда попал?

Человек в голубом хитоне одним движением перемахнул на переднее сиденье рядом с Ормом.

— Глупый вопрос. Прости, что напугал, но это было забавно.

— Из-за тебя мы оба могли разбиться насмерть!

— Это вряд ли. Езжай дальше.

Сердце Орма гулко колотилось, его трясло. Но все же ему удалось задним ходом выехать на дорогу.

Вскоре Иисус сказал:

— Полиция давно уже вас засекла — обоих, — но я попросил их пока вас не трогать.

— Спасибо, — сказал Орм. Он старался, чтобы это прозвучало небрежно, но голос его дрогнул.

— А можно спросить почему? — добавил он, помолчав.

— Можно. Арестов не будет. Ах'хаба бен-Рама тщательно допросят, но потом отпустят. Он будет так напуган, что закроет свое заведение или уж постарается, чтобы там не было ничего незаконного. Кое-кто из его завсегдатаев просто переберется в другие подобные места. Большинство же, надеюсь, поймет всю глупость такого образа жизни и остепенится.

Ты пойми, что полиция про эти места знает, и знает с тех самых пор, как они открылись. На самом деле ни одно из них долго не сохранялось в тайне за последние полторы тысячи лет. Такие заведения — вроде предохранительного клапана для бунтующей молодежи. Там они напиваются и делятся друг с другом мятежными мыслями. Иногда они даже задумывают какие-нибудь мятежные действия, но такие планы редко претворяются в жизнь. В противном

случае они резко пресекаются, а участники дорожного расплачиваются.

— Можно спросить, как именно?

— Можно. Жестоковейных мятежников посылают в одну пещеру, где они остаются до тех пор, пока полиция не будет уверена, что они воистину раскаялись. Этим учителей раскаяния контролирую лично. И, таким образом, обман здесь невозможен.

От холодка в голосе Иисуса у Орма по спине побежали мурашки.

— А что бывает с теми, кто не раскается?

— Лучше не спрашивай. Но даже попадает туда очень малый процент молодежи. Ты должен осознать, Ричард, что такая вещь, как истинное зло, существует. Как мне говорили, вы там, в социал-демократических странах, отказались от понятия добра и зла. Для вас все дело в ущербных людях, в плохих социальных условиях, или в неудачных родителях, или в неправильном воспитании. Коммунисты же считают, что неправильные мысли и действия являются результатом неправильной экономической системы и политически ошибочных теорий. Я прав?

— Вообще-то все это гораздо сложнее. Но по сути ты прав.

— Ну вот. А здесь, на Марсе, нет ущербных, нет плохих социальных, политических или экономических условий. Семейная жизнь — почти сплошная радость, а сурового родителя быстро

приводят в чувство остальные родственники. Если это не помогает, включаются соседи.

Такое положение нам удалось создать потому, что мы начали с очень маленькой общины. Людская ее часть вышла из разных рас и наций, но новая единая раса была создана всего за одно поколение. Здесь лишь один язык, одна религия, а еще у людей был перед глазами пример куда более развитых крешийцев.

После паузы Иисус добавил:

— И еще у них был я.

И, снова помолчав, сказал еще:

— И у Земли тоже буду я — в ближайшем будущем.

— Да простится мне моя дерзость, Рабби, — сказал Орм, — но Земля куда больше, чем Марс. Здесь тебе приходится присматривать всего за миллионом. А нас — десять миллиардов, и Земля — чудовищное разнообразие языков, рас, наций, обычаев и форм.

— Тебе простится твоя дерзость. И не будь ты таким скованным, держись свободнее.

— Не получается.

— Потому что я тот, кто я есть. При всем моем могуществе я не в силах заставить человека держаться при мне полностью свободно — разве что лишь одного. Такова цена за право быть Мессией, приемным сыном Всеблагого.

Орм собрался с духом:

— А кто этот один?

— Моя жена. А, вот мы и приехали. Здесь мой дом. Вон там, за тем домом с крышей, как луковица. Останови перед ним. Я мог бы левитировать прямо из автомобиля, но возле своего дома не люблю таких штук.

Орм настолько был поражен, что чуть не проехал мимо дома. Его пассажир вышел, сказал «шолом» и направился к двери. Дом был довольно большой, хотя и скромный для Мессии и приемного сына Бога. Полиции не было видно, и вряд ли она здесь пряталась.

Орм не смог сдержать любопытства. Он спросил:

— Рабби, если это можно. Два слова?

— Ради Бога, — улыбнулся Иисус.

Орм вышел из автомобиля и подошел к крыльцу.

— Ты ошеломил меня, Рабби. Я никогда не слышал, чтобы ты был женат. Это же просто невообразимо! Умоляю не считать мои слова оскорбительными, но...

— Все это потому, что вы, христиане, считаете меня божественно зачатым Духом Святым сыном, а потому — Им самим. Еще у вас есть идея, что я осквернил бы себя сношением с женщиной. Это, как мне говорили, исходит в основном от человека, которого вы называете святым Павлом. Это его идея, что человек не должен жениться, если может «вместить», пользуясь его странным выражением. Он считал,

что второе пришествие будет при его жизни, а потому нет смысла жениться и заводить детей.

Я не могу поставить ему это в вину, поскольку сам в этом несколько виноват. Я тоже думал — ошибочно, — что близок день всевышнего гнева, и обещал своим ученикам, что некоторые из них еще будут живы, когда он настанет. Что до моего целомудрия на Земле — я тогда считал, что жена свяжет меня, а сама будет несчастна и подвергнется великой опасности.

Но пусть я и Мессия, я — человек и мне свойственно ошибаться. И сексуальные желания тоже свойственны.

Иисус открыл дверь и спросил:

— А почему бы тебе не войти и не позавтракать со мной? Могли бы еще побеседовать. Я все равно собирался кое о чем поговорить с вами четверьмя, но ты сможешь передать им мои слова.

Орм вошел, все еще растерянный, склонив голову и глядя исподлобья. Мебель в гостиной была хорошей, но не роскошней, чем в любом виденном им здесь доме.

— Мириам! — позвал Иисус.

Через минуту вошла высокая смуглая женщина в алом с голубым хитоне. Лицо ее было красиво, хотя Орм видал и получше. Фигура у нее была подчеркнута женственной: большая грудь, тонкая талия, очень широкие бедра и,

если судить по лодыжкам, довольно толстые ноги.

Она поцеловала Иисуса, и он обратился к ней:

— Мириам, у нас к завтраку гость. Он знает, кто ты, а ты, несомненно, знаешь, кто он.

— Счастлива нашим знакомством, — сказала жена Иисуса. — Да пребудешь ты в добром здравии. Завтрак будет подан через пять минут.

Иисус слегка улыбнулся:

— Ты все еще не в силах это воспринять. Ричард, я — человек, и хотя я мог хранить целомудрие и чистоту на Земле, поскольку там я был очень недолго, я не могу хранить целомудрие здесь, хоть я и чист. Да и к тому же добрые женщины из моей паствы осудили бы меня — за глаза, конечно — если бы я не женился. Они же еврейки! А дом считается счастливым, лишь если под его крышей живет женщина. На Земле у меня не было дома. Там я был странником, предназначенным нести свою весть.

— Но... а как же дети?

— От них я воздерживаюсь. Я живу дома лишь несколько дней каждый месяц, а детям нужен отец, проводящий с ними все дни. Мириам удовлетворяет свои материнские чувства, работая в школе учительницей. Когда мы женились, она знала, что у нее не будет потомства. И она знала, что видеться мы будем лишь время

от времени, но на это она шла. Восторг от пребывания со мной во время моих кратких визитов более чем искупает долгое одиночество моих отлучек. А я с ней счастлив.

Теперь же омоем лица и руки наши. Недостойно вкушать милость Творца грязными руками, хотя бывают времена, когда это позволительно.

— Да, я читал твои слова на эту тему, — ответил Орм.

ГЛАВА 18

Очень было неловко есть еду, которую подает тебе Иисус, но древний обычай, что хозяин должен служить гостям, соблюдался даже в этом доме. Завтрак был обилен и вкусен: мускусная дыня, виноград, хлеб, мед, баранина, говядина и вино. Хотя марсиане и хранили в криогенных хранилищах кофейные кусты, все еще жизнеспособные, их никто не выращивал. Орм спросил у Хфатона, нельзя ли ими воспользоваться, и тот пообещал узнать, что можно сделать. Пока что Орм ни о каком прогрессе в этом вопросе не слышал.

Мириам ела вместе с мужчинами, но подавала себе сама. Ела она быстро и отправилась за покупками на рынок, когда мужчины еще только добирались до середины меню.

Поедая хлеб с медом, Иисус сказал:

— Я ожидал, что вы четверо попросите о приеме в Братство Сынов Света. То есть в

иудаизм. Но до сих пор такой просьбы от вас не было. Что же вас сдерживает? Жесткость сердец? — Он прожевал кусок, проглотил и продолжал: — Или вы все еще не убеждены, что я — Мессия? И моя мощь — это всего лишь видимость, и я пытаюсь вас надуть?

Еда в животе у Орма стала куском железа. Хотелось бы ему уйти от этой серьезной темы и просто наслаждаться завтраком, но, кажется, не было способа уклониться от ответа. Сказать Иисусу, что он предпочел бы другое время для этого разговора, просто не хватало духу.

— Трое из нас полностью убеждены, что твоя демонстрация была истинной. Для четвертого еще продолжается этап поиска рациональных объяснений, но...

— Для четвертой. Мадлен Дантон.

Это не был вопрос.

— Да. Можно спросить, откуда тебе известно?

— Мне ведомы души всех вас.

— Тогда, — сказал Орм, — тебе нет нужды спрашивать, что нас держит.

— Я знаю ваши души, то есть характеры, но не могу — или не стану — читать в умах.

— Я полагаю, — медленно начал Орм, — что наши колебания вызваны нашим воспитанием в традициях различных религий. Никто из нас не был готов к тому, что мы здесь увидели. То, во что нас учили верить, так далеко, так противो-

положно этому, что нам... э-э... трудно принять увиденное. Было бы куда легче, мне кажется, принять нечто полностью чуждое нашим верованиям. Но здесь... что-то совпадает с тем, чему учат наши религии. А другое... оно противоречит... то есть я хочу сказать...

— Это странно. Хфатон говорит со слов Бронски, что вашим ученым давно известно, что священные тексты полны интерполяций, подделок, вставок, что большинство ваших догм основаны на неправильном толковании, намеренном или случайном. Ваши священные тексты набиты противоречиями, которые можно разрешить лишь отчаянными и нелогичными натяжками.

— Да, но очень немногие об этом знают. Или хотят знать. Должен признать, что я был одним из них.

— И остался, — сказал Иисус. Он отпил вина и заговорил: — Еще Бронски говорил об Антихристе. Возможно, это тебя беспокоит. Я не полностью понял все его ссылки и потому попросил земное правительство — твоей Канады — прислать мне полностью текст Нового Завета. Конечно, греческий оригинал.

Ну и сенсация была, подумал Орм. Иисус Христос просит прислать ему текст Евангелий!

— Еще мы попросили Израиль прислать нам полные тексты священного писания евреев. Хотим сравнить их с нашими.

Вошел большой темно-рыжий длинноногий кот с тигровыми полосами на морде, на лапах и на хвосте. Он мяукнул и вспрыгнул на колени к Иисусу. Иисус почесал кота за ухом, и золотистые глаза уставились на Орма, не мигая.

Иисус улыбнулся, будто вспомнив понятную ему одному шутку, и сказал:

— Конечно, может быть, я не тот, за кого себя выдаю. Может быть, я тот Антихрист, о котором писал человек, называемый вами Иоанном Богословом. Кстати, это не тот Иоханаан, который был одним из моих двенадцати учеников?

Орм откашлялся.

— Вообще считается, что так и есть. Но Бронски говорит, что это не доказано.

— Это и неважно. По цитатам, которые приводит Бронски, видно, что у него потрясающее поэтически-апокалиптическое видение. Когда Иоанн говорит о семиглавом Звере и великой блуднице вавилонской, он несомненно имеет в виду Римскую империю. И он был уверен, что пришествие Мессии и День Суда наступит при его жизни. Правда, тогда и я так думал.

Однако это вне нашей темы, хотя и интересно само по себе. Так как там с Антихристом? Если он есть, то должен быть и Христос, Мессия. Ты уверен, что Христос существует? Или

ты, в самой глубине сердца своего, думаешь, что он — легенда?

— Нет, — хрипло сказал Орм. — Я так не считаю. Я верю в Иисуса Христа, моего спасителя, избавителя человечества.

— Отлично. Итак... я могу оказаться его великим антагонистом.

Иисус улыбался, будто его забавлял этот разговор.

— Рассмотрим и другие возможности. Является ли Антихрист тем дьяволом, тем Сатаной, которого, если верить Бронски, так часто упоминает Новый Завет?

Орм прочистил горло и отпил вина, стараясь избавиться от сухости во рту.

— Я это понимаю не так. Антихрист будет всего лишь человеком, но он будет руководим Дьяволом.

— Этот Дьявол, насколько я знаю, есть падший ангел, которого звали Люцифером. Это слово имеет латинские корни и значит Приносящий Свет, или Лучезарный. Верно?

— Да.

— В Священном Писании евреев есть книга Иова. В ней Люцифер всего лишь один из ангелов, хотя и главный, и он не есть зло. Он — прокурор, временно назначенный для выступления по делу Иова против ответчика. Это вы, так называемые христиане, сделали из него падшего

ангела, существо с рогами, копытами и хвостом.

— Это просто древнее народное предание, — возразил Орм. — В наши дни никто не верит, что у него рога и копыта.

— Важно то, что вам, христианам, понадобилось существование силы зла почти столь же могущественной, как сам Бог. Кстати, эта идея заимствована из персидской мифологии. Таким образом, на нее можно списать почти все происходящее в мире зло. Но очевидно же, что человеку для злых дел совершенно не нужно влияние духа. Зло в нем самом самодостаточно. Существуют духи, ангелы, но они не духи зла.

Но допустим, что я и в самом деле Сатана. Что бы я делал тогда на Марсе? Конечно же, готовил бы силы зла к вторжению на Землю и полному ее завоеванию. Там полностью воцарилось бы зло, мои враги были бы повержены, и учредил бы я всемирное царство, где все поклонялись бы злу. Хотя, судя по тому, что слышал я о Земле, я не уверен, что Сатана не правит ею сейчас.

Иисус захохотал, вспугнув кота у себя на коленях. Успокоил, почесав между ушами.

— Суди сам. Ты можешь искренне поверить, что марсиане народ зла и что я сам Сатана?

Конечно, я все равно могу быть Антихристом, а доброта — это всего лишь фасад, декорация.

Но и другие варианты тоже есть. Давай рассмотрим некоторые из них. Подумаем о том, что могло бы, выражаясь научным языком, виртуально существовать. Тут нет ничего сверхъестественного, и хотя доказать такое сейчас нельзя, это полностью принадлежит к царству природы. Ведь Создатель природен, хотя в то же время он вне природы.

Допустим, что в своих межзвездных странствиях крешийский звездолет залетел на планету, по всей видимости, безжизненную. Она чуть побольше Земли, и ее солнце намного больше земного Солнца. Голубой гигант. Крешийцы на такой планете и на самом деле садились.

Допустим, что, несмотря на отсутствие на планете жизни в том смысле, как мы понимаем, приборы крешийцев зарегистрировали странные электромагнитные феномены. Эти феномены случайным образом блуждали по поверхности планеты. На самом деле их перемещали ветры — электромагнитные ветры от голубого гиганта.

Допустим, что крешийцам была неизвестна истинная природа этих феноменов. Они попытались поймать парочку, но это не удалось.

Допустим, что эти электромагнитные феномены были в действительности разумными существами. Они состояли из силовых полей и

были так же сложны, как и человеческие существа, и столь же разумны. В некоторых отношениях — более разумны. Они составляли общество, хотя и не в нашем смысле слова. Они общались, у них был язык, где словами служили частотно-модулированные электромагнитные импульсы.

Допустим, что одно из этих существ было одержимо непреодолимым любопытством. Оно не стало избегать странных форм жизни, высадившихся на планете, а стало их исследовать. И путем эксперимента выяснило, что может овладеть телом такого чужака, и даже не столько овладеть, сколько интегрироваться с его личностью. А отсюда вытекала способность не только разделить с чужаком его интеллект и эмоции, но сделать его тело в некотором смысле своим вместилищем. И принять на себя управление этим вместилищем даже без ведома хозяина.

Иисус снова засмеялся и выпил еще.

— Интересная идея, правда? Ну вот, это существо заметило, что может менять свои силовые поля так, чтобы уподобиться любому из чужаков. Его сотоварищи даже не заметили бы разницы. Для них эта копия отличалась бы от них самих не более, чем все люди друг от друга — в рамках индивидуальных различий.

Конечно, у этой копии должны были быть такие же ограничения, как и у любого оригинала. Она не должна была ходить по воде, или плыть по воздуху, или восстанавливать поврежденные клетки прикосновением пальца. Или воскрешать мертвых. Сделай она что-нибудь подобное, возникли бы вопросы, сомнения, кто-нибудь начал бы докапываться. Крешийцы — это тебе не невежественные земляне того времени. Они не сочли бы такие странные возможности неожиданным даром Создателя. Могли бы и заподозрить правду. А тогда бы они с помощью своих тонких приборов обнаружили электромагнитные возмущения, которые нормальный крешиец излучать не должен.

Но захватчик это понял почти сразу и сумел ограничить излучение так, что шансов на его обнаружение не было.

А почему было бы не открыться крешийцам? Разве они причинили бы ему вред? Это не очень вероятно, потому что крешийцы народ миролюбивый. Они вполне позволили бы чужому жить в атомном реакторе, который создавал топливо для корабля. Понимаешь, энергетические существа подобны всему живущему — им нужна еда, и они получают ее из радиоактивности. Они умеют ее усваивать, или переваривать, но у них нет отходов. Используются все сто процентов усвоенной энергии.

— Солнце, — прошептал Орм.

— Ты имеешь в виду тот шар, что парит в пещере? Да, он работает на атомном топливе, хотя здешний реактор работает куда эффективнее, чем реакторы твоего мира. Это объясняет, почему я провожу столько времени внутри солнца. Там я обновляю свою сущность не в единственном смысле. То есть объясняло бы, будь я и в самом деле этим существом. Но это, повторяю, чистая гипотеза. Просто позабавил себя, и тебя, надеюсь, тоже.

Допустим, что это существо решило себя пока что не обнаруживать. Ему сначала хотелось узнать чужаков получше. И потому оно время от времени покидало тело-хозяина и жило в реакторе корабля. И захватило всех крешийцев одного за другим еще до того, как корабль долетел до Земли. В конце концов, оно научилось читать даже подсознание крешийских разумов.

Точно так же как я, будь я таким существом, мог бы прочесть твое подсознание. Но я, будь я таким существом, не стал бы сейчас этого делать. Видишь ли, превращаясь в моего хозяина, я становился бы сам человеком. А я обнаружил, что вход в подсознание очень неприятен. Там довольно мерзко, сын мой. Конечно, это все лишь допущения — я говорю, как если

бы я и в самом деле был таким гипотетическим существом.

Да, так вернемся к приключениям этого энергетического существа, что стало человеком. К счастью, а может быть, и к несчастью, у этого существа развилась человеческая совесть. Избавиться от нее оно не может, поскольку стало человеком. Все крешийцы высоко этичны, и потому у существа также развилась высокая этичность. Его мысли заняли моральные проблемы, которые не только раньше его не занимали, но о которых оно даже и слышать не желало.

Морально ли занимать тело другого разумного существа и управлять им? Ответ был — нет. Морально ли жить внутри хозяина и предоставить руководить всеми его действиями лишь свободной воле хозяина? Ответ — да. Но такой гость в чужом теле — это паразит, причем жизнь его очень скучна. Он хотел бы управлять этим телом и таким образом самому стать объектом со свободной волей. Но не мог, поскольку это неэтично.

И он не мог бы моментально превратить свою энергию в материю и принять форму, подобную любому крешийцу. Обнаружить теперь свое присутствие значило вызвать панику. А узнай крешийцы, что существо умеет овладевать их умами и телами, они решили бы, что оно слишком опасно. Тогда, будучи разумными и обладая высокоразвитой наукой, они нашли бы

способ его уничтожить либо выбросить в пространство и оставить позади.

Иисус прервал сам себя и улыбнулся:

— Тебе не нравится еда? Мириам прекрасно готовит.

— Все очень вкусно. Меня так увлек рассказ, что я забыл о еде.

Орм отрезал себе кусок баранины и стал его жевать. Но мясо вдруг потеряло вкус.

— И корабль прибыл на Землю, — продолжал Иисус. — Как тебе известно, он пробыл там три года. Энергетическое существо подумывало о том, чтобы там остаться, и пусть крешийцы улетают без него. Но, с точки зрения крешийцев — и моей, поскольку я тоже стал крешийцем, — Земля была ужасным местом. Мерзкие болезни: проказа, гонорея, оспа и другие. Ужасающие условия жизни людей. Войны, резня, глупые законы, ненависть, жертвоприношения младенцев — не стоит продолжать.

И еще я горевал о них и хотел им помочь, изменив условия. Крешийцы тоже собирались когда-нибудь вернуться и принести на Землю свою науку, технику, общественное устройство. Однако кое-кто говорил, что дать этим кровожадным дикарям средства изготовления оружия — значит вызвать еще более страшную резню.

В конце концов энергетическое существо решило вернуться с крешийцами на их планету.

Там оно станет крешийцем и будет жить среди себе подобных. Это будет непросто, поскольку у крешийцев каждый гражданин зарегистрирован, и неожиданное появление неучтенного вызовет расследование. Может быть, удастся имитировать тело только что умершего крешийца — избавиться от покойника просто — и занять его или ее место.

Наконец корабль крешийцев стартовал с Земли. Среди людей на нем был Матфий и его собратья-иудаисты. Они много говорили об этом Иешуа Мессии, Помазаннике Всеблагого. Иудаисты легко обратили остальных землян в свою веру, но с крешийцами никакого успеха не добились.

И тут наше существо осенила идея. Оно создаст себе форму, точно имитирующую покойного Иисуса. А Иисус заявит, что решил отправиться с крешийцами в их мир и там проповедовать. Когда-нибудь он вернется на Землю, прямо в Иерусалим, и создаст новое царство Сионское, как было предсказано, хотя и довольно двусмысленно, в книгах, которые вы называете Ветхим и Новым Заветом.

Орм прокашлялся:

— Прости, Рабби, но не было бы ли это неэтичным?

Иисус ответил не сразу — прожевывал кусок хлеба с медом.

— В некотором смысле — да. Но существо видело в этом способ сделать людей Земли здоровыми и счастливыми. Так что высшая этика и высший закон победили.

— Слышал я про высшую этику, — буркнул Орм.

— Ты имеешь в виду слова нечестных людей о высшем законе для оправдания деяний зла? Это правда, но в данном случае таких сомнений быть не может. И это существо в образе Иисуса не стало бы использовать ни силу, ни насилие, чтобы установить на Земле Царствие Небесное. Такое, к сожалению, привело бы к войне. Хотя, как я когда-то сказал: «Не мир пришел я принести, но меч». Мир придет позже.

— А потом? — спросил Орм. — Что случилось с кораблем?

— Ты это видел. Сыны Тьмы выследили крещийский корабль, и крещийцам пришлось закопаться в Марс. Остальное ты знаешь.

— Не полностью, Рабби. Мне многого не сказали. Может быть, еще больше скрыли намеренно. Как бы там ни было, почему ты ждал так долго... э-э... времени для второго пришествия? Для возвращения на Землю? Ведь крещийцы наверняка смогли бы вернуться на Землю через сто лет?

— Да. Но их было мало. А человечество должно было слиться с крещийцами, и вера

должна была окрепнуть. К тому же при быстром возвращении мы застали бы Землю в том же виде, в каком крешийцы ее оставили. Сами же крешийцы считали, что у землян будет развиваться наука, а может быть — и человечность. Они выйдут на этап, когда марсианская наука и техника и общественные институты будут куда легче поняты и усвоены.

И они стали делать то, что говорило им существо, назвавшее себя Иисусом. Он же сказал им, что, когда придет время вернуться, они об этом узнают. Как предсказал Матфий, это время наступит, когда земляне придут на Марс.

Может быть, существо, называемое Иисусом, подсказало Матфию это пророчество.

Наступило молчание. Иисус окончил завтрак и сказал:

— Возблагодарим Создателя за нашу трапезу.

Орм не слушал слов молитвы на иврите. Этот человек его разыгрывал? Просто развлекался? Или...

Иисус встал и сказал:

— Мы можем еще немного поговорить. Потом мне придется просить тебя меня покинуть, поскольку я должен буду заняться делами.

Они перешли в холл, и Иисус занял большое мягкое кресло. Орм устроился на софе.

Иисус сложил пальцы домком и заговорил:

— Можно придумать и другие гипотезы. Например, что крешийца захватило не энергетическое существо на планете голубого гиганта. Допустим, что крешийцем завладело какое-то другое существо на планете гуманоидов. Не энергетическое создание, а какая-то странная форма паразитической жизни, мерзкий слизняк. Эта тварь умеет проникать в чужие тела и жить в их тканях — как червь-паразит. Но она может овладеть мозгом разумного существа и стать разумной сама — в определенном смысле. И она прошла почти тот же путь, что я обрисовал для энергетического создания, но прошла его в целях зла.

— В этой теории не объясняется его могущество.

— Допустим, что этот слизнякоподобный паразит умеет использовать возможности человека-хозяина, возможности, о которых даже не догадывается сам человек. Не догадывался до сих пор, по крайней мере. Я не устаю говорить им, но они не верят.

— И что из этого правда, Рабби?

Глаза Иисуса блеснули, как стеклянные окна в горячей печи, и голос его был громок:

— Ты слышал правду, и ты видел ее! Я говорю тебе, сын человеческий, что этот сын человеческий открыл все, для тебя нужное! И не много у тебя времени, чтобы решить и выбрать путь к спасению!

Орм сжался от света и грома.

Иисус встал, и суровое выражение его лица сменилось улыбкой.

— Ты можешь идти теперь. Мир и благословение Всеблагого да осенит главу твою.

Он протянул руку. Орм поднялся, подошел и поцеловал ее. И почувствовал, как переливается в него мощь.

ГЛАВА 19

— А вот чем я сейчас занят, — сказал Бронски, — я пишу неофициальную биографию Иисуса.

Он глянул на капитана поверх стопок бумаги и груды диктофонов. Орм бегал взад-вперед по комнате.

— Вообще-то книга будет краткой, скорее очерк, чем полное жизнеописание. Но я хочу подготовить ее до возвращения на Землю. Может быть, я еще успею передать ее до отлета.

За день до того космонавтам сказали, что они будут пассажирами на корабле марсиан. Это не было большим сюрпризом: ожидалось, что их представят как свидетелей, а также дадут жителям Земли убедиться, что космонавты не лгали под давлением своих хозяев.

Орм пересказал остальным свой разговор с Иисусом, и Мадлен Дантон сразу ухватилась за историю с энергетическим существом.

— Он с нами играет, — сказала она. — Рассказывает правду, зная, что мы не поверим.

— Но ты-то поверила, — возразил Надир. — Я лично думаю, что ты просто смущена и растеряна. Иначе ты бы и гроша ломаного не дала за такую невероятную сказку. Это чистая научная фантастика.

— Уж скорее я в нее поверю, чем в то, что он истинный Иисус Христос! — крикнула Мадлен.

— А почему нет? — спросил Бронски. Последовала горячая дискуссия, где все перебивали друг друга, срываясь на крик, как вдруг Бронски сказал такое, что все сразу замолчали. Он сообщил, что решил обратиться в веру и договорился на эту тему с окружным раввином. Час назад рабби перезвонил ему и возбужденно заорал, что у него чудесные новости. Церемонию проведет сам Мессия!

— Вот это да! — сказал Орм. — Завидую.

За шуткой пряталась правда. Он и в самом деле завидовал и презирал себя за это. Накануне вечером, когда Бронски спал, Орм молился в гостиной:

— Господи, яви мне истину. Скажи мне, правда ли этот человек — Иисус Христос, Сын Твой, или он — Антихрист. Или... в самом деле это энергетическое существо? Выведи меня к свету, Господи! Не дай мне ошибиться там, где решается судьба мира. Я — один из детей Твоих,

о Господи, и так немного прошу — укажи мне путь истины. О просветлении молю тебя, Господи! Смилуйся надо мной, Отче! Аминь.

Орм не ждал, что вдруг в комнате вспыхнет молния или раздастся громовой голос. И все же был разочарован, когда не произошло ничего. Даже тихий внутренний голос не прозвучал и не засиял робкий внутренний свет. Орм встал, взвинченный, напряженный, и вдруг глубоко вздохнул. На секунду ему показалось, что за спиной кто-то есть. Это было то же чувство, что и в ту ночь, когда померещилось, что кто-то стоит возле его постели.

Что это было? Или кто это был? Игра натянутых нервов? Смутное ощущение присутствия Бога? Или истинный Иисус дал ощутить свое присутствие, дал Орму знать, что он не оставлен? Но какой это Иисус? Тот, о котором говорили ему в детстве, или этот Иисус — живой человек, Мессия иудеев, а потом и всего человечества? А есть ли разница между ними? Не ошибались ли всегда все христиане? И не был ли этот Иисус на самом деле всего лишь энергетическим сгустком?

Если бы Орму не казалось это кощунством, он бы проклял Иисуса за тот рассказ. От него у Орма зародились сомнения, хотя вряд ли Иисус хотел этого. Или действительно хотел? Может быть, лишь испытывал искренность Орма?

Все утро Орм продолжал бороться с собой. И это, думал он, куда тяжелее, чем бороться с ангелом. Иакову было куда легче*.

Орм перестал ходить по комнате и выглянул в окно.

— Вон Надир, — сказал он. — Вид у него такой, будто он сквозь ад прошел.

Через секунду вошел иранец. Он побледнел и осунулся, под глазами залегли черные тени, руки тряслись.

— Мадлен от меня уходит, — сказал он хрипло. — Сегодня я ей сказал, что собираюсь перейти в иудаизм. Она завопила и велела мне убираться. Я пытался с ней объяснить, но она совсем взбесилась. Спорить было бессмысленно — она кричала, что убьет меня, если я не оставлю ее в покое, и издевалась — как это я, мусульманин, пошел в евреи.

Орм взглянул через улицу на дом Ширази, но ничего сквозь закрытые окна не увидел.

— Мне очень жаль, что с Мадлен так вышло, — медленно сказал Бронски. — Но рад за тебя, что ты пришел к такому решению. А Мадлен, даст Бог, успокоится. Я думаю, она знает, где верный путь, но все еще не может себя заставить по нему пойти.

Орма тоже обеспокоило состояние Мадлен Дантон. Но заявление иранца о смене веры его подкосило. Что заставило их с Бронски изменить

---

* Ссылка на рассказ Книги Бытия о борьбе Иакова с Богом.

мнение? И почему он не может изменить своего?

— Мне все равно пришлось бы ее оставить, — вздохнул Надир. — Она — язычница, а Людям Завета жениться на язычницах запрещено. Мы бы развелись, хотя это, пожалуй, и так случилось бы. С ней невозможно жить.

Трудно сказать почему, но именно в этот момент, после этих слов, Орм принял решение. Не просиял свет, не прогремела труба. Все было тихо, как рождение мышонка в темном буфете.

Дрожа от возбуждения, Орм сказал:

— Ладно, до встречи.

Они повернулись к нему. Подойдя к двери, он услышал недоуменный вопрос Бронски:

— Куда ты собрался?

— Узнаете!

Через час, разузнав сначала, где она сейчас, Орм остановил машину перед школой, где работала Гультхило. Предупрежденная его звонком, она ждала в кабинете около входа. Сегодня на ней было платье с голубыми и красными цветами. Орм почувствовал мускусный аромат ее духов. Волосы рассыпались по спине золотой волной. Синие глаза сияли, а улыбка была так широка, что Орм, казалось, мог в ней утонуть.

— Ты не сказал, почему так важно сейчас увидеться, — заговорила Гультхило. — Но я догадываюсь. Ты хочешь на мне жениться?

— Верно! — ответил он и схватил ее в объятия. За дверью кабинета раздалось девчоночье хихиканье.

Церемония посвящения в веру оказалась краткой, но впечатляющей. Собралась огромная толпа — по прикидкам Орма, тысяч сто пятьдесят. Зрители собрались по двум причинам: во-первых, такой ритуал выполнялся впервые за две тысячи лет. Но главное — ожидалось присутствие Мессии.

Иисус прибыл в наземной машине, разочаровав тех, кто ждал, что он прилетит по воздуху. Он был одет в небесно-голубой хитон, на нем был тефилин, или филактерии — две небольшие кожаные коробочки, содержащие каждая четыре строки Закона и носимые на лбу или на левой руке. Еще на нем был таллиф — молитвенное покрывало. По закону еврей должен заворачиваться в покрывало и носить тефилин во время молитвы, но во время завтрака с Ормом Иисус этого не делал. Однако он, как Мессия, мог себе позволить некоторую свободу. Теперь он все же явился в том виде, который полагался верховному раввину.

Его жена Мириам тоже появилась на публике, что бывало редко. Она приехала в другой машине, и когда она вышла и направилась в синагогу, ближайшие к ней пытались коснуться ее одежды. Те, кто не сумел, дотрагивались до тех, кому это удалось. Будто ей от ее мужа

должна была передаваться сила, и эта сила могла быть передана дальше. А может быть, это было проявлением обожания со стороны толпы.

Орм, Бронски и Ширази ждали на ступенях бет-киннесет — синагоги. Изнутри вышел оркестр из ста человек. Среди музыкантов была Гультхило, она подмигнула Орму, когда он проходил мимо. Торжественность церемонии ее не подавляла.

Взвыли трубы, ударили цимбалы, и вошел Иисус. За ним шли новообращенные и почетные граждане. Орм как в оцепенении прошел через процедуру обетов, символического обрезания (у всех троих крайняя плоть была удалена при рождении), молитв и, наконец, торжественной трапезы в большом зале в университете. Его счастье было омрачено сомнением. Правильно ли он поступает? Не увлекла ли его волна эмоций? Но ведь в этих вопросах всегда последнее слово за сердцем, а не за разумом.

На следующий день он подвергся почти столь же ошеломительной церемонии, но здесь у него никакой неуверенности уже не было. Их с Гультхило поженил сам Иисус. Мистита — свадьба — была торжественно-серьезна, но последующий праздник — куда как живым. Арамейское слово «мистита» изначально означало попойку, и именно таковой она и была. Орм был уверен, что она разошлась бы еще сильнее, не присутствуй на ней Иисус. При нем никто не стал

шутить на тему о брачной ночи жениха и невесты или напиваться до бесчувствия. Когда же он ушел, пир пошел круче, но новобрачные тоже долго за столом не засиделись. Мать Гуль-хило хотела рассказать Орму о своей дочери, но та поцеловала ее со словами: «Мама, он все про меня знает», — и новобрачные улизнули.

Они поехали в коттедж на берегу озера в соседней пещере и залезли в постель без промедления. В шесть утра изможденного Орма разбудило верещание телевизора. Он поднялся и подошел, пошатываясь, к телевизору. Появилось лицо Надира Ширази.

Он еще ничего не успел сказать, как Орм понял, что новости плохие. От горя черты лица иранца стали еще резче.

— Мне позвонила Мадлен час назад. Она сказала, что хочет наложить на себя руки. Я стал ее отговаривать, но она бросила трубку. Я не успел добраться до дома — ты же знаешь, я остался у Бронски — как она уже вогнала себе нож глубоко в сердце. Прости, что я так рано звоню, но... я думал, тебе надо сказать.

Он расплакался. Орм подождал, пока глубокие разрывающие душу рыдания чуть утихли, и сказал:

— Мы приедем как сможем быстро. Но ехать далеко...

— Хфатон пошлет за тобой воздушную лодку.

Через пятнадцать минут Гультхило с Ормом прибыли в больницу. Там в вестибюле их уже ждали Бронски, Ширази, Хфатон и доктор-крешинец Давид бен-Исхак.

— Ты ведь говорил, что она мертва! — сказал Орм.

— Так и было, — ответил Надир. — Но раны залечили, сердце запустили вновь, и она жива.

— Но кислородное голодание мозга... Они когда доставили ее в больницу?

— Десять минут назад. А мертва она была не меньше получаса. Но врач «Скорой помощи» сразу поместил ее в криокамеру, как только они прибыли. И все равно...

Орм подумал, что теперь она станет идиоткой, растением. Стоило ли стараться? И тут пришла мысль об Иисусе. Сможет ли он восстановить мозговые клетки?

Отведя в сторону Бронски, Орм задал ему этот вопрос. Француз ответил:

— Не было необходимости просить его прийти. Прежде всего, все восстановления, которые можно сделать даже с его помощью, были сделаны. Не забывай, Ричард, их медицина может куда больше нашей. Но насчет мозга — да, там есть необратимые изменения. Тут даже он не помог бы. Есть потери, которые может вернуть лишь Создатель.

— Что именно?

— Память. Погибло много клеток, хранящих информацию. Их можно восстановить, но информация погибла навсегда. Это будут пустые контейнеры, ждущие наполнения.

— А Лазарь? Он был мертв три дня и воскрешен Иисусом, и был таким, как раньше.

— Ты все еще не улавливаешь разницы между Иисусом историческим и Иисусом из Евангелий. Труп, три дня разлагавшийся в том жарком климате, никто оживить не мог бы. Это легенда из тех, что появились после смерти Иисуса или даже при его жизни. Просто фантазия, типичная для рассказов о необычайных людях тех дней.

Бронски сказал правду. Мадлен выжила, и тело ее было здорово, и разум так же остер, как и прежде. Но, очнувшись, она считала себя двенадцатилетней девочкой, живущей в доме своих родителей в Монреале. Доктора, предвидя что-то вроде этого, накачали ее успокоительным, чтобы смягчить шок. Что с ней произошло, она сможет понять лишь через много времени — или никогда.

ГЛАВА 20

Чту узнал Орм о Марсе? Очень мало из того, что хотел, хотя и это, как ни смотри, было тоже не много, и куда больше, чем мог предвидеть или даже вообразить.

Даже понимая, что марсиане — евреи, он каждый день натывался на что-нибудь, что удивляло его или сбивало с толку.

Одной из причин для этого было твердое понятие о том, что́ есть еврей. Однако чем дольше он жил на Марсе, чем чаще понимал, что, хотя он и гордился отсутствием предубежденности, ее в нем было больше, чем он думал. Или скорее это была даже не предубежденность, а незнание. Хотя между ними трудно провести грань.

Пусть марсианские евреи не были, да и не могли быть идентичны земным, в основе своей сходство было. Эти две линии иудаизма разде-

лились две тысячи лет назад. Те, кто остался на Земле, глубоко погрузились в сотни языческих сообществ. Язычники оказали на евреев глубокое воздействие, как бы ни старались те сохранить свою идентичность — физическую, умственную и духовную.

— Евреи, осевшие в давние времена в Китае, — рассказывал Бронски, — стали в конце концов неотличимы физически от монголоидных гоев. Они и большую часть еврейского наследия растеряли. А евреи, жившие в гетто Рима, хотя и сохранили свою религию, стали во многих отношениях итальянцами. Им не удалось избежать усвоения многих из аспектов местной культуры. Этого и следовало ожидать. Где бы ни селились евреи, такое происходило всегда, да без этого они бы и не выжили. Но евреи из римских гетто даже выглядеть стали как итальянцы.

Я от многих евреев слышал объяснения, почему так много итальянских евреев похожи на итальянцев, а голландские евреи — на голландцев, а сефарды — на испанцев или португальцев, а йеменские евреи — на арабов. Они это приписывали защитной мимикрии. Такое объяснение смешно и ненаучно. Они просто не хотят признать, что как-то, как бы ни пытались они сохранить свою «расовую» чистоту, языческие гены все же проникали. Частично это можно списать на изнасилования, но главной причиной

все же был адюльтер. Конечно, поток генов шел в обе стороны, и у многих антисемитов есть еврейские предки.

Евреи, особенно набожные, такое объяснение даже и рассматривать не хотят. Не знаю уж почему. Во всю их историю их же собственные пророки обрушивались на свой народ за блуд с гоями. Если воспользоваться более точным и менее эмоциональным словом — «за смешение генов». Ты ведь читал Библию и знаешь, о чем я говорю.

Но Бронски еще и заметил, что в этом не было опасности для сохранения еврейской идентичности, которая базировалась на чистоте не «расовой», а религиозной. Как бы там ни было, а по еврейскому закону ребенок, рожденный еврейской матерью, считался евреем и воспитывался как таковой. Правда, ему часто приходилось терпеть стыд и насмешки, и его могли не допустить на молитву в Храм.

— Это не особенно было важно, — добавил Бронски, — поскольку после семидесятого года от Рождества Христова уже никакого Храма не было, как не было его во время вавилонского пленения. Но я отклонился от темы как обычно. Впрочем, такие отступления не менее интересны, чем главная тема.

Этнические группы усваивали чужую культуру, общаясь с другими группами. Но что для язычников было просто культурным обменом,

для ортодоксальных евреев считалось грязью, мерзостью, злом.

— Со своей точки зрения, они были абсолютно правы. Как они могли остаться евреями — Избранным Народом Господа, если оставят свою веру, если забудут хоть один из законов Моисея? Даже изменить хоть буковку в этом законе — значит дать змею просунуть ногу в дверь! — Бронски улыбнулся: — Это если бы у змея были ноги. Ладно, нос. А вот марсианские евреи были изолированы не только от своих братьев на Земле, но и от языческих обществ. Они не перенесли ужасных преследований, как евреи Земли, и не подвергались соблазну пойти по путям языческим. Им совершенно непонятны оттенки и эмоциональные ассоциации, связанные со словом «еврей» у слишком многих гоев, да и у самих евреев тоже.

Здесь, когда крешийцы и земляне стерли различия своих культур, что было намного проще, поскольку крешийцы стали евреями, общество стало однородным и никогда не вступало в контакт с не-евреями. Вначале, конечно, не могло обойтись без трений, но к насилию они не приводили.

Две тысячи лет марсиане не знали ни войн, ни потоков беженцев, ни бунтов. Единственным гражданским возмущением бывали время от времени происходящие мирные демонстрации. Бывали драки между отдельными людьми или

группами, случались убийства. Но их было так мало, что Бронски, по его словам, иногда задумывался: а в самом ли деле марсиане — люди?

Здесь он быстро вставил слово, что он сам, как Марк Твен, имеет некоторые предубеждения относительно человеческой расы. Марсианское общество показало, что у человечества есть способности к мирному сотрудничеству. И еще показало, что хомо сапиенс (как и хомо крешиец) — не прирожденный убийца. А если и был им, то марсианское общество сумело подавить или снизить эту инстинктивную тягу к убийству и войне.

— Да, — возразил Орм, — но заметь, что теперь, когда возник контакт с иностранцами, марсианин потянулся к войне.

— Нет. Он не объявляет войну. И не будет драться, если на него не нападут. Если бы он не готовился к войне, то был бы сумасшедшим или просто дураком. История Земли и теперешнее ее состояние ему знакомы. И он должен ожидать нападения.

— И марсиане отлично знали, что так и будет. Дело-то в том, что они могли бы избежать войны, оставаясь на Марсе. Или не пытаясь обратить Землю в свою веру. Они это знают и все же хотят обратить все население Земли. Они знают, что это приведет к войне. Умрут миллионы, если не миллиарды, а остальных ждут тяжкие испытания.

И твои марсиане — в некотором смысле поджигатели войны, агрессоры!

Бронски криво усмехнулся:

— Ты все время говоришь «они», а не «мы». Ты забыл, что ты и я теперь тоже «они». Ты пока еще не настоящий марсианин — если вообще им станешь.

— А ты? Ты ведь тоже называешь их «они».

Бронски пожал плечами:

— На это нужно время. Я не больше могу забыть Землю, чем древние евреи могли во времена вавилонского пленения забыть Иерусалим.

От рассуждений о том, насколько марсиане готовы к войне, Бронски не мог отвлечься.

— Что они знают об ужасах войны? Для них это чуждое понятие — они об этом читали, но сами никогда не испытывали. Две тысячи лет мира создали такую психологическую атмосферу, которую нам, землянам, даже и не вообразить.

Да, каждое поколение проходило военное обучение, но это была игра — до сих пор. Что станет с ними, когда им придется убивать и быть убитыми? За две тысячи лет мира они могли стать непригодными к войне.

— Проснется и вырвется из клетки красноглазая обезьяна, дремлющая в каждом из нас.

— Если она еще жива.

— Он ведь говорит, что это надо сделать — значит, это правильно, — с нажимом сказал Орм.

— Будь это кто угодно другой, я бы усомнился, — ответил Бронски.

Каждый из них знал, что другому далеко не все ясно: что будет дальше, что может случиться; у каждого оставались вопросы и сомнения. Но они говорили сами себе и друг другу, что просто еще не преодолели своих земных условных рефлексов. Конечно, настанет время, когда все это рассосется, и они станут марсианами не в меньшей степени, чем коренные жители. А пока что — придется пострадать. Состояние Орма было хуже, чем он готов был признать перед Бронски, и даже чем был готов признать наедине с собой.

И еще одно, что отличало марсиан от их земных единоверцев, — изначальное влияние крещийцев. В самом начале это влияние было огромным. Крещийцы опередили своих пленников в науке и технике на две тысячи пятьсот лет. Людей Земли они рассматривали как культурно отсталых и имели для того веские основания. Если бы не Иисус, чья сила была неопровержима и неодолима, они бы превратили землян или хотя бы их потомков в крещийцев — если не телом, то разумом.

Но вместо этого случилось нечто непредсказуемое и почти невероятное. В единственных

обстоятельствах, которые могли вызвать такой поворот событий, крешийцы обратились в веру.

Крешийцы первого поколения, хотя и приняли Закон всем сердцем, все же остались крешийцами. И потому неизбежные изменения в толковании Закона и в образе жизни евреев-людей произошли быстро. Ведь были пленки и трехмерные видеозаписи, свидетельствующие, как Матфий и его ученики из ливийских евреев возражали против изменений. Но сам Иешуа их не отверг, а, напротив, благословил, и более возражений не было — по крайней мере в открытую.

В любом случае различие между толкованием и медленным сдвигом духа Закона в сторону человечности всегда было свойственно иудаизму. И при этом никоим образом не снижалась роль фундаментальных основ религии.

Крешийцы и люди слились в одно целое. Они жили бок о бок, их дети вместе играли, они вместе молились. Только крешийцы никогда не могли стать священнослужителями или служителями храмов — в них не было крови Аарона или Левия.

Одно из изменений, которое возмутило бы любого ортодоксального еврея, была небольшая замена слов в утренней молитве каждого взрослого мужчины. Тысячи лет мужчины произносили Три Благодарения:

«Благодарю Тебя, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, что Ты не создал меня язычником.

Благодарю Тебя, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, что Ты не создал меня рабом.

Благодарю Тебя, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, что Ты не создал меня женщиной».

Язычников на Марсе не было, и вряд ли кто из евреев когда-нибудь им стал бы. Но на Земле их было много, и наступит день, когда марсиане ступят на Землю и встретят их. И потому первый стих был сохранен, хотя для молящихся мало что значил.

Рабов тоже не было. Молящемуся объяснили когда-то, что значит это слово, но сам он никогда не страдал в рабстве и живого раба не видел, и потому этот стих также не вызывал никаких чувств. Но на Земле, когда крешийский корабль ее покинул, рабов было много, и, как считали все марсиане, так это и осталось. И этот стих не был изменен.

При жизни первого поколения третье благодарение не было изменено. Но потом под влиянием крешийцев и женщин-людей, прислушивавшихся к их мнению, третий стих зазвучал так:

«Благодарю Тебя, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, что Ты не создал меня зверем».

Поскольку места для роста населения было не слишком много, первую заповедь Божью — плодиться и размножаться — пришлось ограни-

чить. Каждая пара могла иметь не более трех детей. Потом, когда им исполнялось девяносто, разрешалось, при желании, завести еще двоих. В возрасте ста восьмидесяти — еще пару.

Когда дети покидали дом, родители были вольны развестись. Но общество смотрело на разводы косо, они были предметом сплетен и осуждались родственниками. Однако, если создавалась новая пара, их отношения перед этим или сразу после освящались браком.

Для еврея с Земли марсианское сообщество на первый взгляд показалось бы странным. Многое он бы одобрил, но многое было бы для него диким. Однако через некоторое время, если только он не был ультраортодоксом, он бы почувствовал себя удобно. Каким бы экзотическим и неожиданным ни был этот образ жизни, по сути он был еврейским. Вся жизнь была пронизана мыслью о Боге. В основе всего лежало почитание Господа. Люди жили в океане богословия. Но рыбы не замечают, что плавают в воде, и марсианам всегда приходилось напоминать о Создателе и древнем Завете, который заключил Он с их предками, а через них — с ними самими.

ГЛАВА 21

— Не ты ли стоял у моей постели ночью и смотрел на меня? — спросил Орм.

— Я с каждым из паствы моей и днем и ночью, — ответил Иисус и больше не захотел об этом говорить.

Орм был озадачен и слегка раздосадован. Ну что это за ответ? Почему Иисус не может сказать «да» или «нет»? Очень похож был этот ответ на тот, который он дал фарисеям, когда они спросили его, платить ли кесарю подушную подать. Он тогда ответил: «Воздавайте кесарю — кесарево, а Богу — Богово».

За прошедшие с тех пор две тысячи лет эти слова бесчисленно цитировались и стали основой тысяч толкований отношений между правительством и религией. Но никогда не было единодушного согласия в том, что же кесарево, а что Богово.

И был еще его ответ саддукеям на вопрос о воскресении мертвых: «Он не Бог мертвых, но Бог живых».

И в то же время Иисус ясно дал понять, что воскресение будет. Но не будут ни жениться, ни выходить замуж, воскресшие станут ангелами в Небесах. Это как было понимать? Что будет полная сексуальная свобода среди мужчин и женщин, и каждый сможет, с кем захочет? Или это значило, как утверждали некоторые церкви, что мужчины и женщины воскреснут бесполоыми и не будут более мужчинами и женщинами? Когда Орм задумывался над этим, что бывало нечасто, у него в области половых органов возникал какой-то спазм, будто к нему идет кастратор с огромным ножом.

У Орма возникало много вопросов, и когда он узнал, что Иисус жив и его можно спросить, он подумал тогда, что теперь наконец получит ответы. Но этот Иисус, в точности как Иисус из книг, давал ответы по-прежнему двусмысленные. Может быть, предположил Бронски, их можно прояснить, прочитав запись многочисленных речей Иисуса на Марсе. Однако у Орма не было на это времени — он отбывал на Землю.

В этот судьбоносный день трое землян собрались в кубической камере под самой поверхностью планеты. Вокруг стояли семь космолетов — шесть цилиндрических, а седьмой, вдвое больше каждого из шести, представлял собой полушарие, из которого исходило шесть цилиндров, заканчивавшихся каждый огромным шаром. Двойная цепочка людей вливалась в каждый корабль. Одеты они уже были не в хитоны

до щиколоток и не в сандалии — это были солдаты, одетые в военную форму, хотя все надеялись, что обойдется без войны. Они были обуты в сапоги до колен, одеты в просторные красные штаны, белые гимнастерки до бедер и круглые черные пластиковые шляпы без полей. У многих были на портупеях кобуры с оружием, имевшим форму пистолета. Но это были не пистолеты, а лазеры, способные убить человека за три мили и на расстоянии в полмили прорезать насквозь трехфутовый слой стали.

Из двадцати тысяч человек не были одеты в форму только четверо. Иисус остался в своем небесно-голубом хитоне, а космонавты — в мундирах ИАСА. Мессия решил, что нехорошо будет им появляться в форме космического флота Марса.

— Вы с нами, вы — наши, и мы любим вас. Но люди Земли могут счесть вас предателями. Лучше будет, если вы предстанете перед ними всего лишь новообращенными. Вы принадлежите к Царствию Небесному, и потому вы — солдаты Господа. Но Сыны Тьмы будут полны подозрений, страха и трепета. И они не должны считать, что вы из числа нас. Вы должны быть землянами, а не марсианами. Вы будете мостом между нами, связующим звеном и доказательством. Позже вы сможете надеть доспехи Сынов Света.

Царствие Небесное не может быть навязано силой. Мы идем не разрушать и убивать. Мы несем закон Мессии примером, любовью, дара-

ми. Конечно, война может случиться, но первыми мы не нападём.

Видишь ли, — мягко улыбнувшись, добавил Иисус, — человек, которого вы зовете Святым Иоанном Богословом, автор «Апокалипсиса», был поэтом. Он описал приход Мессии гиперболически, в поражающих воображение символах. И видения его имели сверхъестественное происхождение. На самом деле явление Мессии и Царствия Небесного, закладка основ Нового Иерусалима пройдут не так, как он говорил. Может небо свернуться, как свиток, и четыре всадника могут промчаться, и семиглавый зверь восстанет из бездны вод, но это если и случится, то лишь символически.

Наше оружие завоевания — наука и техника. Они вызовут, как ты это назвал, культурный шок. Мы, например, заявим — и это будет правдой, — что совсем недавно наши ученые нашли способ надолго задерживать наступление старости. Мы скажем народам Земли, что можем дать им бессмертие. Конечно, без учета убийств, самоубийств и несчастных случаев.

Орм застыл с раскрытым ртом. Потом сказал:

— Господин, это правда? Нет, прости меня, я не сомневаюсь. Я лишь поражен.

— Но если умирать станут лишь немногие, — сказал Бронски, — то на Земле скоро не будет места для детей.

Стоявший неподалеку Хфатон сказал, понизив голос:

— Не приставай к Мессии с очевидными вещами!

Но Иисус ответил:

— Я не сказал, что умрут немногие. И вначале будет места достаточно. Потом, когда Земля заполнится снова, мы позаботимся и о детях.

Орма затошнило. Будет война, хуже всех тех, что перенесло человечество. Или в словах Иисуса был другой смысл, который прояснится лишь потом?

— Да это и неважно, — говорил Иисус. — В вечности пять сотен лет тянутся так же долго или так же быстро, как и миллион. Наш план требует времени. Сколько — безразлично. И мы можем быть терпеливы, как любящая мать с трудным ребенком. В свое время воскреснут все, кто этого заслужил. Наши ученые убеждены, что мы когда-нибудь сможем воскресить мертвых. Следы всего прошедшего сохраняются в основе Вселенной. Иначе говоря, в теле Создателя. Наши ученые называют его эфиром — понятие, которое, насколько я знаю, отрицается вашими учеными. Но они в этом отношении так же невежественны, как люди древней Земли были во многих других.

В свое время мертвые восстанут. Пять сотен лет или тысяча — что они для того, кто спит?

— Господин, — спросил Орм, — будет ли и это открыто людям Земли?

— Увидим. Поразмысли об этом. Все на свете совершается Всеблагим, но часто люди слу-

жат руками Его. Это касается и воскрешения мертвых, и прихода Царства Мессии.

Иисус отвернулся и заговорил с группой офицеров. Орм отошел чуть в сторону, в голове у него гудело. Бронски что-то ему сказал, но вряд ли срочное, потому что он говорил тихо и повторять не стал. Орм уже успел попрощаться с Гультхило, но прошел через широкое поле к металлической изгороди. Там стояли семьи экипажа, а у самых ворот была его жена. Накануне врачи сказали ей, что она беременна. Эта новость принесла и радость, и печаль, поскольку назавтра Орм должен был улетать, и никто не знал, когда он вернется. И даже не будь она с ребенком, ей не позволили бы лететь с ним. Поскольку могла начаться война, женщин на кораблях не было. Потом, если все пойдет гладко, женщины прилетят и будут выполнять работу учительниц и администраторов, но Гультхило не сможет быть среди них, потому что должна будет воспитывать ребенка.

Увидев Орма, Гультхило улыбнулась, хотя и не так храбро, как в момент прощания четверть часа назад.

— Что случилось, Ричард?

— Ничего, только я никак не могу прийти в себя. Я только что услышал, что ученые объявили о грядущем воскрешении мертвых.

Она просунула ладонь через редкую сетку и взяла Орма за руку:

— Здесь нечему удивляться. Иисус сказал, что когда-нибудь так будет, и мы этого ждали. Я только не знала, что ученые, работающие над этим около тысячи лет, нашли что-то существенное. Раз они объявили, значит, верят, что у них получится. А иначе Мессия этого тебе не сказал бы. Теперь, наверное, объявят и по телевизору. Вот будет случай порадоваться! Может быть, и ежегодный праздник сделают.

— Поцелуй меня еще раз, — сказал Орм и прижался губами к ее губам, не обращая внимания на врезающуюся в лицо проволоку. Прикосновение к ее телу вернуло ему уверенность в себе, чувство, что мир не растает вдруг в тумане, не развеется как дым. Он снова был твердым и теплым, как тело Гультхило, как существо в ее чреве.

— Да пребудет с тобой Создатель, — тихо сказала она. — И я все время буду с тобой. И ты вернешься раньше, чем родится наш ребенок. И если это возможно, ты будешь тогда со мной. Так говорит Закон, а Мессия милосерд.

— До встречи, любовь моя, — ответил Орм и пошел прочь. Но в нем не было ее уверенности. Лишь Единый мог знать, как примут Сынов Света Сыны Тьмы.

ГЛАВА 22

Среди многого другого Орм не мог понять, как можно организовать космофлот без долгого обучения личного состава. Ему ответили, что последние пятьдесят лет в предвидении этого дня шло обучение на тренажерах. И когда построили корабли, экипажи их уже обладали необходимой квалификацией.

Личный состав постился и молился. Те, кто по той или иной причине осквернились, прошли ритуальное очищение. Все были готовы.

Верхний куб очистили от людей, и входы закрыли массивные металлические двери. В конце пещеры стала опускаться великанская пробка — гранитный монолит. Пробка была высотой в четверть мили и диаметром в полмили и ничто ее не поддерживало, но опустилась она легко, как детский воздушный шарик, из которого

выпустили воздух. Пробка точно легла в подготовленную для нее полость.

Первым поднялся в проем флагман «Мараната» (по-арамейски это значило «Приди, Господи наш!»). За ним пошли остальные, и последним взлетел полусферический гигантский корабль «Зара», или по-арамейски «Посев». Поднявшись на четверть мили над поверхностью, он остановился. Через десять минут показалась вершина гигантской пробки, вставшей на место. Один из цилиндров с шаром, торчащих из поверхности «Зары», выстрелил оранжевым лучом, и пробка сплавилась с окружающей скалой.

Земные наблюдательные спутники этого события не видели. Два работающих были заглушены марсианами. А так как все это происходило на ночной стороне Марса, то, когда пятно войдет в поле зрения точных земных приборов, оно уже остынет. Когда «Зара» вернется, она разобьет тонкую корку лавы, и пробка снова сможет сдвинуться вниз.

Флагман с ускорением в три пятых g поднялся в атмосферу красной планеты. Остальные выстроились за ним, «Зара» замыкала колонну.

Хфатон заговорил, обращаясь к тем троим, кто были уже не землянами, а натурализованными марсианами:

— «Зару» ребята прозвали «Погодница». Она может черпать энергию прямо с поверхности Солнца и в модулированной форме передавать на Землю. Может создавать засуху или потопы. Может растопить вечные льды или заморозить тропики. На огромной площади может за пять месяцев надолго повысить или понизить температуру на пять-шесть градусов. А если сосредоточить ее энергию на меньшей площади, эффект виден сразу. Есть у нее и другие возможности. Да сохранит нас Царь Небесный от необходимости их применять!

— Да сохранит, — отозвался Орм. Представляя себе, что может случиться на Земле, он стал печален. Но ведь говорил же Мессия, что не мир пришел принести, но меч? А еще он говорил, что пришел спасти людские жизни, а не разрушить их.

Что ж, что будет — будет, и не важно, что будет в процессе, если намерения добры и все кончится хорошо. Да, но эту теорию использовали — выворачивали — злоупотребляли ею столько раз и при таких страшных средствах, что она полностью дискредитирована. Но эта война — священная, по повелению Господа начатая Его приемным сыном. И победа в этой войне значит великое добро, величайшее, для всего человечества и во веки веков.

Отчего же так тяжело на сердце и наворачиваются слезы?

Вот Бронски и Ширази с виду счастливы. Сомнений у них нет. Они, как и весь экипаж «Маранаты», улыбаются, поют по-крешийски и на иврите — кто веселые народные песни, кто набожные молитвы.

У Орма, если не считать двух часов после ужина, было мало времени думать о чем-нибудь, кроме своих обязанностей. Он все время был занят совещаниями с лидерами государства и высшим командованием флота. Иногда Иисус сообщал какие-то детали обширных планов, составленных для Земли. Орм предназначался на должность главного администратора региона Северной Америки. Ширази должен был стать главным консультантом по работе с мусульманскими странами. Бронски возглавит департамент по связи с Западной Европой и Израилем. Он также будет курировать работу с немусульманскими коммунистическими странами.

Кроме того, Орм брал краткие уроки иврита, чтобы хорошо понимать слова богослужения. И в постель он ложился усталым донельзя. Но заснув, видел яркие и реальные сны. Более того, кошмары, от которых просыпался в холодном поту. Обычно на него направляла грозный палец сгорбленная фигура, и она плыла к нему, не двигая ногами, и вот-вот должен был он увидеть ее лицо. Тут он вскакивал с криком, и Надир или Аврам спрашивали, в чем дело.

Однажды на дневной вахте он им рассказал. Бронски заключил:

— Я думаю, Ричард, что ты обратился не полностью. Ты все еще не принял сердцем то, что признал твой язык.

— Не говори так! — вскрикнул Орм. — Ведь я верю, что он — Мессия, Иисус Христос воистину. Да кто бы мог, увидев то, что видел я, верить в иное?

— Позволь мне напомнить тебе притчу, сказанную когда-то Иисусом о богаче и Лазаре, — сказал Бронски. — Помнишь? Богач пировал, а Лазарь, нищий, лежал у его порога, покрытый язвами, и псы лизали их. Богач же не омыл нищего и не накормил его, просто не хотел видеть. Оба они умерли, и нищий был взят на небо, а богач ввержен в геенну огненную. Богач взмолился Аврааму о помощи, но получил ответ, что ни взять его из пламени нельзя, ни даже воды ему дать утишить огонь языка его. И просил тогда богач, чтобы послали Лазаря к пяти его братьям предупредить их, что если не оставят пути свои, то будут гореть в пламени ада. И ответил Авраам: «Если не слушают они Моисея и пророков, то не убедит их и тот, кто восстал из мертвых». К тебе это тоже относится. Ты видел куда больше, чем восставшего из мертвых человека, но все же ты сомневаешься.

— А ты?

— А я нет. Может быть, тебе следует пойти к Иисусу и рассказать, что тебя мучает. Я уверен, что он успокоит твои сомнения.

Орм обдумал это. Затем, собравшись с духом, попросил аудиенцию через Аззура бен-Асу, главного секретаря Мессии. Аззур ответил, что сейчас Мессия никого принять не может.

— Он три дня проведет в чертогах отца своего.

Минуту Орм не понимал. Потом спросил:

— А, в ядерном реакторе корабля?

— Можно и так это назвать, — ответил бен-Аса.

Орм поблагодарил и отключил интерком. Вот оно, то, что лежало в основе его сомнений. Как может человек, даже сам Иисус Христос, войти в атомную печь и выйти невредимым? И главное, зачем?

Ох, если бы Иисус хотя бы не рассказал ему эту басню про энергетическое существо! Эта гипотеза, как и другие, должны были быть просто игрой воображения, сочиненной тут же на месте — показать Орму, к какому абсурду приводят попытки рационалистических объяснений неверующих. Кажется, Иисус сам веселился, когда это рассказывал. Он не был той неулыбающейся личностью, какую мог представить себе читатель Евангелий. Но что, если он под видом фантазий рассказывал правду? Или, наоборот, проверял крепость веры своего ученика?

Орм вернулся мыслями к реактору. Иисус ушел туда, как уходил в смертоносное нутро шара, служившего солнцем пещеры на Марсе. Если он воистину человек, как мог он выжить там больше микросекунды? Немыслимо! А марсиане считали его человеком, подобным себе, и более чем человеком. Перед его способностью жить в реакторе они благоговели, но считали ее естественной. Да и что могло быть не естественным для Сына Человеческого, ставшего приемным Сыном Божиим? И что более естественным, чем уход Иисуса для разговора с Богом туда, куда не мог проникнуть никто другой?

Видел ли Иисус Бога? Нет, если верить марсианам, ссылавшимся на Ветхий Завет. «Никто и никогда не видел Бога». Это значит, никто из живущих.

Но опять — если бы не эта сказка про энергетическое создание! Был ли Иисус в этой атомной Святой Святых с Господом? Или он просто восстанавливал силы, питаясь, в буквальном смысле, этой бушующей радиацией?

В этот день Орм трижды молился вместе с остальными. Но вечером в своей койке, убедившись по дыханию соседей, что они спят, он встал. Упав на колени, он почти неслышно молился о даровании ему прозрения.

— О Боже, дай мне знать истину! Ибо я пребываю в отчаянии, в аду незнания. Очисти меня,

Господи! Да будет душа моя тверда, да не содрогнется она, да приложится она к истине. К Тебе, Отче, взываю! Аминь.

Орм ничего не услышал, кроме тихого дыхания Бронски и Ширази, ничего не увидел, кроме темноты каюты. Вернувшись в койку, он долго лежал неподвижно, потом погрузился в спокойный сон.

Во сне какой-то голос стал говорить, что Иисус предостерегал от троих: от лицемера, от крючкотвора и от лжепророка.

— И кто же он из троих? — спросил глубокий голос.

— Кто — «он»? — переспросил Орм.

— Ты знаешь, — ответил голос.

— Но... я не знаю... — Орм застонал. Но голос молчал, и Орм прошептал: — Лжепророк?

— Ты говоришь.

Орм вынырнул из глубины и на самой грани пробуждения ощутил то же знакомое и теперь почему-то утешительное чувство, что кто-то стоит возле его постели. Он открыл глаза. Возле него стоял человек, испускавший яркое сияние. Он был в черном хитоне, и его волосы и борода отсвечивали красноватым. С орлиного и очень красивого лица глядели внимательные глаза человека, который много страдал.

Орм не попытался встать. Он лежал на спине, повернув голову к стоящему, сердце его колотилось, руки судорожно комкали простыню.

Человек выглядел точно как Иисус Христос в воображении Орма — даже сквозь испуг пробилось воспоминание об иконах, висевших на стенах родительского дома.

Сияющий человек поднял руку и сделал благословляющий жест, потом фигура его стала уплывать назад и сияние начало меркнуть. Человек исчез, и оно погасло.

Все это длилось не больше десяти секунд.

Орм понял, что этот человек — не тот Иисус, которого он увидел сходящим с солнца в пещере. Это был тот, кто приходил к его постели, истинный Иисус. Иисус, смотревший за ним. И теперь, когда его ученик был на грани отчаяния, Иисус явился ему. И пришел свет, тот свет, что исходил от Иисуса. Слова не были нужны — достаточно было его явления.

Или — должно было быть достаточно. В прежние века увидевший такое видение понял бы его буквально. Фигуру он посчитал бы тем, кем она казалась — других объяснений не могло быть. Но Орм родился в менее наивные и более просвещенные времена. А если эта фигура просто феномен, который иногда видят люди на грани сна и бодрствования? Орм такого раньше не испытывал, но читать приходилось. И один из его знакомых получал такие видения время от времени. Этот приятель говорил, что подобные вещи его пугали — они казались реально существующими, и он готов был поклясться, что

видел их наяву. Однако признавал, что мог лишь полагать себя вполне проснувшимся и что эти явления могли быть лишь проекцией его бессознательных страхов и стремлений.

Думая об этом, Орм вынужден был признать, что его видение тоже могло быть таким же. В конце концов, он был инженером, с дисциплинированным, приученным к научному мышлению умом, и должен был выбрать наиболее вероятное объяснение. Бритва Оккама. Пусть она режет, как бы это ни было больно.

Но неважно было на самом деле, являлся ему истинный Иисус или нет. В этом видении проявилось то, во что он, Орм, в глубине души верит. «Я — Путь твой». Это видение было дверью, сквозь которую Орм увидел глубины своего подсознания. Или, выражаясь более старомодно, но не менее верно, своей души.

Убежденный явившимся откровением, Орм должен был бы обрести возможность заснуть. Но теперь надо было обдумать другие проблемы. И пока его соседи по койкам спали, он стал думать, что он должен и что сможет сделать. И как всегда, здесь была большая разница.

ГЛАВА 23

На полпути к Земле флот начал торможение. Но и выйдя на околоземную орбиту, экипаж не ощутил невесомости. В каждом корабле генераторы гравитации поддерживали марсианскую силу тяжести.

«Мараната» вышла на стационарную орбиту прямо над Иерусалимом. Два корабля легли на встречные циркумполярные орбиты. Еще два заняли экваториальные орбиты. Орбита шестого опоясывала Землю под углом сорок пять градусов к экватору. Седьмой же, гигантская «Зара», кружил вокруг планеты на высоте двести тысяч миль, меняя орбиту ежедневно.

На спутники связи и погодного наблюдения не стали обращать внимания, так же как и на два спутника с космическими колониями. Но «космический мусор» — обломки и падающие на Землю по нисходящей орбите отработавшие

спутники «Зара» разнесла дезинтегратором. Это делалось для двух целей. Во-первых, гарантировалось, что никакие объекты искусственного происхождения не упадут на поверхность и никого не убьют. А во-вторых, мощь «Зары» должна была произвести впечатление на землян.

На следующий день после этого сам Иисус попросил разрешения посадить «Маранату» в окрестностях Иерусалима. В ответ пришел отказ, хотя и очень вежливый и обставленный множеством извинений. Израильский кнессет продолжал жаркие дебаты о том, должен ли Иисус получить разрешение на посадку как политический лидер марсиан или же как Мессия. Поскольку Иисус настаивал, что он — Мессия, а политическим лидером марсианского государства был верховный судья — крешиец по имени Элиахим бен-Йоктан — вопрос казался неразрешимым. Фактически кнессет просто оттягивал момент решения, насколько было возможно. Израиль раскалывался на части, брат шел против брата, отец против сына. Горстка ультраортодоксов, настолько реакционных, что не соглашались признать Израиль государством за недостаточную религиозность, просто отказывались даже рассматривать мысль, что Иисус может быть Мессией. Ортодоксы раскололись — некоторые были в восторге от того, что Мессия на-

конец явился, другие же с пеной у рта кричали, что он не истинный еврей, не говоря уже о том, что не принадлежит к роду Давида, нареченного Помазанником. Значительную часть населения составляли агностики, атеисты или приверженцы реформированного иудаизма. Многие, не исполняющие обрядов и запретов, хотя и называющие себя евреями, были увлечены религиозной волной и теперь были так же набожны, как ортодоксы из ортодоксов. Они вслух призывали правительство разрешить Иисусу спуститься, и да начнется эра Мессии.

Нация была парализована. Деловая и повседневная жизнь прекратилась, насколько это только было возможно. Жители прилипли к телевизорам или погрузились в споры с родственниками, соседями, друзьями; на улицах незнакомые люди вступали в жаркие дискуссии. В воздухе носились цитаты из Пророков и Талмуда — как в подтверждение, так и в отрицание.

Не только Израиль — и другие нации погрузились в тот же водоворот. Как ни старались коммунистические правительства скрыть содержание посланий Иисуса, им это не удалось. Подпольными каналами и по радио новости доходили до населения, хотя часто и перевернутые. Социалистические демократии тоже, хотя куда как менее энергично, пытались хоть частично подвергнуть информацию цензуре. Были

даже группы граждан, требовавшие, чтобы эти послания не подлежали обнародованию, особенно все, что относится к религии.

Папа Римский выступил по телевизору и разоблачил Мессию как Антихриста. Патриарх Константинопольский часом позже повторил то же обвинение. Архиепископ Кентерберийский заявил, что англиканская церковь в настоящий момент не будет высказываться относительно статуса объявившего себя Мессией. Следует внимательно изучить послания с теологической точки зрения, сравнив с Писанием. Но это, как было ясно, служило лишь оттяжкой неизбежного решения. Даже мирянин с поверхностным знанием Библии (а таковы были большинство членов церкви) мог видеть, что учение англиканской церкви с заявлениями Мессии никак не согласовать.

Баптистские церкви, Южная и прочие, официально отвергли этого Иисуса. Но приверженцы их раскололись, и сразу появилось множество новых сект.

Официальные главы индуизма, ислама и буддизма отнеслись к Иисусу с презрением. Но и их паства испытала раскол. Повсюду зазвучали злые слова, и насилие тоже не заставило себя ждать. Прокатилась волна беспорядков и демонстраций, в Уганде произошла революция.

На третий день нахождения флота на орбите замолчало радио и телевидение всего мира. И на всех каналах зазвучала передача из узла связи «Маранаты». Кое-где правительства оперативно отключили электроэнергию, но приемники продолжали работать. От этого чиновники впали в панику. Как марсиане это могут? А если они могут это, то что еще в их власти?

Все государства, разумеется, заявили протест, но Иисус ответил, что это было необходимо и сделано лишь для блага людей.

Двадцать четыре часа шел на Землю поток программ с «Маранаты». В них излагалась история крещийцев до прихода на Землю, показывались съемки Земли в пятидесятом году новой эры, захват пленников-землян, проповеди Матфия и их воздействие на пленников и крещийцев, обращение в веру, первое явление Иисуса и многочисленные картины марсианской жизни и участия в ней Иисуса. Еще передали программы с участием космонавтов — на случай, если их ранее не пропустила цензура.

Правительства гневно протестовали и производили завуалированные угрозы. Но ракеты с ядерными боеголовками против кораблей никто не направил.

В финальной полуторачасовой программе Иисус лично объявил, что марсиане могут вылечить любую болезнь и предупредить ее возврат. В том числе душевные заболевания

наследственной или обменной природы и старение.

Кроме того, если позволят правительства, в разных местах приземлятся небольшие машины. Они будут вырабатывать «манну». Это мягкое белое вещество, содержащее все необходимые для правильного питания элементы и имеющее приятный вкус. Каждая машина будет вырабатывать сто кубических футов манны в час. Манну можно будет доставлять голодающим Земли — которых сейчас много — и бесплатно (на данный момент) им раздавать.

Орма это известие ошеломило. Пока Иисус не сказал, он даже не знал, что такая вещь существует. Когда он чуть оправился от шока и стал способен мыслить, он увидел последствия этого. Если правительства откажутся доставлять еду, их ждут бунты, с которыми нелегко будет справиться.

— Не пытайтесь отговориться нехваткой транспорта или его дороговизной! — воскликнул Иисус. — И не пытайтесь нажиться на манне или не дать ее тем, кого ваши правительства не любят! Горе тому, кто совершит такое злодеяние, горе тому, кто выполнит приказ его совершить! Горе им, ибо велико будет их наказание!

Бешеные протесты по поводу вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Никакого ответа на эти протесты.

А потом Иисус объявил гвоздь программы. Да, на свете есть физическое бессмертие, и людям оно может стать доступным. Единственное условие его получения — человек должен приобщиться к истинной религии и верить в него, Иисуса, как в Мессию.

— Но горе лицемерам, кто скажет «я верую» лишь для получения дара жизни! Ибо будут они отысканы и брошены во тьму внешнюю!

И при этой угрозе доброта исчезла с лица Иисуса, и пламя обещанного ада вспыхнуло в его глазах.

— Горе вам, говорю я, сердца змеиные! Не надейтесь обмануть меня, ибо отысканы будете!

Отец дал вам все добро жизни, и вы обратили его во зло! Но когда Отец дает, ничего не дает Он даром! Чтобы получить, вы должны давать!

Глядя на экран у себя в каюте, Орм представил себе, какой эффект произведет на людей обещание бессмертия. Да, конечно, многие об этом уже слышали, поскольку некоторые правительства не вырезали это из прошлых передач. Но в большинстве государств эту весть не допустили к трансляции.

В этот момент большинство зрителей на Земле думали, что передача окончена. Что еще может он пообещать? И тогда Иисус сообщал им о надежде на воскресение всех умерших. Он не

сказал, что это случится в ближайшую сотню или две лет, но говорил определенно.

Вот это оно и есть, подумал Орм. Теперь подпишутся все. За бессмертие они пойдут на все. Большинство, по крайней мере. И Новый Мир, Царствие Небесное и правление Мессии начались. Пока они победят, может пройти время, но дело началось, и ничто его не остановит.

Неужели они не видят, что то же самое пообещал бы и дьявол? Но... этот человек может выполнить свои обещания. Но и дьявол, наверное, мог бы. И дьявол тоже считал бы себя добрым. Разве зло верит, что оно зло? Все считают себя хорошими. И Гитлер, и Сталин, и Мао, Наполеон и Александр Великий, Юлий Цезарь и Аттила, и Навуходоносор — все считали, что они-то на стороне добра.

Разница между ними и Иисусом лишь в том, что Иисус способен творить добро. Но это — коварное добро, которое не прямо, но изощренно приведет к изощренному злу.

Ничто его не остановит. Если только... но что может сделать он, один человек?

На следующий день «Зара» совершила деяние, которое в умах большинства могло считаться только добром. По всей земле все ракеты с ядерными боеголовками и все пушки с атомными снарядами вдруг расплавились. Снова были подавлены все каналы радио и телевидения, и

по ним вновь прошла прямая передача с «Маранаты».

— Конечно, — сказал Иисус, — великое горе для тех, кто ненавидит людей и любит войну. Я сотворил бы зло, если бы уничтожил ракеты лишь одной страны и не тронул других. Но я беспристрастен, я не выбираю сторон, говоря: вот это добро, а это зло. Змеи, наследники развращенных поколений, вы все повинны! Покайтесь и взмолитесь Господу от всего сердца вашего, ибо лишь Он может оградить вас от вас самих!

Были, конечно, протесты, и на них снова не было ответа.

Иисус снова просил разрешения на посадку возле Иерусалима и снова получил отказ. Кнесет не мог решиться, и в государстве Израиль был объявлен комендантский час. Улицы патрулировались полицией и солдатами. И это была не единственная страна, где ввели военное положение.

На четвертый день утреннее небо Ближнего Востока окрасилось в кровавый цвет. На несколько часов солнце заволоклось дымкой и стало почти черным. А луна стала красной, как кровь.

Бронски, глядя в телевизор, заметил:

— Это наверняка работа «Зары». Представляешь себе, какая нужна мощность и какие

средства для управления такой энергией? Несомненно, Бог отцов наших с нами!

Орм ничего не ответил. Он думал, не ошибся ли он. Но вспомнил сияющую фигуру у своей постели и укрепился духом.

На пятый день Иисус снова попросил разрешения на посадку.

— О люди с малым умом и еще меньшей верой! Зачем ожесточаете сердца свои? Чем же убедить вас, что я — Помазанник Небесный?

Кто верит в меня, тот верит не в меня, но в Него, пославшего меня. И кто видит меня, тот видит не меня, но Его, пославшего меня. Я пришел в мир, как свет, дабы каждый, кто верит в меня, не остался во тьме. Вы, Дети Тьмы, вы можете стать Сынами и Дочерьми Света. Но вы повинны склонить выи свои и смягчить сердца ваши!

Он говорил по-английски без малейшего крещийского или ивритского акцента. Его произношение соответствовало канадскому, торонтскому, несомненно, заученному из записей разговоров Орма на Марсе. Его могли понять миллионы людей, а для тех, кто не мог, шел закадровый перевод или титры на языках, известных Бронски или Ширази: иврите, арабском, хинди, мандаринском диалекте китайского, суахили, испанском, французском, немецком, итальянском, фарси, русском, польском, греческом и португальском.

Даже в далеких деревнях всегда мог найтись человек, способный перевести с английского для своих односельчан.

Английский все еще служил языком общения для всего мира, но Орм знал, что это теперь временно. Когда-нибудь международным языком станет крешийский. И в свое время после неизбежного периода кровавой смуты крешийцы и люди Марса, как старшие братья, возглавят Израиль, старшего брата наций Земли, и будут учить, менять, формировать. В свое время вся планета станет очень похожа на Марс, только сохранятся этнические, национальные и расовые различия. Россия останется Россией, Китай — Китаем, Северная Америка — Северной Америкой, но исчезнут границы с таможенными и вооруженной охраной. Женщина не будет бояться пройти по темной улице, и ее не изобьют, не ограбят и не изнасилуют. Дети не будут бояться говорить с незнакомыми людьми. Пушки и пулеметы переплавят на плуги. Очистят океаны, ручьи и реки. Наступит время — и придет Царствие Небесное, хотя в некоторых людях будет еще проявляться противоречивая и склонная ко злу «природа человеческая». Но хотя Земля не станет Утопией, все же будет настолько к ней близка, насколько это позволит эта самая природа.

Будущее выглядело очень заманчиво. Откуда же была у Орма эта тяжесть на сердце?

Потому ли, что Царство это будет воздвигнуто на Земле силой, и пусть заманчива цель, но средства — кровавая бойня и страдания миллионов? Но люди Земли испытывали бойню и смуту и насильственную смерть еще с тех времен, как первый человек ходил по вельду или крался по джунглям. И до сих пор не было способа положить этому конец. Да, в этом случае цель оправдывает средства.

Но если этот Иисус — Антихрист, то конец будет не таков, каким он мыслится сейчас.

Орм мысленно вознес молитву к истинному Иисусу:

«Помоги мне, Господи! Избавь меня от слабости, укрепи меня!»

Спустя два часа пришло сообщение из Иерусалима. Здание кнессета захвачено толпой, которая требует, чтобы Мессии разрешили приземлиться. В толпе много полицейских и солдат, бросивших оружие и примкнувших к своим согражданам. Премьер-министр, половина кабинета и треть депутатов подали в отставку. Несмотря на нелегитимность процедуры, остальные депутаты кнессета послали приглашение. Однако они попросили отсрочки. Многие главы государств хотят присутствовать в момент прибытия корабля, но полет в Иерусалим займет время. Кроме того, меры безопасности требуют приготовлений, которые не удастся завершить раньше утра. Будет ли это дозволено?

Иисус любезно согласился подождать еще день.

— Но я не забуду, что многие из вас ожесточили против меня сердца свои. И многие не сказали, со мной они или против меня. Всякий, кто не скажет, что он со мной, — против меня. Горе вам, жестокосердные и равнодушные!

В эту ночь Орм опять молился, ожидая, что Господь явится снова. Но Он не явился.

ГЛАВА 24

«Мараната» должна была приземлиться в полдень. Но рано утром пришел вызов от рабби Рам Вайзингера, исполняющего обязанности премьер-министра. По лицу под черной шляпой тек пот.

— Господин, мы просим у тебя еще один день. Собрались такие толпы, что придется вызывать еще войска. Иначе мы не можем гарантировать твою безопасность. Очень многие люди зла — мусульмане, христиане и евреи — клянутся тебя убить. И мы пока не можем защититься от всех, хотя арестовали уже многих.

— Пусть они вас не волнуют, — ответил Иисус. — Меня нельзя убить.

У Вайзингера выкатились глаза, и лицо приняло странное выражение. Но он промолчал.

В десять ноль-ноль трое космонавтов получили от Хфатона инструкции, что им делать по-

сле приземления. Орм не задавал вопросов, и когда его отпустили, прошел к себе в каюту. Ширази и Бронски с ним не пошли.

В одиннадцать тридцать Орм должен был явиться в зал возле центрального поста. Инструктаж закончился в десять тридцать, и у него оставалось меньше часа на то, на что, как он надеялся, у него хватит духу. Орм упал на колени и молил Господа наставить его. Когда он поднялся, сердце все еще лихорадочно стучало, а в животе сгустился ком.

Присев на край койки, он положил себе на колени Святое Писание на крешийском. Используя его как стол, он быстро, без помарок, написал трехстраничное письмо, подписался и поставил число на всех трех страницах и оставил на них отпечатки всех пальцев правой руки. Когда чернила высохли, он вложил письмо в конверт и сунул во внутренний карман мундира.

В десять сорок пять он вышел из каюты. Направился он не на средний уровень, где были его соотечественники и много свободных от вахты офицеров, а в корму. Примерно в десять пятьдесят пять он увидел свою жертву — солдата, выходящего из кубрика, где он обитал с девятью другими. Сейчас кубрик был пуст, солдат был один и вокруг никого не было. Орм, с неприязнью к тому, что должен был сделать, ударил кулаком солдата в челюсть и, когда тот

покачнулся — под ложечку. Затем оглушил его ребром ладони по шее. Затащив потерявшего сознание солдата в кубрик, Орм вытащил у него из кобуры лазерный пистолет.

В одиннадцать ноль-пять он вышел. Солдат был все еще без сознания, связан по рукам и по ногам и лежал под койкой с кляпом во рту. Сержант заметит его отсутствие, но вряд ли кого-то за ним пошлет. Просто запишет его имя для наложения взыскания. Но лучше бы иметь гарантию. И потому Орм, прочитав на табличке имя, звание и подразделение, вызвал по интеркому сержанта.

— Рядовой Йоханаан бен-Обед прикомандирован ко мне, — сказал Орм. — Решили, что мне желательно иметь переводчика, знающего иврит, и я выбрал его.

— Ясно, сэр! — ответил сержант.

Марсианская армия ничем не отличалась от других. Старшим вопросов не задают.

В одиннадцать пятнадцать Орм явился на место сбора. Иисус сменил голубой хитон на алый. Поскольку Орм впервые увидел его в одежде такого цвета, он заинтересовался, чем бы это могло быть вызвано. Потом вспомнил, что перед распятием Иисус был по распоряжению властей одет в алое. И этот цвет он выбрал, чтобы напомнить о распятии землянам. Он мог бы еще надеть терновый венец и взять тростниковый жезл, которые римские солдаты сначала вручи-

ли ему, а потом отняли, чтобы ударить по голове. Но такое было бы слишком театральным даже для этого человека.

При входе Орма Иисус прервал разговор с двумя офицерами и странно на него посмотрел. Орма прошиб пот. Неужели он заметил, что его ученик нервничает? А может быть, он вообще все знает? Когда-то ведь он говорил, что может читать в умах, хотя никогда себе этого не позволяет. А вдруг в этом случае, заметив выражение лица Орма, как бы тот ни старался владеть собой, или обнаружив эмоции, владевшие им — скажем, по электрической проводимости кожи, — Иисус нарушил свое правило?

Если так, то все погибло. Но Иисус ничего не сказал ни ему, ни офицерам, значит, не все так серьезно. В конце концов, здесь нервничали все, кроме Мессии. И все испытывали усталость, поскольку марсианскую гравитацию отключили, и на них действовало притяжение Земли. Привыкнуть к своему новому весу им удастся далеко не сразу — он на две пятых больше, чем на их родной планете. Но они будут ездить в экипажах, окруженных полем марсианской гравитации, и все, кроме Хозяина, наденут пояса с портативными гравитаторами. Когда тяжесть станет невыносимой, их можно будет включить.

Да, здесь одно только такое устройство может принести целое состояние, подумал Орм и

криво улыбнулся. Даже в такую минуту он думал о выгоде от продажи марсианских товаров!

«Прости меня, Господи!»

Люк распахнулся. Ворвались яркий солнечный свет, горячий воздух и рев толпы. Иисус сделал шаг наружу и остановился. Стоявшие сзади тоже замерли. Иисус поднял руку и провозгласил:

— Да благословит вас Господь, наш Создатель, дети Земли и Марса!

Его ждал полк солдат, отряды полиции, почетный караул, съемочные группы и человек пятьсот высших сановников Земли. Вокруг всего поля и ведущей от него дороги вся земля была укрыта людским ковром. Люди усыпали низкие холмы и крыши домов. Когда он вышел, толпа взревела так, что его приветствия не могло быть слышно. Но микрофоны телевизионщиков должны были его уловить.

Орм вышел наружу вместе с остальными. Поначалу была путаница. Иисус должен был встретиться и обменяться несколькими словами с собравшимися главами государств. Он протянул руку — не для пожатия, а для поцелуя. Шейла Пал, президент Конфедерации Северной Америки, ни на минуту не задумалась, хотя знала, что миллионы ее избирателей будут взбешены. Не колебался и итальянский посол, хотя и знал, что Папа не признал Мессию и что его собственное правительство официально считалось

коммунистическим. Поцеловать руку Иисуса — значило, по крайней мере теоретически, оскорбить большинство населения, набожных католиков и придерживающихся официального атеизма высших государственных лиц. Но правительство объявило, что посол направлен лишь приветствовать главу иностранного государства — Марса. Религия Мессии не имеет отношения к дипломатическому протоколу.

Большинство других коммунистических стран и многие социалистические демократии приняли эту линию поведения. Китай и страны Юго-Восточной Азии не прислали представителей, но Индия, хотя и страна коммунистическая, была представлена президентом и премьер-министром. Советский посол в Израиле явно получил инструкции следовать примеру посла Италии. Целование руки ожидалось, хотя никакой уважающий себя атеист и марксист не станет исполнять этот буржуазный обычай и вообще опиум для народа. Но когда Анатолий Шевченко протянул руку Иисусу для пожатия, он вдруг не только поцеловал руку Иисуса, но и встал на колени.

— Прости меня, господин! — вскричал он. — Я сомневался, но теперь верю, что ты воистину Мессия и что есть Бог! Прости мне грехи мои, ибо их много, и позволь коснуться твоей святости!

— Ты прощен, — ответил ему Иисус, — и ты будешь теперь на моей стороне вовеки. Хотя ты не семени Авраамова, ты из тех, с кем заключил завет Создатель во времена Ноевы. Встань и отныне преклоняй колени свои лишь для молитвы Вездесущему.

Орм был потрясен вместе с остальными, хотя и не в такой степени, поскольку не мог себе представить, какой эффект вызовет это обращение за «железным занавесом». Или на самом деле по обе его стороны. Это видел весь мир, и что за сенсацию должно было вызвать это событие!

Конечно, посол, марксист и атеист в третьем поколении, должен был испытывать сомнения. Он мог не осознавать их, как святой Павел, когда преследовал христиан. Но, как и Павел, он был ошеломлен без предупреждения. У Павла был путь в Дамаск, у посла — в Иерусалим.

Или — и тут Орм обругал себя за свою всегдашнюю подозрительность — посол получил от своего правительства инструкции симулировать обращение? И потом шпионить за Иисусом. Нет, Советы должны были представлять себе, какое действие это произведет на весь мир. Идти на такой риск ради внедрения агента? Маловероятно.

Орма снова одолели сомнения и слабость, физическая и эмоциональная. Этот человек, или это создание, говорил и действовал как

уполномоченный самого Бога. Да, но Антихрист тоже будет казаться силой добра, казаться самим Иисусом Христом. Лишь по плодам их узнаете их. Судить об Антихристе можно по отдаленным результатам его действий. Но пока что этот марсианский Иисус не сделал ничего, что не сделал бы настоящий Иисус.

В свое время плод созреет для жатвы. И тогда все, в чьем сердце живет добро, увидят, кто был кем и что было чем.

Орм подумал, не следует ли ему подождать, отложить то, что задумал он сделать в этот день. Он ведь не дал так называемому Мессии время открыть зло, лежащее под кажущимся добром. Следует дать зерну взрасти — и увидеть, как вместо злаков вырастет бурьян?

«О Господи, — думал Орм, — не дай мне уклониться с пути ни вправо, ни влево. Дай мне идти путем прямым в город Твой возлюбленный».

Он оглянулся и обрадовался, увидев знакомое лицо. Этот человек здесь — знак от Господа? Это был Джек Тарлатти, известный продюсер телевизионных новостей.

Орм направился к нему, видя, как за ним наблюдают два марсианских солдата. Но они лишь следили за его безопасностью. Схватив Тарлатти за руку, Орм крикнул:

— Джек, старый пьяница, мое благословение и мой крест! Было время, я уж не думал тебя увидеть! Как живешь?

Ощувив у себя в руке сложенное письмо, Тарлатти перестал улыбаться.

— Просто возьми его, — тихо сказал Орм. — И положи в карман, когда никто не будет видеть. Прочтешь у себя в отеле. Там все ясно. И сделай, Джек, как я говорю. Такой сенсации у тебя еще не было.

Тарлатти, стараясь улыбнуться шире прежнего, ответил:

— Все, что скажешь, Дик. А как насчет интервью на месте?

Орм огляделся. Секретарь Иисуса Аззур жестом подзывал его. Он был нужен при церемонии приема приветствий от сановников.

Орм потрепал Тарлатти по плечу:

— Извини, сейчас я слишком занят. Был рад тебя видеть, Джек. Ну, ни пуха, я должен бежать.

Идя прочь, он надеялся, что любопытство не заставит Тарлатти нарушить обещание. Это письмо не должно быть прочитано, пока не будет сделано то, что нужно сделать.

Время тянулось бесконечно, но дипломатические приветствия наконец закончились. Из «Маранаты» выплыли тридцать лодок, похожих на каноэ, и в них расселись марсиане и почетные гости с Земли. В передней лодке сидел пилот, Иисус, русский посол, премьер-министр Израиля, адмирал флота, секретарь Иисуса и президенты КСА, Уганды и Западной Германии.

Орма несколько удивил выбор последних трех, но он был уверен: Иисус знает, что делает.

Процессия тронулась, возглавленная полицейскими мотоциклами и бронированным автомобилем. За ними пристроились телевизионщики и три машины израильской секретной службы. Дальше летела лодка с Иисусом, еще две машины секретной службы, лодки марсиан, автомобили с израильскими и приезжими сановниками и еще люди в штатском, полисмены в форме и солдаты. По обеим сторонам дороги солдаты не давали толпе надавить или даже попытаться. Жара и крик оглушали. Шум был такой, что Орм не слышал слов, которые Бронски кричал ему в ухо.

По плану процессия должна была сначала направиться к Стене Плача. Там Иисус должен был несколько минут молиться. Оттуда он направлялся в кнессет, где должен был произнести короткую речь с трансляцией по телевизору, а оттуда — в новый отель «Царь Давид», отведенный исключительно для марсиан и нескольких сот человек охраны.

Орм пощупал рукоять лазера под просторным мундиром. Когда доедут до Стены Плача и Иисус выйдет, он пустит оружие в ход. Весь мир увидит, как Ричард Орм, капитан марсианской экспедиции, недавно уверовавший в Иисуса с Марса, вытащит лазер и выстрелит в него. Орм не рассчитывал после этого прожить долго.

Равным образом не был уверен, что Иисус будет хотя бы ранен. Если он и в самом деле энергетическое существо, он поглотит луч лазера. Если он не это существо, а Антихрист — если это не одно и то же — он все равно неуязвим. Человек, который может войти в атомный реактор, как Седрах, Месах и Абденаго в печь огненную, не убоится пламени лазера. С другой стороны, если он всего лишь человек, он, быть может, и не входил в реактор, а лишь делал вид, что входил.

Но как бы ни обернулось дело, весь мир, Земля и Марс, увидят, как Ричард Орм пытался убить Мессию. И даже, быть может, услышит слова его отречения, хотя на это мало шансов. Но Джек Тарлатти представит его письмо, и тогда каждый узнает правду, а решатся ли люди ей поверить — то в руках Господа.

Но он, Ричард Орм, сделает то, что хочет от него Бог. И умрет мучеником за истинную веру. Мир увидит — хотя поймет, наверное, не сразу, — как человек, стоявший рядом с Иисусом и говоривший с ним, не поверил, что это истинный Иисус. И этот не поверивший — землянин. И тогда люди Земли могут решить, что один из них знал правду и, зная ее, поступил так, как подсказала ему совесть.

Или его не поймут? И назовут Иудой Искаротом?

Неважно. Должно поступить так, как должно.

Гульtxило будет очень больно и очень стыдно, когда она это увидит. Может быть, и она, и ее ребенок подвергнутся позору, хотя они и невиновны. Но все равно он должен это сделать.

Орм все еще думал об этом, когда лодка подплыла по воздуху к вершине холма, где открывался вид на раскинувшийся внизу Иерусалим. Вот он, подумал Орм. Как же изменились мои чувства! На Марсе я предвосхищал восторг, видя мысленно возвращение Иисуса в город, распявший его. Тогда я не знал, что пригвожденный к кресту Иисус — это не тот, который через две тысячи лет вернется триумфатором.

Тут справа от него началось движение, людей захватывал водоворот толпы. Солдаты остановились, и с ними вся процессия.

— Что случилось? — крикнул Орм неизвестно кому.

Вдруг загремели пистолетные выстрелы. Пошатнулся и упал солдат, и из толпы вырвался высокий и тощий бородатый человек с бешеными глазами. Подняв пистолет, он наставил его на Иисуса. В него ударили пули не меньше десятка солдат — остальные, видимо, промахнулись, поскольку четверо зрителей упали на землю.

Но этот человек лишь отвлекал внимание. С другого конца улицы шагнула женщина и бросила что-то круглое. Граната!

Она взлетела по дуге и упала у ног Иисуса, стоявшего возле машины в своем алом хитоне и явно не подозревавшего об этой атаке с тыла.

Орм закричал.

Не было времени понять иронию момента: предупреждать человека, которого собираешься убить. Подумать о том, что взрывом бомбы убьет и его самого, он тоже не успел.

Вскочив с сиденья, Орм выпрыгнул наружу, вылетев из островка марсианской гравитации в земную. Он прыгал, рассчитывая пролететь двадцать футов, но из-за разницы гравитации резко свалился под прямым углом. Но левая рука его, вытянутая вперед, схватилась за небольшой металлический шарик. Орм свалился на землю, прижимая обеими руками гранату к животу, лицо и колени скользнули по мостовой.

Подумать об иронии судьбы тоже не было времени. Он умрет мучеником не за истинного Иисуса — за ложного.

ГЛАВА 25

Время, оказывается, было.

— Зачем я это сделал? — попытался произнести Орм непослушными губами.

Вокруг него орала толпа. В глаза било жаркое солнце. Потом между ним и пылающим светом вдвинулась голова, и Орм узнал улыбающееся лицо Иисуса.

— Не взорвалась? — спросил Орм.

— Взорвалась, — ответил Иисус. — Тебе оторвало ноги, разворотило живот и гениталии, а руки до локтей разорвало в клочья.

Он наклонился и коснулся лба Орма. Чувство нереального, слабость и оглушенность почти растаяли.

— Вот. Это должно помочь.

Орм сел. Тело было невредимым. И к тому же голым. Клочья мундира валялись рядом. Возле борта машины, откуда он выскочил, лежал

его лазерный пистолет. А где кровь? Рассеяна Иисусом, как кровь того барана на Марсе? Конечно же!

Но в нескольких футах от него солдаты собирали в пластиковые пакеты кровавые остатки мяса и костей. Орма чуть не стошнило, но Иисус снова коснулся его, и тошнота отступила.

По другую сторону сгрудились Бронски, Ширази и русский посол, все бледные, как будто они, а не он, стали трупами. Лихорадочно работали телевизионщики, направляя камеры на него, на Иисуса, на толпу.

«От взрыва гранаты я должен был бы оглохнуть, — подумал Орм, — но Иисус вернул мне слух».

Подошел крешийский солдат с большим одеялом.

— Встань, человек, и прикрой наготу свою, — сказал Иисус.

Орм повиновался и обернул вокруг себя одеяло.

Иисус повернулся, отошел к машине, поднял лазерный пистолет. Вернувшись, протянул его Орму:

— Его надо было держать в кобуре, а не под мундиром. Как ты собирался успеть пустить его в ход?

Орм покачал головой:

— Я не могу одновременно нести это и держать одеяло. К тому же...

Большие глаза Иисуса и улыбка чуть с хитринкой. Он знал!

— Из ничего сотворил я плоть и исцелил тело твое. Это снимали, и теперь это увидит весь мир. Останутся ли неверующие на этой планете после такого? Да, останутся. Но миллионы из тех, кто не верил секунду назад, ныне уверуют. Остальные же все еще заблудшие овцы.

— Господин, — тихо сказал Орм. — Прощен ли я?

Иисус показал ему на мужчину и женщину. Мужчѣна был тот, кто стрелял в Иисуса и, возможно, попал, а женщина — та, что бросила гранату. Они были невредимы, но дыры на одежде показывали, куда попали пули. Они были окружены полицией, но наручников на них не надели.

— И они прощены, — сказал Иисус. — Я поднял их из мертвых, и весь мир теперь знает, что я могу быть милосердным. Эти теперь будут, наверное, среди самых преданных моих учеников. Если нет, все равно они живое свидетельство.

Иисус приблизил свои губы к уху Орма:

— Не сомневайся более! Но если усомнишься, ты выдашь себя мне раньше, чем сможешь предать меня. Не думаю, что ты усомнишься вновь. Но в следующий раз я не буду милосерд. Не подобает искушать Вседержителя слишком много раз. И Сына Человеческого — тоже.

Теперь скажи, знаешь ли ты, почему решил-ся ты в последнюю секунду, когда ты думал, что не будет других секунд, пожертвовать жизнью, чтобы спасти меня, который не нуждается в спасении?

— Не знаю, — ответил Орм. — Может быть, потому, что в глубине сознания была у меня мысль, что не так важно, кто ты — истинный Иисус или этот энергетический. Многими руками творит Отец работу Свою, и пути Его иногда извилисты. Если Он решил существо с дальней планеты сделать Мессией, как решил Он, что крешийцы будут среди Народа Завета, то... Но ты и в самом деле?..

Иисус поднял руку и остановил его речь.

— Истинный Мессия — это тот, кого Отец выбрал быть Мессией. Теперь войдем в Святой Город.

— Господин, я же оставил письмо с описанием, что я хотел сделать. Очень большой вред будет, если оно будет опубликовано!

Иисус поцеловал Орма в губы и ответил:

— Пусть будет. Мир видел, что ты сделал. Завтра мы отдохнем и продвинем работу Отца нашего еще на шаг. Предстоит победить великое зло. Темными будут дни и еще темнее ночи. Но в конце нас ждет свет, которого взыскуют все Сыны Света.

Содержание

От издательства	5
Иисус на Марсе, роман, <i>перевод М. Левина</i>	7

*Всем,
кто любит
фантастику!*

**ЕДИНСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ В РОССИИ**

Журнал «Если» был основан в 1991 году, а с 1993 года распространяется преимущественно по подписке.

Ценители жанра найдут в «Если» лучшие образцы новейшей зарубежной фантастики. Залог тому — наше сотрудничество с двумя ведущими американскими НФ-журналами — Asimov's и Analog, критико-библиографическим изданием Locus, а кроме того, тесные контакты с крупнейшими литературными агентствами и ведущими зарубежными писателями.

«Если» внимательно следит за развитием отечественной фантастики. Ряд произведений российских авторов, напечатанных в нашем журнале, получили престижные премии.

В разделах критики и библиографии читателей ждут очерки, посвященные истории жанра, статьи о новейших течениях НФ и фэнтези, рецензии на новые книги, литературные портреты, встречи с писателями, новости фэндомы.

Журнал выходит в удобном формате, с использованием современного дизайна, европейской бумаги, зарубежной полиграфии. Большой популярностью у читателей пользуется красочный раздел «Видеодром» — все о фантастическом кино.

Переписка с читателями сделала «Если» заочным клубом любителей фантастики и местом встреч поклонников жанра.

**«ЕСЛИ» — ЭТО 300 СТРАНИЦ
НОВЕЙШЕЙ ФАНТАСТИКИ!**

Подписка на журнал проводится по объединенному каталогу «ПОДПИСКА-98» (I том, раздел «Журналы»).

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 73118

Каталожная цена подписки на журнал — 48 тысяч рублей на полугодие плюс стоимость почтовых услуг.

Каталог есть в каждом почтовом отделении России.

Миры Пирса Энтони

Издательство «Полярис» представляет один из лучших сериалов в истории мировой фантастики — «Воплощения бессмертия» Пирса Энтони. Все семь романов — «На коне бледном», «Властью Песочных Часов», «С запутанным клубком», «Владея мечом кровавым», «Будучи зеленой матушкой», «Из любви ко злу», «И вечность» — увидят свет в серии «Миры Пирса Энтони».

Имя Пирса Энтони, одного из самых популярных и плодотворных авторов НФ и «фэнтези», известно всем любителям фантастики в нашей стране. Из-под его пера вышли такие циклы, как «Ксанти» и «Голубой адепт», такие романы, как «Макроскоп» и «Сос-Вережка». Но до сих пор ни один его сериал не был издан на русском языке полностью, и лучшие его вещи до сих пор оставались в тени.

А между тем уже ранние книги Энтони открывали вдумчивого и смелого мыслителя, стремящегося открывать новые земли. На грани 60-х и 70-х Энтони ворвался в литературу несколькими интереснейшими романами: «Хтон», блистательный юмористический роман «Дантист с плюсом» и знаменитый «Макроскоп». А в 1977-м Энтони начинает серии «Скопление» и «Ксанти», которые вывели его в первые ряды американских фантастов.

Теперь писатель ищет новые идеи, новые сюжеты. Но его популярность остается неизменной. Уже пятнадцать лет флоридский затворник Пирс Энтони остается самым любимым фэна-ми писателем-фантастом.

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

«Зачем ты пришел сюда, землянин? Чего искал? Ваше племя никогда не будет истинными правителями Марса».

Миры Ли Брэкетт

Ее называли «королевой космической оперы».

Она была писательницей и женой писателя.

Ее имя гремело среди любителей фантастики.

Она создала «Звездные войны».

Ли Брэкетт создала свой фантастический мир — мир героических подвигов, жутких древних тайн, удивительных краев. Под ее пером оживали планеты Солнечной системы — умирающий Марс, первобытная Венера, безумный Меркурий и холодные камни внешних миров.

Том 1
Пришествие
землян

Том 2
Вуаль
Астеллара

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Роберта Шекли

*Самый веселый,
Самый ироничный,
Самый непредсказуемый!
К читателям возвращается
блистательнейший Роберт Шекли!*

*Вновь ждут читателей его рассказы —
хорошо знакомые и мало известные,
смешные, ехидные и грустные —
но всегда великолепные!*

**ОБРАЩАТЬСЯ С
ОСТОРОЖНОСТЬЮ**

*В свет выходит
собрание
лучших работ
писателя —
две книги
великолепных
рассказов
величайшего
юмориста
мировой НФ.*

**ПРИКЛАДНАЯ
ДЕМОНОЛОГИЯ**

**ОБРАЩАТЬСЯ С ОСОБОЙ
ОСТОРОЖНОСТЬЮ!**

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том двадцатый

Составитель *Д. Смушкович*
Редактор *А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*
Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*
Оформление шмуцитула: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 17.06.97.

Подписано в печать 27.10.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антикwa. Печать высокая.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 5000 экз.

Заказ № 1597.

ООО издательство «Полярис»

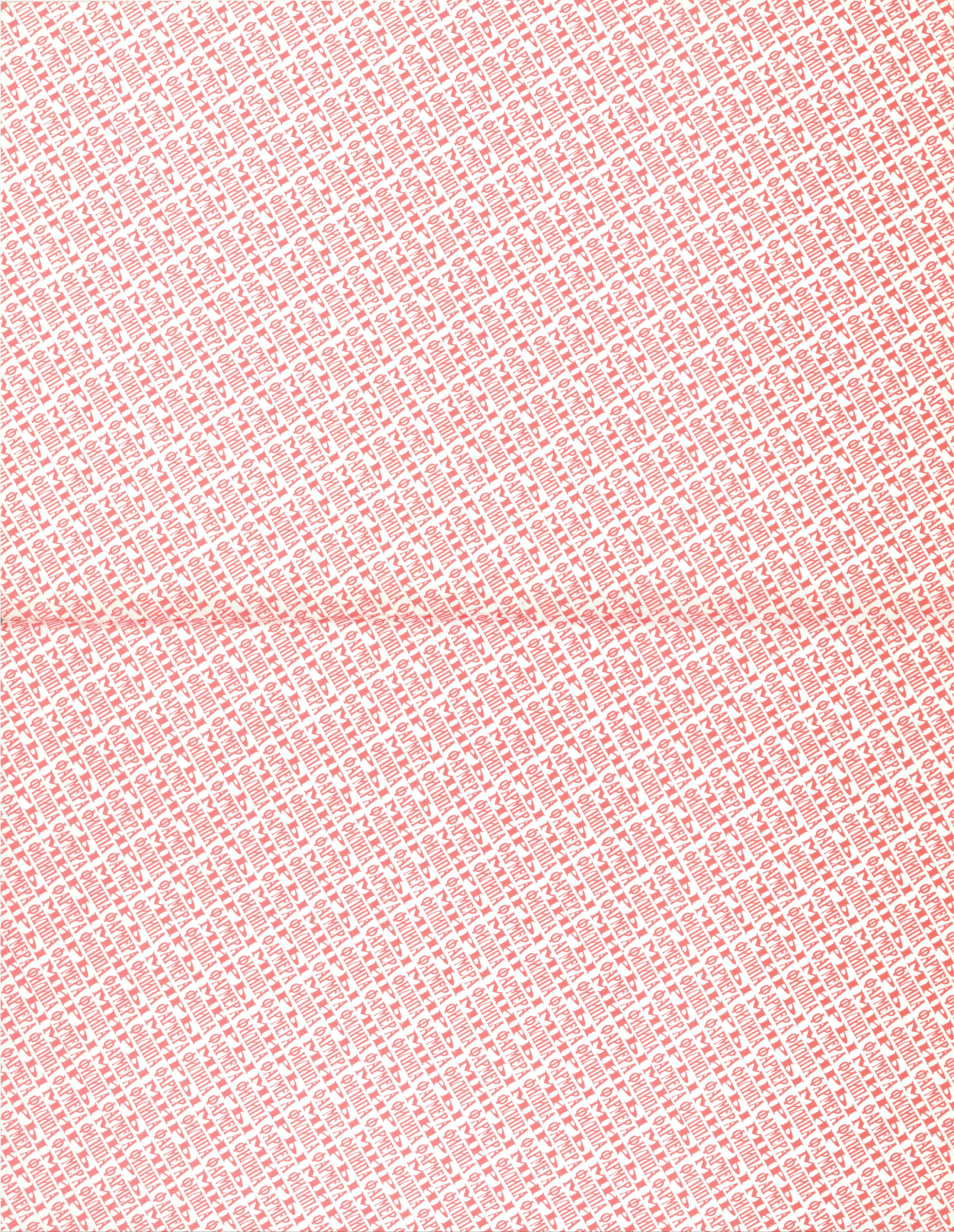
101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Иисус на Марсе

Первая пилотируемая экспедиция торжественно опускается на поверхность Марса. И... обнаруживает в подземных полостях странную колонию, основанную летчиками экипажа застрявшего две тысячи лет назад в Солнечной системе инопланетного корабля и похищенных чужаками людей Земли. А правит этим народом, почти забывшим о преступлениях, злобе, зависти и болезнях, тот, кто именует себя Иисусом из Назарета. Но кто он — сын ли Божий, или пришелец с просторов Галактики, или... противник того, чьим именем он назвался?!